

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**КАТЕГОРИИ И ЗАКОНЫ
МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ
ДИАЛЕКТИКИ И ЯЗЫК**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

КАТЕГОРИИ И ЗАКОНЫ
МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ
ДИАЛЕКТИКИ И ЯЗЫК

СБОРНИК НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИХ ОБЗОРОВ

Москва · 1984

Серия: ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Редакционная коллегия:

ПАНФИЛОВ В.З. – доктор филологических наук
(ответственный редактор),

БЕРЕЗИН Ф.М. – доктор филологических наук,
профессор,

АГЕЕВА Р.А. – кандидат филологических наук
(редактор-составитель),

СТРЕЛЬЦОВА Г.Д. – (редактор-составитель).

КАТЕГОРИИ И ЗАКОНЫ МАРКСИСТСКО- ЛЕНИНСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ И ЯЗЫК

Сборник научно-аналитических обзоров

Технические редакторы А.Г.Лосева, Т.И.Чекушина

Корректор Н.К.Якобишвили

А-13193

Сдано в набор 10/УШ-83 г. Подписано к печати 20/ХП-83 г.
Формат 60х84/16

Печ.л. 13,25

Уч.-изд.л. 10,0

Тираж 500 экз.

Заказ № 9772

© ИНИОН АН СССР, Москва, ул.Красикова, д.28/21.
Отпечатано в ПИК ВИНТИ, г.Люберцы, Октябрьский пр., 403.

042(02)9

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От редколлегии	5
Кузнецов А.М. Лексическое значение как результат отражения внеязыковой действительности	15
Лузина Л.Г. Образное познание и его выражение языковыми средствами	45
Трошина Н.Н. Стилистическое значение языковых единиц и его роль в познании	69
Агеева Р.А. Категория пространства и способы ее выражения в языке	84
Герасимов В.И. Некоторые аспекты отражения категории времени в языке	114
Клименко О.К. Категории количества и качества в языке	129
Стрельцова Г.Д. Категория отношения в языке (на материале синтаксиса)	149
Мирианашвили М.Г. Речевой ритм как одна из форм проявления диалектического процесса развития	172
Агеева Р.А. Закономерности развития языка	191

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Институт научной информации по общественным наукам АН СССР публикует сборник научно-аналитических обзоров по философским вопросам языкознания. Сборник подготовлен в год 165-летия со дня рождения и 100-летия со дня смерти Карла Маркса. Научно-аналитические обзоры включают преимущественно работы советских исследователей и хронологически охватывают в основном период последнего десятилетия.

Известно, что классики марксистско-ленинской философии уделяли большое внимание языку, его истории, связи с обществом, роли в познавательной деятельности человека и т.д. Работы, включаемые в обзоры настоящего сборника, ориентированы на марксистско-ленинское понимание языка и его отдельных аспектов, на применение общеметодологических положений марксистско-ленинской философии при разработке вопросов языкознания. "Суть марксистско-ленинской концепции языка заключается в том, что в ней сознательно используются основные положения и принципы марксистско-ленинского учения. Ориентация на марксистско-ленинское учение приводит к углубленному пониманию природы языка, позволяет формулировать задачи в их новой постановке. Создаются, таким образом, предпосылки для дальнейшего продвижения по пути познания..."¹⁾.

1) Хартунг В. О смысле и содержании марксистско-ленинской концепции языка. - В кн.: Актуальные проблемы языкознания ГДР: (Язык - Идеология - Общество). М., 1979, с. 31.

Заглавие сборника "Категории и законы марксистско-ленинской диалектики и язык" предполагает, что в работах, включенных в сборник, рассматривается специфика языка как объективного явления. "Язык в широком смысле этого слова... представляет собой необходимое средство осуществления и существования абстрактного, убоженного мышления и рациональной ступени человеческого познания, направленного на объективную действительность, человеческое общество, само человеческое мышление и познание. В языке, в его лексических и грамматических значениях, в той или иной степени фиксируются результаты человеческого познания. История развития языков, их лексических значений и грамматических категорий так или иначе отражает историческое развитие человеческого мышления и познания. Именно поэтому В.И. Ленин называл историю языка наряду с историей отдельных наук, умственного развития ребенка и животных в числе тех областей, из которых должна сложиться теория познания и диалектика. Таким образом, исследование роли языка в познавательной деятельности человеческого мышления, его роли в отражении объективной действительности и в этой связи проблемы языкового знака, развития языка и в особенности языковых значений и категорий как отражения развития познания и его категорий (качество, количество, пространство, время и т.п.) является необходимым компонентом исследования законов развития человеческого мышления и познания, составной частью теории познания любой философской системы"¹⁾.

В материалах сборника освещаются некоторые общие гносеологические проблемы языкознания (обзоры А.М. Кузнецова, Л.Г. Лузиной, Н.Н. Трошиной), а также рассмотрены важнейшие категории марксистско-ленинской диалектики (категории пространства, времени, количества, качества, отношения, ритма, развития) и способы их выражения языковыми средствами. Авторы обзоров стремились показать и дей-

¹⁾ Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982, с. 14.

ствие общих законов марксистско-ленинской диалектики, наблюдаемое в языке: закона перехода количественных изменений в качественные и качественных изменений в количественные; закона отрицания отрицания; закона единства и борьбы противоположностей и т.д.

Подчеркнута взаимосвязь всех категорий и законов марксистско-ленинской диалектики, что находит свое воплощение и в способах отражения языком объективной действительности. Так, например, языковой материал убедительно свидетельствует о связи категории пространства с категориями времени, движения, отношения, меры, количества, целого и части и т.д. Категория отношения универсальна и связана в первую очередь с категориями "вещь", "свойство" и др. Понятие о ритме неразрывно связано с категориями пространства, времени, развития и т.д.

Кратко остановимся на содержании отдельных обзоров. А.М.Кузнецов ("Лексическое значение как результат отражения внеязыковой действительности") указывает на способность к отражению объективного мира как на необходимое условие существования естественного человеческого языка. В то же время интеллектуально-психическая деятельность человека неизбежно накладывает своеобразный отпечаток на языковую систему, что обуславливает не прямое соответствие между реальной действительностью ("вещным миром") и языком (языковым содержанием). Автор рассматривает понимание природы и особенностей значения в языке в трудах представителей разных лингвистических направлений и школ.

Наиболее непосредственно с внеязыковой реальностью соотносятся единицы языка, имеющие ясно выраженную предметную основу, или денотативы. Поэтому автор подробно останавливается на основной семасиологической дихотомии денотативного и сигнификативного значений. В частности, делается вывод, что понятие денотативного значения языковой единицы в теоретических постулатах современной лингвистики исследуется в тесной связи с понятиями, соотносимыми: 1) с объектами физической или психической реальности (референт, денотат, экстенционал и т.п.); 2) с их осмыслением

(понятие, логико-понятийное содержание, реалема, денотат — во втором значении); 3) с их представлением в языке (значение: денотативное, сигнификативное — как сумма существенных признаков класса предмета, языковая семантика и т.д.). Подробно анализируется литература, посвященная семному анализу в лексике. Затрагивается вопрос о роли языка в познании, критикуются попытки абсолютизации роли языка в познании, характерные для позитивистской лингвистической философии.

Л.Г.Лузина ("Образное познание и его выражение языковыми средствами") характеризует понятие "образ" в материалистической гносеологии: оно является фундаментальной категорией, употребляется по отношению к видам чувственного отражения и абстрактного мышления и рассматривается как сложное единство объективного и субъективного. Автор различает типы образов (в гносеологическом смысле): 1) чувственно-наглядный, 2) абстрактно-понятийный, 3) художественный. Подчеркиваются необходимость и актуальность изучения языковых средств выражения образного познания: специфика образного познания проявляется в том, что на его основе нередко возникает знание, которое не может быть достигнуто при опоре на один рациональный, логический опыт.

Современное состояние проблемы образности представлено Л.Г.Лузиной в (лингво)гносеологическом, общелингвистическом и лингвостилистическом аспектах. Автор отмечает, что лингвистическое понимание образности в последнее время выходит за рамки лексических образных средств. Перспективной представляется наметившаяся тенденция к исследованию языковой образности как динамического феномена.

Обзор Н.Н.Трошиной носит название "Стилистическое значение языковых единиц и его роль в познании". В языковой системе реальная действительность отражается в таких формах, которые соотносятся как с логическим, так и с чувственным (эмоциональным) познанием мира. Поэтому, "говоря о предметном мире языкового содержания, безусловно, необходимо включать сюда и все объекты интроспекции (эмоции, психические состояния), поскольку они в этом случае

также становятся объектом по отношению к познавательной деятельности¹⁾.

В системное значение языковых единиц входит наряду с сигнификативным компонентом абсолютное стилистическое значение, т.е. стилистически окрашенный компонент лексического значения. Он является специфически языковым выражением оценки обозначаемого с помощью маркированных единиц. Абсолютное стилистическое значение также формируется в результате познавательной деятельности человека: сначала как бы типизируются коммуникативные сферы и ситуации, обобщаются их основные признаки. Затем в соответствии с этим языковые единицы подразделяются в их преимущественном частотном употреблении.

Р.А.Агеева ("Категория пространства и способы ее выражения в языке") характеризует категорию пространства в марксистско-ленинской философии, в естественных и гуманитарных науках. Язык обладает спецификой отражения объективного физического пространства. Можно считать, что реальное физическое пространство не соотносится прямо ни с одной языковой категорией; языковая картина не может быть полностью адекватна действительности, так как результаты познавательной деятельности человека фиксируются не только языковыми средствами, но и функционируют в речевых произведениях. Пространственные представления нашли свое отражение на разных уровнях языка: в лексике, морфологии, синтаксисе. В обзоре характеризуются: особенности номинации; предметы, их пространственные характеристики; роль тропов при актуализации отношений "слово" - "вещь"; особенности терминов ориентации в разных языках мира; *nomina loci*, топонимы; грамматическая категория падежа, локативы; наречия, послелог и предлоги пространственного значения; предикативные категории - вид, предельность и др.; дейктические слова; локальные отношения в предложении. Затраги-

1) Колшанский Г.В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте. - В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, с. 10.

вается вопрос об особенностях отражения пространственных представлений в тексте (мифология, художественная литература).

Тесно связана с категорией пространства категория времени, которой посвящен обзор В.И.Герасимова ("Некоторые аспекты отражения категории времени в языке"). Результаты исторического освоения человеком временной структуры действительности неизбежно отражаются в системе языка, что получает выражение в формировании достаточно сложной системы временных значений, свойственной любому языку. В языках различных типов распределение временных значений по средствам выражения существенно различается, но состав значений в целом совпадает. Это свидетельствует о существовании "общей модели временных отношений, передающих восприятие существования и действия во времени, которое сложилось у человека в процессе его развития и познания им окружающей действительности"¹⁾.

Автор рассматривает метрические и топологические свойства времени, отражаемые в специфических формах любого естественного языка и в некоторых особенностях языковой коммуникации. Категория времени выражается, например, в русском языке системой временных форм глагола, а также наречиями, именными и деепричастными конструкциями, устойчивыми фразеологическими сочетаниями и придаточными предложениями. Функции глагольных форм, выражающих время, по мнению автора, могут быть названы интралингвистическими (выражаются морфологически), а функции именных групп с обстоятельственным значением времени – экстралингвистическими (выражаются синтаксически).

В обзоре О.К.Клименко ("Категории количества и качества в языке") рассматриваются языковые способы выражения мыслительных категорий качества и количества, которые являются отражением общих свойств самого бытия. Обращается внимание на определенную зависимость категорий ка-

1) Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М., 1975, с. 67.

чества и количества как с точки зрения последовательности их становления и развития, так и с точки зрения последовательности их применения в процессе познания. Освещается вопрос о соотношении категорий "качество" и "свойство", который остается дискуссионным в специальной литературе. Затем изучаются различные языковые средства (лексические и грамматические) выражения категорий качества и количества, которые значительно варьируются в зависимости от строя языка. Рассмотрению подвергается также становление категорий количества и качества, причем особое место занимает вопрос о роли мыслительной операции сравнения в генезисе последней категории.

Г.Д.Стрельцова ("Категория отношения в языке (на материале синтаксиса)") указывает, что в ряду категорий марксистско-ленинской диалектики, находящих свое непосредственное отражение в языке, особое место отводится категории отношения. С позиции диалектического материализма отношение есть всегда отношение вещей по какому-либо свойству, присущему каждой из них. Отношение трактуется в современной философии как момент взаимосвязи всех явлений. Однако автор показывает, что не существует единого мнения об онтологическом статусе отношений (соотношение понятий "вещь" — "отношение", а также понятий "отношение", "взаимодействие", "связь").

В языке, отражающем объективную действительность, находят свое выражение связи и отношения между предметами и явлениями окружающего мира; эти отношения выражаются на всех уровнях языка. Характер синтаксических отношений в предложении и его синтаксическое построение во многом обусловлены особенностями структуры суждения, как формы мысли, выражаемой предложением.

В обзоре анализируются два уровня структуры предложения — логико-грамматический (в основе — предикативное отношение) и синтаксический (в основе — смысловые отношения между компонентами синтаксических единиц, которые формально выявлены, объективированы синтаксической связью между ними). Рассматриваются вопросы актуального членения предложения, предикативности, анализируются основные виды синтаксической связи.

М.Г. Мирианашвили ("Речевой ритм как одна из форм проявления диалектического процесса развития") указывает, что всякий ритм исконно представлял универсальный принцип структурирования любого явления или объекта в тех или иных формах движения материи. Представления о ритме формировались и развивались в древнеиндийской, древнекитайской и древнегреческой философиях. Проблема ритма интересовала и средневековых ученых, и представителей классической немецкой философии. Ритмический характер развития материи изучается марксистско-ленинской философией. В исследованиях отечественных ученых ритм рассматривается как выражение единства изменения и постоянства в структуре, как процесс, осуществляющийся во времени и пространстве. Уже в ранних работах о ритме содержалась мысль о его организующей роли. Тот факт, что ритм объединяет отдельные элементы структуры в процессе развития в единое целое, дал советским исследователям основание соотнести понятие о ритме с основными законами и категориями диалектики. Проблема ритма и связанные с ней проблемы времени и пространства в настоящее время считаются объектом изучения не только философии, но также и медицины, биологии, искусства, социологии, языкознания и других дисциплин.

Множество исследований современных отечественных лингвистов посвящено изучению речевых ритмов. Высказывая свои точки зрения на сущность речевого ритма, на характер его проявления, ученые порой приходят к различным толкованиям данной проблемы. В этой связи, очевидно, можно считать своевременной дальнейшую разработку более обобщенного понятия о ритме на основе марксистско-ленинской философии и знаний о ритме, накопленных в различных областях науки.

Р.А. Агеева ("Закономерности развития языка") отмечает, что одной из важнейших философских проблем марксистско-ленинского языкознания является историческое развитие языка, взгляд на язык как на развивающуюся систему, изменение которой во времени подчинено определенным закономерностям. Закономерности развития языка во многом обусловлены тем фактом, что язык представляет собой системно-структурное образование.

Существует различное понимание терминов "развитие", "эволюция", "изменение", "прогресс" и т.п. по отношению к языку (часто эти понятия смешиваются); различные точки зрения представлены в обзоре. Автор рассматривает виды развития языка: функциональное и внутривидовое; они относительно самостоятельны и соответствуют наличию двух диалектически связанных, взаимообусловленных сторон: языка как сложного, иерархически организованного материально-идеального явления и его общественного функционирования.

Рассматриваются внутренние и внешние факторы развития языка, их соотношение; причины и тенденции изменений; процессы конвергенции и дивергенции; дается критический анализ соответствующей литературы. Отмечается, что в настоящее время наблюдается тенденция к созданию таких концепций истории языка в целом (работы Р.А.Будагова, М.М.Гухман, В.К.Журавлева, В.З.Панфилова, Т.А.Расторгуевой и др.), в которых либо постулируется примат диалектического принципа саморазвития, либо наблюдается стремление к органическому учету внешних и внутренних факторов развития языка.

В целом следует отметить, что в девяти обзорах настоящего сборника отражен большой материал (более 400 книг и статей), дающий содержательную информацию о современном состоянии исследований в области ряда философских проблем языкознания. Редколлегия сборника надеется, что книга будет полезной научным работникам – специалистам в области языкознания, философии, логики, психологии и других дисциплин, а также преподавателям и методистам системы высшего и среднего образования. Настоящий сборник подготовлен Отделом языкознания ИНИОН АН СССР.

КУЗНЕЦОВ А.М.
ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ
ОТРАЖЕНИЯ ВНЕЯЗЫКОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

1. Общие положения

Способность к отражению объективного мира является необходимым условием существования естественного человеческого языка, поскольку в основе коммуникации лежит потребность сообщать нечто о вещах, лежащих, как правило, за пределами языка. Разумеется, для полноценного общения необходимо более или менее одинаковое или сходное отражение и понимание объективной реальности. Однако между реальной действительностью ("вещным миром") и языком (языковым содержанием) лежит сравнительно мало исследованная область интеллектуально-психической деятельности человека, которая неизбежно накладывает своеобразный отпечаток на языковую систему, что проявляется, например, в преобразовании и регулировании взаимоотношения языкового значения и обозначаемых вещей, обуславливая их непрямое соответствие.

Понимание природы и особенностей значения в языке весьма различны в разных лингвистических направлениях и школах.

Исследование сущности языкового значения как результата специфического отражения в мышлении (и в языке) объективного мира связано с изучением природы отражаемых объектов, их систематизации как отраженных фактов (классов

предметов, свойств, отношений), природы и существа самого отражения как феномена мышления, сознания, языка, а также способов существования и механизмов функционирования значения (33, с. 34 и сл.).

Марксистско-ленинская философия исходит из того, что материя, природа, бытие существуют независимо от сознания, что материя первична, а сознание вторично, являясь продуктом развития материи и отражения объективного мира. С диалектико-материалистической точки зрения объективный мир и его закономерности познаваемы; знания о законах материального мира, проверенные практикой, являются достоверными и имеют объективный характер. Как справедливо отмечалось в марксистской литературе по языкознанию, "один из аспектов материалистического решения основного философского вопроса о первичности материального и вторичности идеального состоит в том, что идеальное, будучи продуктом мозга как формы высокоорганизованной материи, вместе с тем является результатом отражения вне и независимо от человека существующей действительности и в этом смысле также вторично по отношению к ней. Это положение имеет силу и в отношении той формы идеального, которую представляет собой идеальная сторона языковых единиц. Вторичность этой формы идеального состоит также и в том, что она есть результат отражения (разрядка наша. — А.К.) действительности, и, следовательно, не может не быть подобной этой действительности" (37, с. 79).

Неполное, не прямое соответствие значения обозначаемому "предмету" порождает разнообразные и часто несовпадающие, противоречивые суждения среди лингвистов по поводу этого факта.

В одних случаях (что особенно характерно для представителей крайнего структурализма — Соссюр, дескриптивная лингвистика, валентная семантика, контекстная семантика и т.п.) исследователи стараются всячески отмежеваться от всякой экстралингвистической обусловленности языковой семантики, а иногда и вообще элиминировать "семантические факторы в описании языка" (Л.Блумфилд, дескриптивная лингвистика, первые варианты трансформационной грамматики и т.п.).

С прямо противоположных исходных позиций подходили к значению представителя направления, известного в семантике под названием "слова и вещи", а также семасиологии, отождествляющие значение слова с его референтом или приравнивающие значение слова к понятию (32; 45 и др.), исследователи, разрабатывающие теорию референции (34). Критикуя чисто формальные приемы описания языка, авторы видят истоки и причины такого подхода в принципиальной нечеткости, диффузности семантической сферы языка, что обуславливает стремление обнаружить внешне выраженные, формально фиксированные различия, за которыми стоят различия смысловые. Следствием такого подхода является отрицание какой-либо значимости логико-интуитивных приемов и интроспекции в исследовании языкового содержания.

Известно, что мысль испытывает возрастающие трудности на пути от конкретного к абстрактному (и от абстрактного к конкретному), от частного к общему все более высокого порядка, от понятия о вещах к понятиям о признаках (свойствах и отношениях). Ее четкость на этом пути в общем затемняется, а границы понятия (объем) как бы размазываются. Соответственно, имена вещей обнаруживают, как правило, более четкий семантический состав, чем имена признаков. Именно известной аморфностью, текучестью логико-предметного содержания или признаков объясняется то обстоятельство, что при изучении семантики глаголов и прилагательных исследование их референциально-содержательной стороны иногда подменяется анализом их валентностно-дистрибутивных и дифференциальных характеристик. Возможности подобного анализа несомненно необходимо использовать, если мы хотим получить как можно более полное и всестороннее представление о языковом содержании. "Но такое изучение, очень важное для семасиологии само по себе, не является изучением значений слов. Оно дает возможность объективно охарактеризовать и в известной мере классифицировать значения, но не может раскрыть подлинной природы существующих между ними различий" (50, с. 15).

Вывод о принципиальной невозможности решить семасиологические проблемы на основе одних только формально-язы-

ковых критериев без обращения к внеязыковым факторам подчеркивается и в работе М.В.Никитина (31). Наиболее непосредственно с внеязыковой реальностью соотносятся единицы языка, имеющие ясно выраженную предметную основу, или денотативы. Поэтому, не углубляясь в подробный анализ типов и разновидностей языковых значений, считаем необходимым остановиться подробнее на основной семасиологической дихотомии денотативного и сигнификативного значений, имеющей прямое отношение к разбираемой нами проблеме.

2. Денотативное значение. Денотат, референт, реалема, денотативная ситуация, "положение вещей"

Существование денотативного значения обусловлено предметностью мышления, его обращенностью к реальному миру. При этом предметный мир языкового содержания мыслится широко и включает не только обозначения реально воспринимаемых объектов внеязыковой действительности, но и другие виды означаемых (чувства, эмоции, психические состояния, признаки и т.п.) (см. 21).

Сущность языковой единицы заключается не в том, что она обозначает "вещь" или соотносится с нею, но и в том, что она репрезентирует некоторую абстракцию как результат познавательной деятельности человека. В слове, таким образом, закрепляются результаты рационального познания, связанного с абстрагированием от реальной вещи общих признаков, преобразованием их в идеальную сущность. В слове как одной из основных единиц языка находит отображение и закрепление не весь предмет в целом, но только небольшое число (или даже один), признак или свойство предмета из множества. Использование термина "денотат" связано именно с различением объекта, с одной стороны, как экстралингвистической сущности и с другой – как отображения одного из свойств этого реального объекта, на который направлена познавательная деятельность.

Кроме того, в семантических работах часто проводится различие между уровнем простого лексического обозначения

денотата и обозначением денотата через словосочетание в процессе коммуникации. В связи с этим вырабатывается новое понятие для обозначения сложного денотата, передаваемого в высказывании, — понятие "ситуации" (денотативной ситуации), а само противопоставление "простого денотата" "сложному денотату" соответствует не только дифференциации денотата слова и денотата, обозначенного словосочетанием, но под второй тип подводятся денотаты, представленные грамматическими конструкциями предикативного типа (17; 16; 15; 25, с. 12–13).

При описании семантических типов предикатов (42) также принимаются во внимание реальные, онтологические сходства и различия описываемых предикатами ситуаций, для обозначения которых выбирается термин "положение вещей". Данный термин употребляется в самом широком смысле, т.е. то, "что может иметь место в каком-нибудь мире" (42, с. 8). Указывая на различие и сходство данных понятий с понятиями, указанными выше, автор заключает: "Иногда в качестве обобщения всех тех "положений вещей", каждое из которых может описываться той или иной предикативной конструкцией, употребляют термины "ситуация" или "событие" (англ. event). Мы, однако, резервируем эти термины для обозначения частных типов "положений дел" (что связано со стремлением в возможно большей степени приблизить нашу терминологию к обычному словоупотреблению обиходного русского языка" (42, с. 8). Ср. также определение понятий "положение вещей" в работах (2; 5; 11; 19; 53). Иногда подобная трактовка денотата приводит к недооценке роли денотативного значения слова и лексического значения вообще в смысловой структуре языка от ее преуменьшения вплоть до полного отрицания. Ср., например, следующее высказывание, принадлежащее одному из представителей американского направления порождающей семантики. "Хотя концепция о самостоятельном значении слова умирает очень тяжелой смертью, в настоящее время общепринято считать, что нет других единиц меньше предложения, которые были бы действительно и полностью значимы. Утверждение о том, что отдельное слово имеет значение, бессмысленно,

поскольку в живом языке слова не встречаются в изолированном виде (62, с. 8).

Мне уже приходилось писать о том, что подобная точка зрения не выдерживает критики и объективно приводит к исключению категории значения не только на лексическом, но и на синтаксическом уровне. Если быть последовательным и продолжить аргументацию автора, то можно прийти к выводу, что и предложение, рассматриваемое в отрыве от остального корпуса высказывания или от внеязыковой ситуации, часто бывает столь же семантически неопределенным, как и значение слова вне предложения (27, с. 114–116).

Говоря о денотативном значении, следует подчеркнуть, что наиболее распространенным все же является различие двух видов денотатов: идеального, т.е. типизированного представления предмета, явления, свойственного слову в системе языка, и материального – конкретного предмета как референта слова в составе высказывания (последний иногда отождествляют с референтным значением). В качестве сигнификативного значения в данной концепции рассматривается понятие или сумма существенных (отличительных) признаков класса обозначаемых словом предметов. При этом знаковое значение некоторых типов слов (имен классов конкретных предметов) могут включать оба компонента, реализуя в речевых высказываниях преимущественно то один, то другой (48; 25, с. 29–31).

Некоторые авторы предпочитают говорить о денотативном значении только в тех случаях, когда имена обозначают единичную вещь. Когда же они выражают мысль об общем представлении целого класса предметов, то они рассматриваются в качестве сигнификативного значения (31). Таким образом, то, что в первом случае рассматривается как две разновидности денотативного значения, во втором разделено на денотативное и сигнификативное значения. В целом, как можно легко заметить, разногласия между лингвистами по поводу денотативного значения носят скорее терминологический, чем принципиальный характер. Ср. в этой связи еще понятие "реалемы", вводимое на денотативном уровне для обозначения определенного инварианта предметного класса, класса реалий,

который отражает их общие, наиболее существенные особенности (47).

Данное понятие получает применение в другой работе (33), где ее автор подчеркивает, что выделение системы реалем, основанной на общественной (в том числе языковой) практике людей, важно для понимания внеязыковых предпосылок лексико-семантической системы языка. Реалемы – это как бы отобранные типовые предметы, существенные свойства которых находят отражение в содержании единиц языка. Так, реалемой "стол" может быть представлено все многообразие предметов, называемых столами и используемых в практике, независимо от вида, назначения, формы материала, принадлежности к культурному ареалу, эпохе и т.д.

Итак, понятие денотативного значения языковой единицы в теоретических постулатах современной лингвистики исследуется в тесной связи с понятиями, так или иначе соотносимыми: 1) с объектами физической или психической реальности (референт, денотат, экстенционал и т.п.), 2) с их осмыслением (понятие, логико-понятийное содержание, реалема, денотат – во втором значении) и, наконец, 3) с их представлением в языке (значение: денотативное, сигнификативное как сумма существенных признаков класса предмета, языковая семантика и т.д.). Если статус единиц первого и последнего рядов в целом трактуется однозначно (первые относятся к области экстралингвистики, а вторые – к сфере собственно языкового значения), то положение срединного ряда остается неясным, расплывчатым.

3. Статус срединного уровня

Одни исследователи считают, что лингвистическая семантика не должна опускаться ниже уровня понятий, реалем и т.п., т.е. область логического осмысления включается в язык, а само лингвистическое значение приравнивается к понятию (32; 45).

По-иному решается проблема соотношения значения и понятия в (36; 37; 41). Так, В.З.Панфилов (37) допускает

принципиальную теоретическую возможность отражения, с одной стороны, в виде системы лексических значений (десигнагов) и с другой – в виде системы понятий. Средствами фиксации и экспликации последней могут быть не только слова, но и речевые произведения в виде свободных словосочетаний и предложений, конкретное содержание которых является принадлежностью не языка, а речи. В результате система понятий оказывается значительно шире, чем система лексических значений. Однако отсутствие изоморфизма между системой понятий и значений не исключает случаев близости или даже совпадения между ними по отдельным единицам или подсистемам, как, например, в области терминологии. Согласно весьма распространенному мнению, различие между понятием и значением слова состоит в том, что понятие в совокупности составляющих его содержание признаков изоморфно соответствующему объекту действительности с его реальными признаками, в то время как значение слова и обозначаемый им объект не находятся в изоморфном отношении друг к другу, поскольку в значении отражается только часть присущих объекту признаков¹⁾. Однако, как отмечает автор (37, с. 88), изоморфное соотношение в принципе возможно только как предел человеческого познания, и можно говорить лишь о непрерывном процессе приближения к такому соотношению (т.е. к абсолютной истине), так что на каждом этапе адекватно отражаются лишь некоторые признаки объекта. Понятия и значения слов отличаются по их роли в процессе мышления. Например, суждение как форма мышления, фиксирующая относительно законченный акт мысли в его субъектно-предикатной структуре, в качестве своих компонентов включает не значения слов, а понятия. Слово же в

1) Ср., например: "Из существующих критериев разграничения этих единиц (значения и понятия, – А.К.) наиболее удачным нам представляется следующий: значение отождествляется только с различительными признаками, по которым отображение класса денотации одного слова отличается от других" (41, с. 9).

составе предложения-суждения обладает лишь способностью выразить понятие как структурный компонент этой формы мышления. Автор приходит к выводу, что "существование наряду с понятиями, суждениями и другими неязыковыми категориями также и языкового значения, в формировании которого определяющую роль играет фактор отражения объективной действительности, не означает, что есть два самостоятельных, параллельных и независимых друг от друга вида отражения действительности" (37, с. 89).

4. Признаки предмета и семантические признаки (семь семантических компоненты, семантические множители)

Проблема соотношения внеязыковой реальности и ее отражения в языковом значении по-своему преломляется в работах по семному анализу в лексике. В связи с этим представляется уместным обратиться к одной книге Ж.Мунэна (65), где на материале французской лексики исследуется семный состав лексических групп, в частности слов, обозначающих "жилые постройки": *maison* "дом", *suberge* "гостиница", *bastide* "деревянный дом", *cabane* "хижина", *bouron* "хижина пастуха", *cahutte* "халупа, шалаш", *igloo* "ледяная хижина", *paillotte* "соломенная хижина" и т.п. На основе существующих словарных дефиниций выявляются соответствующие дифференциальные признаки — "материал постройки", "ее назначение", "предназначенность для определенных климатических условий", "качество постройки" и т.п.

Хотя подобные дифференциальные признаки и образуемые на их основе структуры обладают определенной реальностью для носителей языка, тем не менее остается неясным, относятся ли они только к сфере языка, или они прямо отражают черты внеязыковой действительности, или в них, наконец, совмещается то и другое одновременно. Такие колебания связаны, в частности, с тем, что многие слова в данной группе не находят четко определенного места в семантической структуре. Например, слово "монастырь" может быть отнесено и к

области жилых, и к области культовых построек, а слово "интернат" – и к жилым, и к учебным зданиям. Рассматривая подобные группы слов как "поле", автор ставит под сомнение языковую природу "полевых" структур в лексике, поскольку они не являются лингвистическими в строгом смысле слова, а восходят к внеязыковому эмпирическому опыту. Несколько иной вывод содержится в работе Г.С.Щура (51). Критически исследуя многие семасиологические работы, автор выявляет их общие черты: 1) в большинстве из них осуществляется парадигматический полевой подход, т.е. анализируются так или иначе структурно организованные лексические группы, и 2) у элементов этих групп обнаруживаются общие семантические признаки. Однако, по мнению автора, "из этого обстоятельства еще не следует, что подобные группы можно интерпретировать как поля, в частности, потому, что природа общих семантических признаков у различных групп лексем отнюдь не одинакова. Это видно на примере синонимов, с одной стороны, и лексем, обозначающих определенную предметную область, – с другой. В первом случае есть основание, следуя традиции, семантику подобных лексем рассматривать как лингвистическую, а во втором – как экстралингвистическую" (51, с. 35).

Таким образом, в обеих указанных работах (51; 65) подобные структуры (а также признаки, на которых они построены) относятся к области экстралингвистики, однако в первой они квалифицируются как "поле", тогда как во второй автор не находит возможным интерпретировать эти образования как "поле".

В работе Н.А.Слюсаревой (43) предпринимается попытка определить влияние внеязыковой действительности на семантику слова, а также их взаимоотношение, в связи с чем предлагается различать лингвистическую семантику и семантику отражения. По мнению автора, выделяемые в указанной выше работе Ж.Мунэна (65) признаки разных типов жилищ являются нелингвистическими и поэтому должны рассматриваться в рамках семантики отражения. Объектом же лингвистической семантики являются слова каждого конкретного языка и их сочетания с номинативным значением, рассмотренные с содержательной стороны.

В соответствии с этим "семантическая структуризация представляет предмет и задачи, выходящие за пределы лингвистики, тогда как лексическая структуризация в пределах каждого конкретного языка составляет одну из задач науки о языке" (43, с. 19). Не отрицая компонентной природы лексического значения, автор отмечает, что единицы лингвистической семантики, т.е. значения слов, представляют собой пучки (совокупности) единиц, т.е. сем, которые относятся как к области семантики отражения, так и к области семантики языка". Трудности определения значений слов проистекают, с одной стороны, из-за того, что структуризация семантики отражения покоится пока на интуиции, а с другой стороны, из-за того, что слово как член системы языка, помимо значения, обладает еще и ценностью (*valeur*), т.е. реляционными свойствами... Таким образом, эта структуризация, хотя и не является целиком лингвистической, тем не менее столь существенна, что без нее невозможно выделение лексических пластов (полей). Но построение системы лексики по этому принципу действительно весьма сомнительно" (43, с. 20).

На основании этих высказываний можно заключить, что 1) изучение лексической семантики предполагает учет взаимодействия объектов реальной действительности, обозначаемых словами (т.е. семантики отражения), и оно должно проводиться объективно (а не интуитивно); 2) семантика отражения играет существенную роль в организации семантических полей, но 3) внеязыковая семантика отражения не может служить основанием для построения лексической системы. Здесь, однако, остается не вполне ясным, каким образом значения слов, т.е. единицы лингвистической семантики, могут включать семы, относящиеся и к области внелингвистического отражения, и к области семантики языка. Идет ли речь об одних и тех же семах, которые могут быть отнесены к разным семантикам, или разные семы идут по разным рубрикам. Кроме того, по-видимому, в рассуждения автора вкрадывается некоторое противоречие, когда она говорит об участии элементов семантики отражения в значении слова, но одновременно лишает их какой-либо роли в структурирова-

нии лексико-семантической системы языка. О различиях семантики языковой и неязыковой (отражательной) см. также в других работах (9; 10; 46).

Проблема взаимоотношения объективной действительности и семантики слова находит достаточно последовательное (хотя и не всегда однозначное) решение в работе Д.Н.Шмелева (50), где отмечается, что "основной задачей семасиологии является исследование именно того, как в единицах языка (словах) отображается внеязыковая действительность. Те связи и взаимоотношения между явлениями действительности, которые главным образом и обуславливают лексико-семантическую систему языка, являются, конечно, внешними по отношению к самому языку. Но всякая знаковая система служит для обозначения как раз того, что находится за пределами данной системы, и значение знака раскрывается только вне данной системы (в противоположность значимости знака, которая определяется его положением внутри системы" (50, с. 18).

По нашему мнению, увязывание отнесения семантически структурированных областей к сфере языковой семантики или к области внеязыковой семантики со степенью абстрактности (сигнификативности) или, наоборот, со степенью предметности (конкретности, денотативности) лексических значений недостаточно обосновано. Прежде всего потому, что здесь неправомерно связываются два вида различий: различие в характере значений слов и различие в способности слов образовывать ясно выраженные семантические структуры. Это соответствие можно было бы признать справедливым, если бы сохранялась строгая корреляция хотя бы в одном отношении, т.е. корреляция между "предметностью" значения слов и их способностью (или неспособностью) четко вступать в семантические противопоставления друг с другом. Однако такое соответствие вряд ли существует. Ср. ЛСГ конкретных слов-денотативов, обозначающих разные породы деревьев (сосна, береза, ель, пихта и т.п.), где какие-либо системно обусловленные признаки отсутствуют, и ЛСГ "предметы мебели", "термины родства" и т.п., наличие структурной организации в которых не вызывает сомнений (подробнее см. в 27, с. 38-58; 26).

Как показывает анализ разнообразных лексических групп, наличие или отсутствие в них четкой структурной организации может быть объяснено не столько характером самого лексического значения, сколько тем, в какой степени освоена или в какой степени важна для данного языкового коллектива та область внеязыковой действительности, которая покрывается этой лексической группой. От этого в значительной мере зависит и количество самих слов, отражающих данную сферу человеческого опыта, и количество и дробность выделения значений внутри слова, и четкость дифференциации семантических признаков, составляющих лексическое значение.

Иногда в лингвистической литературе можно встретить утверждения, связывающие лексико-семантические факты количественного порядка (например, значительное количество слов в некоторых языках, служащих для обозначения некоторой узкой сферы внеязыковой действительности) со степенью социального развития, особенностями мышления соответствующего языкового коллектива и т.д. Мне кажется, что в данном случае оказываются гораздо важнее другие причины.

По-видимому, каждый язык обслуживает коммуникативные и другие запросы общества наиболее оптимально и полно. Различие состоит в том, что в языковых коллективах, далеких от научных представлений (научных в узком смысле), углубленное знание отдельных явлений или объектов, имеющих жизненно важное значение, непосредственно отражается в обычном (неспециальном) словаре, понятном и употребляемом всеми носителями языка. Поэтому, например, наличие в эскимосском языке многочисленных слов для обозначения снега в его различных состояниях (ср. также разветвленную систему названий денег, денежных знаков, чеков и т.п. в английском языке, особенно США) свидетельствует только о большей степени освоения или о большей значимости для эскимосов этой предметной области. В тех же языковых коллективах, где жизненно важные сферы практической деятельности оказываются четко дифференцированными по различным социальным группам, лексика, отражающая эти предметно-понятийные области, остается в компетенции сравнительно узкого круга людей, имеющих к ней непосредственное

отношение. Здесь эти области словаря часто образуют особую терминологическую лексику (26).

Упрекать эскимосов в том, что они не создали достаточно обобщенных названий для снега, все равно, что винить сталеваров в том, что они, умея выделить 40 оттенков расплавленного или раскаленного металла, не могут назвать их каким-то одним обобщенным термином. Просто для них это не важно, не нужно. Л.Саломон в работе (69) в связи с этим справедливо подметил: "Ничто не препятствует образованию единого наименования для обозначения обуви, кораблей, сургуча, а также королей и капусты, объединяющим признаком для которых было бы только то, что именно эти темы предлагал обсудить Морж Плотнику в известной сказке Л.Кэрролла. Отсутствие до сих пор подходящего наименования для всех этих вещей объясняется тем, что мы в данный момент не испытываем в этом необходимости. Однако если когда-нибудь обнаружится, что все эти вещи (и никакие другие) содержат холестерол или производят инфракрасное излучение, которое может быть использовано в качестве источника энергии, тогда мы, очевидно, будем воспринимать их как группу, основанную на одном из указанных выше свойств. И для того, чтобы общаться по поводу этих вещей, или для того, чтобы просто осознать их для себя, мы должны будем придумать одно общее название для этой группы" (69, с. 20-21).

Актуальность тех или иных вещей, взаимосвязей, отношений влечет за собой образование соответствующих языковых единиц для их обозначения, и, наоборот, их исчезновение, утрата их актуальности служит причиной постепенного забвения или полного исчезновения из языка и их наименований. Именно такова судьба многих русских имен родства (свойства) типа шурин, золовка, свояк и т.п., отражавших некогда важные связи внутри "большой семьи". Ныне они почти полностью забыты, и носители русского языка (особенно младшего поколения и особенно в больших городах) большей частью могут опознать только их внешнюю (звуковую или графическую) форму, ассоциируя данные слова с некоторым общим расплывчатым значением родства по браку, без различения конкретных смысловых дифференциальных признаков: родство через мужа (деверь), родство через жену (шурин) и т.п.

Нечеткость выделения дифференцирующих элементов значения слов может проистекать не только из того, что соответствующие реалии утрачивают свою значимость. В некоторых даже сравнительно широко употребляющихся словах их смысловые элементы могут находиться как бы в свернутом виде. Исследователям-семасиологам довольно часто приходится иметь дело со случаями, когда в основе различения слов лежат признаки и свойства обозначаемых предметов и явлений, о которых известно только то, что они чем-то отличаются друг от друга, но сущность такого различия остается неясной. И тогда необходимо обращаться к описанию свойств самих денотатов. Продуктивность такого подхода была показана в экспериментальной работе (40), посвященной определению дифференциальных признаков глаголов группы светиться, сверкать, сиять, мигать, мерцать и т.п. с общим компонентом "излучать свет". В эксперименте использовался простейший прибор – круг с перфорацией по окружности, за которым помещалась зажженная лампочка – источник света. При изменении скорости вращения этого круга соответственно изменялись частота появления и исчезновения света. В зависимости от этого информантам предлагалось определить, что происходит со светом: мигает он, светится, сверкает, мерцает и т.д. Автору удалось весьма убедительно продемонстрировать зависимость и взаимообусловленность значения и употребления слов от некоторых физических параметров: признака контрастной системы освещенности сетчатки глаза, признака периодичности изменения интенсивности излучения и т.п. Хотя очевидно, что данный эксперимент не исчерпывает всех различий денотативной области, оказывающих влияние на семантику слов (например, удаленность источника света от наблюдателя для слова "мерцать"), не учитывает метафорических и других переносных значений, тем не менее данный подход в сочетании с другими может содействовать определению денотативной семантики слов в рамках семного анализа.

В связи с изложенным выше представляется неоправданным наблюдающееся в некоторых работах по семантике слишком решительное отмежевание от всякой внеязыковой реаль-

ности или недооценка ее. В частности, мне кажется неубедительной критика известной работы, посвященной анализу группы лексем, обозначающих предметы мебели (65). Некоторые лингвисты отрицают значимость таких признаков, как "наличие/отсутствие спинки" для разграничения значений слов студ и табурет, или "наличие/отсутствие подлокотников" (для слов кресло и стул) только на том основании, что эти признаки кажутся им слишком экстралингвистическими (55, с. 32–33). Для того чтобы критика была обоснованной, необходимо, во-первых, путем опроса информантов или каким-то другим способом доказать, что эти признаки нерелевантны для семантики данных слов, и если это так, то найти другие признаки, которые отличали бы эти слова друг от друга. Ведь указанная группа слов существует в языке и мы должны как-то определить и дифференцировать их значения.

Говоря о компонентном наполнении значений предметно-ориентированных слов (денотативов), следует, однако, предостеречь от слишком прямолинейного, поверхностного восприятия их экстралингвистической направленности, что неизбежно приводит к неверному истолкованию значений. В частности, в конкретном речевом употреблении необходимо постоянно дифференцировать семантический вклад, определяемый самим словом, от тех смысловых компонентов, которые лежат за пределами данного слова и могут быть ошибочно приписаны ему. Иначе говоря, следует строго различать собственные семантические признаки слова и признаки, выводимые из внеязыкового контекста и постоянно сопутствующие данному слову в речи. Возьмем в качестве примера группу терминов родства, которая уже стала общепризнанным образцом четкости и ясности семантического структурирования в лексике, и покажем, что даже здесь не все так ясно и просто, как кажется на первый взгляд. При сопоставлении русских слов сын–внук, дочь–внучка и т.п. обычно выделяется семантический признак, характеризующий старшинство родственников по поколениям, т.е. признак "поколение". Вместе с тем при употреблении указанных слов в той или иной речевой ситуации сведения о старшинстве поколений могут переплетаться с ин-

формацией об абсолютном старшинстве лиц, обозначаемых указанными словами. Сравнивая информацию, заложенную в семантическом признаке "поколение", и информацию об абсолютном старшинстве, можно легко показать, что они не всегда совпадают, а в некоторых случаях находятся в прямом противоречии. Семантический анализ слов типа сын, внук, дочь, внучка, дядя, племянник и т.п. с учетом соотносимых с данными словами денотатов показывает, что на основании семантического признака "поколение" нельзя с полной уверенностью судить о реальном старшинстве лиц, обозначаемых данными словами, поскольку в жизни встречаются случаи, когда племянник (племянница) старше дяди (тетки) или когда внук (внучка) старше сына (дочери) при одном и том же лице соотнесения¹⁾. Легко убедиться, что информация о старшинстве в поколениях является языковой информацией и ее обязательно воспринимает человек, владеющий русским языком. Сведения же об абсолютном старшинстве лиц указанные слова не содержат и потому не могут рассматриваться в качестве элемента их лингвистического значения. Рассматриваемый случай объясняет, почему значение имен родства не противоречит общему смыслу таких высказываний, как: Мой внук старше моего сына: или Он старше своего дяди на пять лет. Подобные ситуации встречаются не слишком часто, поскольку это экстралингвистическое смещение двух типов старшинства возможно только в пределах двух соседних поколений. Именно в силу своей исключительности указанные особенности внеязыковой действительности и не фиксируются в собственно языковой семантике (подробнее см. 27, с. 34-37).

Рассмотренные выше отклонения в общепринятой референтной области слова не выходят, если так можно сказать,

1) Правда, в некоторых языках отдельные имена родства могут включать в себя признак "абсолютное старшинство"; ср. венг. *batya* "старший брат"; осс "младший брат", *nene* "старшая сестра", *hug* "младшая сестра". - (Прим. авт.).

за рамки мыслимого, они не затрагивают основ семантической структуры и потому не представляют особых трудностей для освоения их языком. Однако объективная действительность (область референции), изменения в которой происходят гораздо быстрее, чем в отражающей ее языковой системе, иногда преподносит такие сюрпризы, которые затрагивают структурно значимые характеристики языковой системы, в частности область грамматической семантики. В результате возникают ситуации, ведущие к конфликту, в которой вовлекаются лексическая семантика, грамматическая семантика и объективная реальность. Так, в работе Д.Кастровски (57) отмечается, что с точки зрения языковой семантики в предложениях идентификации подлежащее-субъект, наделенное семантическим признаком "мужской пол", может сочетаться только с именным предикатом, обладающим тем же семантическим признаком, что делает предложения типа **My sister is the father of the two* "Моя сестра является отцом двух детей" в типичной внеязыковой ситуации аномальными. Однако сейчас уже имеются свидетельства некоторых "достижений" в этой области, которые могут иметь важные лингвистические последствия. Как указывает Дж.Лайонз (63), "даже в мире, как мы его знаем, предложения вроде *She is a father of five children* "Она является отцом пятерых детей" или *She still loves her wife* "Она все еще любит свою жену" уже нельзя расценивать как аномальные. Журналист Джеймс Моррис, например, не перестал быть отцом своих детей, когда он стал женщиной и взял себе имя Джейн Моррис" (63, с. 305). Эта ситуация пока оценивается как экстраординарная. Более того, сама структура языка испытывает затруднения в оперировании с этой довольно новой внеязыковой ситуацией, поскольку вступает в противоречие с нашим общепринятым употреблением (57, с. 73).

Анализируя эти и подобные примеры, приводимые в ряде работ (58; 59; 64), а также критикуя в целом концепцию сочетаемостных (селективных) ограничений на совместную встречаемость лексических единиц в синтагматике, некоторые исследователи упрекают этих авторов в переоценке

(в рамках их семантических теорий) внеязыковой действительности (53, 55; 56; 57), в полном смешении значения и референции, поскольку их селективные ограничения – это по сути дела пресуппозиции о предполагаемых референтах сочетающихся лексических единиц, т.е. основаны на внеязыковом энциклопедическом знании. Например, Энтли, критикуя Макколи, прямо заявляет, что “вместо того чтобы искать, что можно и что нельзя сказать о вещах, отношениях, объектах реального мира, мы должны определить, что мы можем сказать о самих значениях” (53, с. 258 и сл.).

Суждения, подобные приведенному выше, выражают другую крайнюю позицию в семасиологии, хотя истина, как и всегда, лежит где-то посередине. Действительно, семантику языка нельзя описать только на основе внеязыковых знаний о реальном мире или, по крайней мере, не проводя хотя бы общей принципиальной дифференциации того, что в содержательной системе языка от внешнего мира, а что – от внутренней структуры языка. Хотя очевидно, что четкую и надежную границу между этими двумя явлениями вряд ли можно провести. Ведь даже в грамматической структуре, наиболее формализованной части содержательной стороны языка, например, “в падежных формах имени существительного отражается понимание связей между предметами, действиями, явлениями и качествами в мире материальной действительности” (14, с. 167), так что и при чисто грамматическом построении фразы необходимо учитывать соответствующие связи и отношения в предметном мире, если мы хотим оставаться в рамках здравого смысла и быть понятыми собеседником. Но это только одна сторона проблемы соотношения объективной реальности и языковой семантики. В ней есть и другой весьма важный аспект.

5. Роль языка в познании

Пристальное внимание к языку неизбежно приводит к выводу, что семантическое описание языка (лексики) в сочетании со знанием предметной области может давать побочный продукт – уточнение внеязыковых знаний (18; 23; 26;

39; 60). В работе (23) подчеркивается, что очень часто обращение к данным языка повышает эффективность, результативность научных исследований, что вызывает особый интерес к роли языка в познании. Характеризуя способы использования данных языка в процессах познания объективного мира, автор останавливается прежде всего на том, как изучение истории грамматических категорий и слов помогает воссоздать изменения в жизни людей, развитие общественного сознания. "Одно лишь сравнение словаря языка в разные эпохи дает возможность представить характер прогресса народа"; "За словами, как за прибрежной волной, чувствуется напор целого океана всемирной истории"; "Словарь – это вселенная в алфавитном порядке... Все другие книги заключены в ней, нужно лишь оттуда их извлечь", – цитирует автор высказывания известных писателей и философов Д.Дидро, А.И.Герцена, А.Франса.

Ф.Энгельс, П.Лафарг, В.И.Ленин использовали при реконструкции исторических процессов данные языка, в частности В.И.Ленин при изучении жизни крестьян привлекал словарь В.И.Даля. Отмечается вклад советских лингвистов и философов в освещение данного вопроса: Р.А.Будагова, В.И.Абаева, Д.П.Горского, В.З.Панфилова и др. Особенно экстралингвистически информативны такие факты языка, как состав неологизмов, появление новых терминов и целых терминологических областей, количественные характеристики лексических разрядов, сравнение состава неологизмов одного и того же периода в разных языках.

Прослеживание исторических изменений в употреблении языковых единиц, анализ их этимологии, сопоставление способов выражения внеязыковых знаний в разных языках помогают воссоздать историю тех или иных философских категорий: количества и качества (37; 35), пространства и времени (4), причины (29; 30), цели (28) и т.д. Однако здесь еще предстоит большая работа. Например, мало исследована в науке тема использования сложившегося современного языка для теории философских категорий, для уточнения их содержания и познавательного смысла. "Это тем более удивительно, что философы с древнейших времен, в том числе и осно-

воположники диалектического материализма, постоянно прибегали к анализу языка и нередко прямо указывали на эффективность такого приема при уточнении важнейших философских понятий" (23, с. 15).

В качестве примера показано, что в философской литературе тема "Материя и сознание" излагается весьма противоречиво из-за того, что само слово "сознание" используется без должного внимания, без различения его разных значений: "свойство отражать действительность", "процесс отражения" "те или иные продукты отражения", "психический образ материального", "конкретные сложившиеся в обществе представления о мире, идеи", "синоним идеального" и т.д.

Язык может выполнять в познании и как бы собственно эвристические функции, т.е. когда с помощью языка можно получить информацию о возможности наличия в природе и обществе еще не познанных наукой или не освоенных объектов, их элементов, свойств и т.д. Так, если учесть по данным языка точки пересечения формализованных значений, то можно получить искусственные объекты, которые будут иметь корреляты в реальной действительности. Иначе говоря, исследователь получает возможность предсказывать существование еще не известных науке объектов: ср. известный прием заполнения пустых клеток, найденных пересечением набора свойств в фонологии.

Однако возможности использования языка как источника и средства познания нельзя преувеличивать. Специфика языка, его внутренние закономерности, в частности дезориентирующие в гносеологическом аспекте факты, хорошо показаны в языкознании. Языковые значения, как мы уже говорили выше, не являются непосредственными образами действительности, они многократно опосредованы в процессе их формирования. Нерелевантность для познания некоторых языковых фактов может быть связана с неравномерностью развития языка, с наличием в нем разных структурных уровней, отличающихся функционально.

На каждом новом этапе развития языка старое и новое, переплетаясь, закрепляются в языке в прихотливых формах, которые могут быть дезориентирующими. Известны указания

Ф.Энгельса, который, пользуясь этимологическими данными и считая целесообразным их изучать, предупреждал о том, что нередко этимология может направить исследователя по ложному следу (подробнее см. 29). Следует вместе с тем предостеречь и от чрезмерного расширения круга дезориентирующей информации, что иногда происходит из-за неверно проанализированных случаев. "Известно, что во многих языках понятия пространства и времени смешиваются... Может быть, сближая понятия пространства и времени, язык отрывается от реальной действительности? Нет, нисколько. И в физическом, и в философском плане эти понятия тесно связаны. Связь эта получила новое подтверждение в теории относительности" (1, с. 261). Область языка, неадекватно соотносящаяся с действительностью, не может быть слишком обширной. "Язык, ложно ориентированный на действительность, не мог бы иметь такого рационального устройства, не мог бы выполнять своей основной функции" (23, с. 24).

Следовательно, на вопрос о том, может ли человек использовать данные языка в процессах научного познания, следует ответить только положительно. Однако обращение к данным языка следует рассматривать как вспомогательный метод, использующийся наряду с другими междисциплинарными методами и отличающийся от них высокой степенью гипотетичности в связи с относительной самостоятельностью языка по отношению к мышлению и знанию. Использование богатства языка в познавательных целях ничего не меняет ни в философской теории познания, ни в теории получения нового знания. Дело касается только пополнения арсенала общенаучных методов.

На последнее автор обращает особое внимание, поскольку во многих работах (особенно зарубежных) предпринимаются попытки абсолютизации роли языка в познании до такой степени, что анализ языка становится единственной целью философии (лингвистическая философия как одна из разновидностей неопозитивизма - 61; 54; 67; 68 и др.), попытки представить язык как своеобразное кривое зеркало, через которое человек обречен воспринимать и классифицировать объекты внеязыковой действительности (неогумбольдтианство, гипоте-

за лингвистической относительности – Э.Сепир, Б.Уорф, Л.Вайсгербер). Эти концепции критикуются как в отечественной, так и в зарубежной философской и лингвистической литературе (12; 20; 22; 35; 38; 49; 52). Не увенчались успехом усилия лингвофилософов произвести революцию в философии, преобразовав ее в анализ языка науки, что отвечает характерной для позитивизма тенденции лишить философию ее способности оценивать науку и воздействовать на ее развитие.

Камнем преткновения для позитивистской лингвистической философии стала природа языкового значения и полисемия в естественном языке, что в известной мере связано с неразработанностью многих вопросов семантики и лексикологии в рамках самой лингвистики, изучение которых тормозилось то настоячиво выдвигаемым требованием устранить значение из описания языка, то категорической формулировкой однозначного соответствия синтаксиса и лексической семантики, то поисками общих значений слов. Отдельное значение слова – одно из важнейших понятий современной лингвистики – не осмыслено как таковое, нет даже удачного, лексикализованного термина для его обозначения.

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что вопрос об отражении внеязыковой реальности в языковом значении представляет собой один из наиболее сложных и до сих пор не решенных аспектов более общей проблемы семантического описания языка.

Не совсем ясно, в какой степени изучение внеязыковой реальности (референтной области языкового значения) должно учитываться в семасиологическом описании. Хотя в наиболее ярких и показательных случаях дихотомия "денотативное-сигнификативное значение" получает достаточно убедительное и эксплицитное подтверждение, все же остается большое количество примеров из самых разных языков, где подобное разграничение оказывается малоэффективным и поэтому для их описания должен быть разработан более тонкий и более дробный понятийный аппарат, учитывающий особенности семантики различных лексико-семантических и лексико-грамматических разрядов.

Ориентация в описании значения только на внеязыковую реальность или только на системно обусловленные, внутриязыковые характеристики неизбежно приводит к одностороннему пониманию языкового содержания. Поэтому необходимо хотя бы в общих чертах проводить принципиальное разграничение того, что в содержательной стороне языка от внешнего мира, а что – от внутренней структуры языка.

Одновременно необходимо продолжить исследования, направленные на более четкое выявление степени и глубины воздействия отражательных свойств языка и мышления на становление содержательной структуры языка. И здесь семасиология вправе ожидать помощи и поддержки со стороны таких языковедческих и смежных дисциплин, как психолингвистика, социолингвистика, лингвопрагматика (см., например, последние работы этого направления в отечественной лингвистике – 7; 8; 13; 44). Однако во всех случаях следует базироваться на марксистско-ленинской теории познания и на методологии советского языкознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев В.И. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка. – В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970, с. 232–280.
2. Алисова Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка: (Семант. и грамMAT. структура простого предложения). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 293 с. – Библиогр.: с. 285–291.
3. Альбрехт Э. Критика современной лингвистической философии /Пер. с нем. Шестакова А.Г. – М.: Прогресс, 1977. – 160 с. – (Критика буржуаз. идеологии и ревизионизма). – Библиогр.: с. 146–159.
4. Ардентов Б.П. К становлению категорий движения, пространства и времени: (По материалам рус. яз.). – В кн.: Некоторые вопросы философии. Кишинев, 1963, вып. 3, с. 38–46.

5. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Лог.-семант. пробл. АН СССР. Ин-т языкознания. - М.: Наука, 1976. - 383 с.
6. Арутюнова Н.Д. Сокровенная связка: К проблеме предикатив. отношения. - Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1980, т. 39, вып. 4, с. 347-358.
7. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата. - Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1981, т. 40, вып. 4, с. 356-368.
8. Бергельсон М.Е., Кибрик А.Е. Прагматический "Принцип Приоритета" и его отражение в грамматике языка. - Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1981, т. 40, вып. 4, с. 343-356.
9. Бережан С.Г. О лингвистической и отражательной семантике. - В кн.: Исследования по семантике русского языка: Лексич. и словообразов. семантика. Уфа, 1979, с. 18-26.
10. Бережан С.Г. Семантика языковая и неязыковая, лингвистическая и нелингвистическая. - Лимба ши литература молдовеняскэ, Кишинэу, 1979, № 2, с. 8-19.
11. Богданов В.В. О перспективах изучения семантики предложения. - В кн.: Синтаксическая семантика и прагматика. Калинин, 1982, с. 22-38.
12. Брутян Г.А. Гипотеза Сепира-Уорфа: Лекция, прочит. в Лондонском ун-те в 1967 г. /Отв. ред. Звегинцев В.А. - Ереван, 1968. - У1, 66 с.
13. Булыгина Т.В. О границах и содержании прагматики. - Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1981, т. 40, вып. 4, с. 333-343.
14. Виноградов В.В. Русский язык: (Граммат. учение о слове). - М.; Л.: Учпедгиз, 1947. - 784 с.
15. Гак В.Г. Высказывание и ситуация. - В кн.: Проблемы структурной лингвистики, 1972. М., 1973, с. 98-110.
16. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики. - В кн.: Проблемы структурной лингвистики, 1971. М., 1972, с. 367-395.
17. Гак В.Г. К проблеме соотношения языка и действительности. - Вopr. языкознания, М., 1972, № 5, с. 29-37.

18. Звегинцев В.А. Язык и знание. – Вопр. философии, М., 1982, № 1, с. 71–80.
19. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса /АН СССР. Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
20. Колесникова Н.А. Критика некоторых современных буржуазных теорий по вопросу взаимоотношения языка и мышления. – В кн.: Подготовка учителя иностранного языка в педагогическом вузе. Киев, 1981, с. 102–114.
21. Копыленко М.М., Попова З.Д. Об употреблении термина "денотат". – В кн.: Семантические категории сопоставительного изучения русского языка. Воронеж, 1981, с. 5–10.
22. Корифорт М. Марксизм и лингвистическая философия /Пер. с англ. Васильевой А. и др. – М.: Прогресс, 1968. – 456 с.
23. Котелова Н.З. Семантика языка и внеязыковые знания: (В аспекте обратных связей). – В кн.: Теоретические проблемы семантики и ее отражение в одноязычных словарях. Кишинев, 1982, с. 13–26.
24. Кузнецов А.М. Проблемы и методы лексико-семантических исследований: Науч.-аналит. обзор. – В кн.: Проблемы лингвистической семантики: Реф. сб. М., 1981, с. 5–58.
25. Кузнецов А.М. Проблемы компонентного анализа в лексике: Науч.-аналит. обзор /АН СССР. ИНИОН. – М.: ИНИОН АН СССР, 1980. – 59 с. – (Теория и история языкознания). – Библиогр.: с. 51–53.
26. Кузнецов А.М. Семантика слова и внеязыковые знания. – В кн.: Теоретические проблемы семантики и ее отражение в одноязычных словарях. Кишинев, 1982, с. 26–33.
27. Кузнецов А.М. Структурно-семантические параметры в лексике: (На материале англ. яз.) /АН СССР. ИНИОН, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1980. – Библиогр.: с. 155–159.

28. Макаров М.Г. Отражение становления категории цели в развитии языка. - Учен. зап. Тарт. ун-та, 1974, вып. 324 Тр. по философии, № 17, с. 56-64.
29. Маслиева О.В. Об истории языка как средства исследования категорий диалектики. - В кн.: Материалистическая диалектика и частные науки, Л., 1976, с. 121-129.
30. Маслиева О.В. Языковой анализ в исследовании причинности. - В кн.: Детерминизм. Причинность. Организация. Л., 1977, с. 29-37.
31. Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании /Владим. гос. пед. ин-т им. Лебедева-Полянского. - Владимир, 1974. - 222 с. - Библиогр.: с. 217-221.
32. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке: (Семант. анализ противоположности в лексике). - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. - 290 с. - Библиогр.: с. 262-267.
33. Новиков Л.А. Семантика русского языка. - М.: Высш. шк., 1982. - 272 с. - Библиогр.: с. 260-265.
34. Новое в зарубежной лингвистике: Пер. с англ., фр. /Сост., ред. и вступ. ст. Арутюновой Н.Д. - М.: Радуга, 1982, Вып. 13. Логика и лингвистика: (Пробл. референции). 432 с. Библиогр. в конце отд. ст.
35. Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания /АН СССР, Ин-т языкознания. - М.: Наука, 1982. - 357 с. - (Пробл. марксистско-ленинского языкознания).
36. Панфилов В.З. Роль естественных языков в отражении действительности и проблема языкового знака. - Вопр. языкознания, М., 1975, № 3, с. 27-39.
37. Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания: Гносеол. аспекты /АН СССР, Ин-т языкознания. - М.: Наука, 1977. - 287 с.
38. Петров В.В. Семантика научных терминов /АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии. - Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1982. - 127 с. - Библиогр.: с. 123-126.

39. Почепцов Г.Г. Язык и познавательная деятельность человека. – В кн.: Подготовка учителя иностранного языка в педагогическом вузе. Киев, 1981, с. 60–83.
40. Селиверстова О.Н. О роли исследования свойств денотатов при выделении семантических компонентов. – В кн.: Материалы П Симпозиума по психолингвистике. – М., 1968, с. 39–44.
41. Селиверстова О.Н. Компонентный анализ многозначных слов: (На материале некоторых рус. глаголов) /АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1975. – 240 с.
42. Семантические типы предикатов /Отв. ред. Селиверстова О.Н., АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1982. – 365 с. – Библиогр.: с. 355–362.
43. Слюсарева Н.А. Проблемы лингвистической семантики. – Вopr. языкознания, М., 1973, № 5, с. 13–23.
44. Степанов Ю.С. В поисках прагматики: (Пробл. субъекта). – Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1981, т. 40, вып. 4, с. 325–333.
45. Стернин И.А. Лексическое значение и энциклопедическое знание. – В кн.: Аспекты лексического значения. Воронеж, 1982, с. 10–17.
46. Тер-Авакян С.Г. Языковые и неязыковые компоненты в акте референции. – Сб. науч. тр. /Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М.Тореза, 1980, № 167, с. 200–218.
47. Толстой Н.И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. – Вopr. языкознания, М., 1963, № 1, с. 25–36.
48. Уфимцева А.А. Семантика слова. – В кн.: Аспекты семантических исследований. М., 1980, с. 5–81.
49. Чесноков П.В. Неогумбольдтианство. – В кн.: Философские основы зарубежных направлений в языкознании. М., 1977, с. 7–62.
50. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики: (На материале рус. яз.) /АН СССР. Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
51. Шур Г.С. Теории поля в лингвистике /АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1974. – 255 с. – Библиогр.: с. 235–254.

52. Albrecht E. Sprache und Philosophie. - B.: Dt. Verl. der Wiss., 1975. - 327 S.
53. Antley K. McCauley's theory of selectional restriction. - Found. of lang., Dordrecht; Boston, 1974, vol.11, N 2, p.273-257.
54. Feyerabend P. On the "meaning" of scientific terms. - J. of philosophy, Lancaster (Pa), 1965, vol.62, N 11, p.266-274.
55. Gumpel L. The essence of "reality" as a construct of language, - Found. of lang., Dordrecht; Boston, 1974, vol.11, N 2, p.167-185.
56. Kac M.B. Action and result : Two aspects of predication in Engl. - In: Syntax and semantics. N.Y.etc., 1972, vol.1, p. 117-124.
57. Kastovsky D. Selectional restrictions and lexical solidarities. - In: Perspektiven der lexikalischen Semantik: Beitr. zum Wuppertaler Semantikkolloquium vom 2.-3. Dez. 1977. Bonn, 1980, p.70-93.
58. Katz J.J. The underlying reality of language and its philosophical import. - N.Y. etc.: Harper & Row, 1971. - VIII, 189 p. - (Harper essays in philosophy).
59. Katz J.J. Semantics and conceptual change. - Philos. rev., Ithaca (N.Y.), 1979, vol.88, N 3, p.327-366.
60. Keesing R.M. Linguistic knowledge and cultural knowledge: Some doubts and speculations.- Amer. anthropologist, Wash., 1979, vol.81, N 1, p.14-36.
61. Kripke S. Speaker's reference and semantic reference. - In: Contemporary perspectives in the philosophy of language. Minneapolis, 1979, p.6-27.
62. Liefrink F. Semantico-syntax. - L.: Longman, 1973. - XI, 178 p. - (Longman ling. libr.; 15). - Bibliogr.: p.171-173.

63. Lyons J. Semantics. - Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 1977. - Vol.1. XIII, 371 p. Bibliogr.: p.336-353.
64. McCauley J.D. The role of semantics in a grammar. - In: Universals in linguistic theory. N.Y. etc., 1968, p.124-169.
65. Mounin G. Clefs pour la sémantique. - P.: Seghers, [1972]. - 268 p. - (Coll. "Clefs"; 16).
66. Pottier B. Recherches sur l'analyse sémantique en linguistique et en traduction mécanique. - Nancy : Univ. Nancy, 1963. - 37 p. - (Nancy, Univ. Fac. des lettres et sciences humaines. Sér. A; N 2).
67. Quine W.V.O. Word and object. - Cambridge (Mass.): The technol. press of the Mass. inst. of technology; N.Y.; L.: Wiley, 1960. - XV, 294 p. - (Studies in communication). - Bibliogr.: p.277-285.
68. Reference, truth and reality: Essays on the philosophy of lang. /Ed. by Plattz M. - L. etc.: Routledge & Kegan Paul, 1980. - VII, 350 p.
69. Salomon L. Semantics and common sense. - N.Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1966. - IX, 180 p. - Bibliogr.: p.173-176.

ЛУЗИНА Л.Г.
ОБРАЗНОЕ ПОЗНАНИЕ И ЕГО ВЫРАЖЕНИЕ
ЯЗЫКОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

Выражение в языке образного познания – обширная область наблюдений и исследований, в которую советское языкознание, руководствуясь марксистско-ленинской философией, внесло значительный вклад. Постоянный интерес лингвистов к проблемам образности характерен для всех этапов развития советского языкознания.

Образное познание предполагает отражение объективной действительности, познание психических состояний и духовного мира человека с помощью образов. Для уяснения возможностей выражения в языке образного познания принципиальное значение имеет общеполитическая трактовка понятия "образ" (35). В материалистической гносеологии понятие "образ" является фундаментальной категорией; оно употребляется по отношению к видам чувственного отражения и абстрактного мышления и рассматривается как сложное единство объективного и субъективного.

Образы различаются по уровню и характеру отражательного (познавательного) процесса. На уровне чувственного отражения имеют место элементарные образы в виде ощущений, входящих в состав более сложного образа – восприятий, а также представлений, являющихся воспроизведением прошлых восприятий вещей. Те чувственные образы человека, которые посредством речи связаны с соответствующими понятиями о вещах, являются осознаваемыми. На уровне

абстрактного мышления элементы или единицы познавательной деятельности составляют мыслительные образы – понятия. Понятийное мышление существует на базе языка, звуковые комплексы которого, как правило, не похожи на обозначаемые ими предметы. Не будучи абсолютной точной копией реальности, абстрактное мышление в то же время не является только символическим мышлением. Логические понятия – также образы, отражения объективной реальности, но образы абстрактно-понятийные.

В сфере творческого освоения мира воображение, эмоции и абстрагирующие способности мышления художника (в реалистическом искусстве) направлены на создание художественного образа. Согласно философскому определению, художественный образ – это "специфический для искусства способ воспроизведения объективной действительности с позиций определенного эстетического идеала в конкретно-чувственной, непосредственно воспринимаемой форме" (38, с. 285). В художественной литературе как виде искусства таким способом отражения действительности является словесно-художественный образ.

Итак, учитывая специфические особенности образности, связанные с различными уровнями и сферами познавательной деятельности, можно говорить о типах образов (в гносеологическом смысле): 1) чувственно-наглядный, 2) абстрактно-понятийный, 3) художественный.

Важность изучения языковых средств воплощения образного познания объясняется в наиболее общем плане следующими обстоятельствами. Во-первых, известно, что человек может познавать мир, пользуясь не только словесно-грамматической логикой, но и интуицией с ее образным подходом к явлениям и моментальным охватом целого. Специфика образного познания как раз и проявляется в том, что на его основе нередко возникает знание, которое не может быть достигнуто при опоре только на рациональный, логический опыт (8; 7, с. 61–62). В то же время, только воплотившись в словах, смутная идея принимает ясные очертания. Этим объясняются необходимость и актуальность изучения языковых средств выражения образного познания. Во-вторых, ак-

туальность исследований в этом направлении обусловлена и тем, что в настоящее время в целом ряде наук произошло перемещение центра тяжести на изучение языка. По замечанию Г.В.Степанова, в XX в. язык, главный и основной предмет лингвистики, выдвинулся на одно из первых мест в науках, занимающихся проблемами человеческого познания, мышления, поведения и художественного творчества (32, с. 196).

Изучение языковых средств выражения образного познания связано с проблемой постижения смыслового содержания языковых единиц. Как таковая, проблема языковой образности получает большее или меньшее развитие в различные периоды истории лингвистики. Усиленное внимание к анализу отношений в рамках отдельных направлений структурной лингвистики на протяжении некоторого времени отодвигало на задний план исследование содержательных аспектов языка и, соответственно, образности. "Когда была создана общая теория относительности, — пишет А.Вейн, — некоторым показалось, что наука отбросила последние остатки наглядности, что она занялась не столько явлениями, сколько отношениями, которые выражаются формулами, ничего не говорящими чувствам. Но это была ошибка" (10, с. 119). За последние десятилетия значительно возрос интерес к семантике языковых единиц, и это, в свою очередь, стимулировало новые разыскания в области языковой образности.

Круг проблем, связанных с изучением языкового воплощения образного познания, довольно разнообразен, и сама область исследования еще не обрела своих четких границ. Несмотря на то, что проблема языковой образности широко осматривается как с общелингвистических позиций, так и в лингвостилистическом аспекте (особенно в исследованиях языка художественной литературы), понятие образности остается по-прежнему фактически не раскрытым. Взаимосвязанные с этим понятия "образ", "образный язык", "образные средства" при всей их распространенности и общеупотребительности недостаточно разработаны лингвистически и, насколько можно судить по имеющимся в этой области исследованиям, далеки от однозначного определения. На это указывал в свое время В.В.Виноградов, подводя итоги дискуссии о связи и

взаимодействии слова и образа, развернувшейся на страницах журнала "Вопросы литературы" в 1959-1960 гг. (11). При освещении "истории вопроса" безусловного внимания заслуживают теории А.А.Потебни о внутренней форме слова и А.М.Пешковского, считавшего образность непрменной функцией речи. Ценные наблюдения над сущностью образности сделаны многими советскими филологами (литературоведами и лингвистами) - Ю.Н.Тыняновым, М.М.Бахтиным, В.В.Виноградовым и др.

Исследование проблематики образного в языке с опорой на материалистическое понимание механизма познания предполагает рассмотрение следующих проблем: 1) формирование познавательного образа, т.е. проблемы знака и значения в аспекте ономазиологического изучения языка; 2) возможность чувственного представления абстрактно познанных явлений - проблемы языковой образности, образных средств языка; 3) специфика словесно-художественного образа - проблемы образного (поэтического) языка¹⁾.

Для характеристики современного состояния проблемы образности и в целях систематизации имеющихся результатов исследований в этой области целесообразно представить эту проблематику в лингвогносеологическом, общелингвистическом и лингвостилистическом аспектах.

1. Гносеологический аспект

Отмечаемая многими исследователями неразработанность проблем выражения образного познания в языке объясняется

1) Проблема образа (в гносеологическом смысле) относится к числу фундаментальных проблем языкознания и требует отдельного рассмотрения. Поэтому в обзоре основное внимание уделяется анализу работ, в которых исследуются проблемы второго и третьего типов; их разделение соответствует традиционному разграничению специфики языковой образности и образности языка художественной литературы, или образности в языке и речи. - Прим. авт.

сложностью самого предмета изучения, неясностью общих исходных положений и понятий. Образное познание привлекает к себе внимание не только лингвистов, но и представителей целого ряда наук, и это вполне естественно, так как проблема образа лежит на стыке гносеологии, психологии, литературоведения, лингвистики. Исследователь, поставивший перед собой задачу изучить языковые средства выражения образного познания, прежде всего должен ясно представлять себе специфику образного мышления и его взаимоотношения с языком. О том, что специфика эта существует, говорят результаты исследований по психологии и особенно психологии творчества. Так, доказано, что мышление не всегда связано с языком, и многое из того, что мы осознаем, трудно выразить словами (8).

Специфика образного познания раскрывается в философском осмыслении тех представлений о психологии мышления, которые получили особенно интенсивное развитие за последние годы (27, 28). Здесь речь идет об установленном наличии у человека двух различных типов мышления – абстрактно-логического и наглядно-образного. Образное мышление характеризуется цельностью, одномоментностью восприятия и оценки объекта. Связывая творчество (научное и художественное) с функциональной асимметрией полушарий мозга, А.Вейн приводит многочисленные примеры высказываний известных ученых и писателей, обративших внимание на особенности образного мышления (9, 10). Об определенной самостоятельности мышления образами говорят наблюдения, в которых замечено, что слова (или другие знаки) появляются тогда, "когда мысль надо было передать другим" (10, с. 120). Специфика образного познания раскрывается также в работах, посвященных анализу связи бессознательного с искусством, с художественным восприятием и художественным творчеством" (7, 8). Под этим углом зрения образное познание – это познание "нерасчленяющее", интуитивное, опирающееся на неосознаваемую психическую деятельность.

Уже в силу указанных особенностей, явлений слишком частых и очевидных, чтобы они могли остаться незамеченными, вопрос о выражении образного познания языковыми

средствами представляет собой проблему как для философов, так и для лингвистов и литературоведов. Определенный скептицизм здесь проявляется в противопоставлении "язык слов - язык образов", в суждениях о том, что "образ дорязычен и надъязычен". Последнее имеет смысл в тех случаях, когда образ связывается со ступеньками чувственного познания или же когда образ предстает во всей своей целостности и нерасчлененности, требующей расшифровки и "перевода" на естественный язык. В целом, вопрос о языковых средствах выражения образного познания, как уже отмечалось, входит составной частью в глобальную проблему взаимоотношения языка, мышления и познания и требует отдельного рассмотрения. В соответствии с задачами данного обзора отметим лишь некоторые положения, ориентирующие, как представляется, в понимании языковой образности.

Отправным моментом здесь, очевидно, следует признать взаимосвязь чувственного и рационального познания. В.З.Панфилов пишет, что "...процессы чувственного и абстрактного, обобщенного познания происходят в постоянном взаимодействии друг с другом" (27, с. 56). Б.А.Серебренников подчеркивает, что абсолютно резких граней между чувственным и абстрактным нет, и словесное мышление дополняется другими типами мышления (29). В работе Л.В.Уварова отмечается, что "...звуковая речь... не вытесняет чувственных образов, но вовлекает их в сферу новых отношений и обогащает новыми функциями" (36, с. 109).

Важность взаимосвязи чувственного и рационального продиктована тем, что именно на чувственной ступени формами познания являются конкретно-чувственные образы, язык же выступает как необходимое средство осуществления абстрактного, обобщенного человеческого мышления и познания. Разъясняя характер этой взаимосвязи, В.З.Панфилов считает, что в языке в той или иной мере фиксируются результаты предшествующих этапов познания действительности (в значениях слов, в его грамматических категориях и т.п.). В связи с этим высказывается интересная точка зрения о существовании своего рода "языковой апперцепции", проявляющейся в том, что предшествующий уровень познания действитель-

ности, зафиксированный в языке, не может не оказывать известного влияния на последующие этапы познавательной деятельности человека. Проводится глубокая аналогия между той активной ролью, которая принадлежит языку в процессе абстрактного, обобщенного познания, и апперцепцией в процессе чувственного познания объективной действительности. В то же время подчеркивается, что ассоциации между чувственно-наглядными образами и материальной стороной языковых единиц лишь возможны, но не обязательны (27, с. 29, 49 и др.).

Раскрывая эту связь более конкретно, А.А.Уфимцева отмечает, что предметные имена, особенно референтные, включают в свое номинативное содержание не только понятия, но и элементы чувственной ступени познания: зрительного, слухового и пространственного представления вещей и предметов (37, с. 16).

Существенной оказывается и та особая роль, которую язык играет в процессе человеческого познания, в отражении объективной действительности. С одной стороны, в языке в той или иной степени фиксируются результаты человеческого познания, с другой – язык оказывает известное влияние на мышление и познавательную деятельность человека (27, с. 2, 29 и др.).

Активная роль языка особенно отчетливо проявляется в художественной литературе, как виде творческого освоения действительности. В.В.Виноградов подчеркивал, что слово – это не только проводник образной мысли, но и средство формирования (художественного) образа (11, с. 116). Формированию лингвистического аспекта изучения словесно-художественного образа способствовал ряд факторов. При том, что язык образов – это изначальный язык едва ли не всякого творчества, именно в художественной литературе мы имеем дело со словесными образами, т.е. с образами, созданными с помощью языковых средств. Предпосылкой успешных исследований здесь должно быть четкое представление о задачах и возможностях двух подходов к художественному тексту – лингвистического и литературоведческого, границы которых очерчены Г.В.Степановым (32).

Далее, произведения художественной литературы дают адекватное представление о возможностях выражения языком образного художественного познания и мышления. Любому литературному тексту присуща образность, так как, являясь произведением искусства, этот текст представляет собой вторичную моделирующую систему, т.е. систему, строящую модель, образ действительности с помощью языка. Общеизвестное положение о том, что искусство есть эстетическое познание (освоение) мира как раз и означает, что любой вид искусства изображает жизнь не в отвлеченных понятиях (как, например, в случае научного познания мира), а в конкретных чувственно-осязаемых образах¹⁾. Формула, приведенная Г.В.Степановым, наглядно иллюстрирует образную природу художественного текста: "действительность – образ – текст" (31, с. 145).

Другим хорошо известным положением марксистско-ленинской эстетики является положение о том, что художественный образ, как и научное понятие, есть особая форма обобщенного отражения действительности. Хотя художественный образ обладает необычайной силой непосредственно-чувственной достоверности, он не является мертво-зеркальным отражением, так как в нем органически сочетается типическое и индивидуальное²⁾. Искусство, суть которого в образном познании действительности, по мнению П.В.Копнина, идет от "обычного чувственно-конкретного (ощущений, восприятий, представлений) к художественному, эстетическому чувственно-конкретному", а "опосредующим звеном в этом движении выступает не взятая из науки абстракция, а выраба-

1) Специфика научного и художественного мышления была охарактеризована В.В.Виноградовым (11).

2) В.И.Ленин писал: "Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (понятия) с нее не есть простой непосредственный, зеркально мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, включающий в себя возможность отлета фантазии от жизни" (1, с. 330).

тываемое художником обобщение, художественное отвлечение" (21, с. 73). В отличие от обобщения в науке "снижающего" индивидуальные черты предмета или явления, в обобщениях-образах искусства воспроизводятся многие индивидуальные особенности. "В художественном мышлении находит свое выражение и дальнейшее обобщение тот "остаток" содержания конкретно-чувственных образов, который в силу своей непосредственности не может перейти в содержание абстрактных понятий" (36, с. 94). Создание художественного образа предполагает оформление познанного в материале какого-либо искусства; в литературе таким материалом является язык. Эти общие положения об образности литературных художественных произведений находят свое конкретное применение в многочисленных лингвостилистических работах, в которых дается лингвистическая трактовка образного (поэтического) языка и словесно-художественного образа.

2. Общелингвистический аспект

В лингвистических исследованиях, опубликованных за последнее время, отчетливо проявляется тенденция к более углубленному и всестороннему проникновению в сущность языковой образности. В объяснениях семантического механизма языковой образности наблюдается стремление рассмотреть это явление в более широком ракурсе соотносительности языковой единицы с объектами внеязыковой действительности.

Под образностью обычно понимают различные виды "переносного употребления слов", разные способы образования "переносного значения слов и выражений" (11, с. 95). При этом осознается различие между образностью как явлением языка и образностью в речи¹⁾. Языковая образность - явление

¹⁾ Ср. традиционное разграничение переносов на "образные" и "безобразные"; метафора "стертая", "примелькавшаяся бытовая" и метафора "речевая", "поэтическая"; метафора "динамическая" и метафора "статическая" и др. - Прим. авт.

ние настолько распространенное в языке, что, конечно, оно неоднократно отмечалось исследователями. Переносные значения слов повсеместно развиваются и закрепляются в смысловой структуре слова, поскольку "в языке заложен и функционирует закон переосмысления значений" (25, с. 79). Однако семантическая природа переносов еще недостаточно исследована.

Семантический механизм образности обычно объясняется как перенос значения, сдвиг значения или семантическая двуплановость – сосуществование двух семантических планов. Исходя в общем из понимания языковой образности как основывающейся на переносе значения, Д.Н.Шмелев предлагает следующую схему соотношений семантических признаков соответствующих значений (40, с. 233):

- а) $ab \rightarrow a$ (извлечение "семантического корня" – "топить" в смысле "губить" и др.);
- б) $abc \rightarrow ab$ ("спутник" – "тот, кто совершает путь с кем-либо", "небесное тело, сопутствующее планете, звезде");
- в) $ab(d) \rightarrow d$ (основанием для переноса служит не один из парадигматически значимых, т.е. дифференциальных признаков в значении слова, а "ассоциативный" признак, семантическая релевантность которого определяется данным переносом: ср. развитие значения слова "молния" на основе признака "быстрота").

Описываемое явление правильнее квалифицировать, по мнению И.Р.Гальперина, не как перенос значения, а как одновременную реализацию системного значения и окказионального смысла (14, с. 135). Эта трактовка основывается на том, что слово в образном употреблении создает нерасчлененное представление, в котором совмещены признаки разных предметов.

Аналогичный подход к образности развивается и в работе Э.С.Азнауровой (2). Семантический аспект образного употребления характеризуется сосуществованием двух семантических планов, создаваемым узуальными значениями и окказиональными смыслами. Указывается, что оба типа значений сосуществуют в одном контексте и воспринимаются сознанием одновременно. В концепции Э.С.Азнауровой источник создания

образности связывается с вторичной окказиональной номинацией или переименованием. Образность рассматривается как следствие особого характера соотносительности словесного знака с предметом окказионального обозначения. Такое понимание образности выводится из следующего рассуждения: "Если понимать под денотатом тот признак, свойство и т.п. реального объекта обозначения, по которому создается узуально закрепленное представление о классе предметов, а под референтом – предмет обозначения, соотносящийся со словом в его конкретном речевом употреблении, то в случае окказионального переименования в основе "сдвига" денотативной соотносительности оказываются следующие процессы: приглушение узуальной денотации и одновременное появление окказиональной референции" (2, с. 96).

Одновременная двойная соотносительность словесного знака с денотатом и референтом и создает семантическую двуплановость, которая лежит в основе образного использования языковых единиц.

Рассматривая лингво-гносеологические основы языковой номинации, Г.В.Колшанский подчеркивает, что "в прямой номинации сохраняется во всех словоупотреблениях основной понятийный признак предмета, а при не прямой и косвенной – один из существенных или второстепенных признаков, что и создает сдвиг в значении слова" (20, с. 143). Благодаря этому сдвигу возникает явление образности, совмещающее в себе, с одной стороны, некоторые признаки прямого значения, а с другой – непрямого, отражающего свойства нового предмета, характеризующего через один из признаков "прямого предмета". В этом "расколе" сигнификата слова Г.В.Колшанский усматривает источник и мотив художественного (образного) описания какого-либо явления посредством метафоры.

Как уже отмечалось, для ряда работ характерна ориентация на более широкий подход к исследованию образности с учетом взаимосвязи двух факторов: языковых и внеязыковых (2, 4, 5, 6, 24, 33 и др.). За исходное здесь принимается, что осмысление объекта внеязыковой действительности может проявляться и в образном его представлении, а слово

может служить проводником "как сигнификативно-денотативного, так и экспрессивно-образного содержания" (24, с. 46). Языковые выражения применяются для выделения и обозначения (наименования) предметов обозначения – вещей, свойств, отношений, процессов и т.п. реальной действительности, а также явлений психической жизни людей, продуктов их воображения и результатов их абстрактного мышления (24, с. 27). Одной из сфер познавательной деятельности человеческого сознания является "чувственно-образное восприятие" и квалификация внеязыковых объектов, в основе которых лежит "скрытое" (интеллектуальное или чувственное) сравнение: слова типа "златокудрий", языковые и речевые метафоры и т.д. Соотнесенность с квалификативными сферами познавательной деятельности человека реализуется особым семантическим компонентом. Этим семантическим компонентом, по мнению Э.С.Азнауровой, является "стилистическое значение", под которым имеется в виду "эмоционально-оценочное и экспрессивно-образное значение слова" (2, с. 51). В качестве объекта образного представления выступает референт, определяемый контекстом.

Более конкретно этот компонент обозначен В.Н.Телия, выделяющей в семантике языковых единиц "образное значение", которое соотносится с различными видами экспрессивно окрашенного значения (33, с. 209, 220 и др.). Образные значения всегда имеют ту или иную экспрессивную окраску. Характерной чертой экспрессивно-образных значений является их замкнутость на внутренней форме, их денотативная "пустота". В поэтическом языке образное значение выполняет экспрессивную функцию; в обиходно-бытовом языке эта функция приглушается. Особенность образного значения, функционирующего в языке, связана скорее с его номинативной спецификой, а не с реальной экспрессивностью.

В целом можно считать, что языковая образность достаточно хорошо исследована в семасиологическом аспекте – на основе сопоставления и анализа уже готовых языковых переносных значений, т.е. образность в статике. В настоящее время центр внимания перенесен на изучение феномена образности в ее динамике, т.е. исследователи задаются воп-

росом, как "делается, создается" образность (34, с. 191). Следует отметить, что динамика образности имеет отношение прежде всего к речевой образности и как таковая подвергалась всестороннему лингвостилистическому исследованию, основная задача которого как раз и заключается в том, чтобы показать, как создается образность в речи. В лингвистических исследованиях также освещался вопрос о том, за счет чего создается образность (40, с. 70 и др.). Особая роль здесь отводится ассоциативным связям и смыслам языковых единиц. Под ассоциациями понимается такая связь представлений, благодаря которой одно представление, появившись в сознании человека, вызывает другое – по сходству, смежности или противоположности. В основе здесь лежит способность человеческого мышления ассоциативно связывать предметы и явления окружающего мира, способность видеть общие признаки и качества предметов. Говоря о роли ассоциаций, Л.В.Шерба писал: "Сущность образа вовсе не в... отсутствии сопутствующих ассоциаций, а именно в многообразии этих последних" (42, с. 183). На роль ассоциативных признаков, связанных с образным употреблением слов, указывает Д.Н.Шмелев: "Слово выступает в речи не только как "знак" какого-то понятия или представления, оно отягощено грузом как устойчиво закрепленных за ним, так и индивидуально возникающих в речи ассоциаций" (40, с. 98).

Динамический аспект образности разрабатывается преимущественно на материале метафоры (4, 5, 6, 34 и др.). Важность изучения метафоры продиктована тем, что в метафоре как бы сконцентрирована вся проблематика образного в языке. Метафора, по замечанию Н.Д.Арутюновой, "обнажает процесс переработки в языковое значение различных субпродуктов идеальной (интеллектуальной, эмоциональной, перцептивной, когнитивной) деятельности человека" (5, с. 343). Хотя проблема метафоры имеет многовековую историю, исследования последних лет вносят существенный вклад в уяснение важнейших аспектов этого явления.

Для понимания природы языковой образности важными являются следующие положения, выдвигаемые Н.Д.Арутюновой в ее работах: 1) метафорические выражения всегда фор-

мируются при возвращении мысли к образному представлению предмета, события, свойства, уже получившего наименование в языке¹⁾; 2) с помощью образных средств языка (метафоры и других тропов) обеспечивается переход от общего к индивидуальному средствами самого этого общего, осуществляется приближение к индивидуальности объекта; 3) метафоризация стимулируется свойствами реалии, а не значением слова и во многом обусловлена картиной мира носителей языка, т.е. народной символикой и ходячими представлениями о реалиях, признаках, действиях, образующими коннотации слова (6). Подчеркивается, что метафора – не только средство создания образа, но и способ формирования недостающих языку значений. В этой своей функции метафора направлена в конечном счете на достижение познавательных целей. "Аналогия в признаках разных категорий объектов, лежащая в основе метафоры, является орудием не только наименования признака, но и самого его выделения, познания" (5, с. 336). Особенно важна роль метафоры в формировании области вторичных предикатов – прилагательных и глаголов, обозначающих признаки признаков предметов, т.е. относящихся к непредметным сущностям. Свойства этих последних выделяются на основе аналогии с объектами, доступными чувственному восприятию. Таким образом, предикатная метафора регулярно служит задаче "создания признаковой лексики "невидимых миров" – духовного начала человека" (5, с. 336).

Рассматривая метафору как способ образования вторичных наименований, В.Н.Телия особое внимание уделяет проблемам выбора слова, способного к употреблению в метафорическом значении, т.е. анализ проводится на еще не "заданном" метафорическом выражении (34, с. 204 и др.). В создании метафоры решающая роль отводится аналогии, к которой "прибегает сознание человека, творящего из практически-обиходного опыта новое представление о действительности и награждая ее фрагменты на этом основании именем того

1) Ср. замечание В.В.Виноградова о том, что поэтическая образность слова предполагает "восстановление ощущения" (11, с. 121).

обозначаемого, от которого мысль отталкивается" (там же, с. 206). Сущность метафоры усматривается в следующем: а) двуплановости – приложимость метафорического наименования (например, "волк" о человеке) к двум субъектам одновременно, так что свойства того, о ком идет речь, просматриваются через свойства того, чьим именем он обозначается; б) взаимодействии и интерференции – создание системы двух понятий об одном субъекте. С этой точки зрения метафоризация – это всегда предикация обозначаемому некоторого "несобственного" для него признака, приписываемого ему по аналогии.

В предложенной В.Л.Наером трактовке метафоры взаимодействие выдвигается в качестве общего принципа, лежащего в основе как языковой, так и речевой метафоры (25). В объяснении языковой метафоры за исходное принимается, что какое-нибудь слово в данном его значении взаимодействует с "названием" иного референта; т.е. слово употребляется в значении, "перенесенном" с другого слова. Речевая метафора может рассматриваться также как продукт взаимодействия объективного и предметно-логического значения слова и значения контекстуального. В этом случае "название" (иного референта) возводится в ранг значения, но значения условного, всякий раз возникающего в контексте и в принципе не затрагивающего смысловой структуры слова. Таким образом, взаимодействие в обоих случаях остается непреложным фактом, меняется только угол зрения.

Следует отметить также особенность предлагаемого В.Л.Наером подхода к рассмотрению метафоры в ее динамике. Признавая всю важность уяснения механизма возникновения метафоры на уровне значения, В.Л.Наер считает продуктивным "линейный" подход со стороны текста как объективной и материально данной последовательности слов, которая реализует, выявляет и в конечном счете создает метафору¹⁾.

1) Этот подход, в целом, характерен для лингвостилистических работ, выполненных в русле так называемой "стилистики декодирования" или "ориентированной на читателя стилистике". – Прим. авт.

Богатый материал для изучения языковой образности предоставляют единицы фразеологического состава языка. Образность фразеологизмов отмечается многими исследователями, причем подчеркивается, что раскрытие образной подосновы фразеологизмов входит в задачи их "глобального" исследования (33, 39 и др.). Свойство образности присуще большинству устойчивых сочетаний слов и особенно идиом, прошедших стадию метафорического переосмысления. Возникновение фразеологизмов связывается, в частности, с образным представлением действительности, отображающей обиходно-эмпирический, культурный или исторический опыт некоторого языкового коллектива – какие-либо типовые ситуации или исторические события, еще живущие в сознании носителей языка или уже забытые в подробностях.

Отмечается, что для некоторых идиом, приспособленных к функции предикации, характерно "совмещение понятийного содержания и конкретно-образного представления", т.е. тенденции к сохранению живой внутренней формы, несущей сведения о денотате, свойства которого легли в основу значения (33, с. 15). У идиом, употребляющихся в позиции идентификации, внутренняя форма, стираясь, выходит из игры, так как становится помехой для прямого указания на обозначаемое. Рефлексы образности проявляются при оживлении внутренней формы фразеологизмов (если она не стерлась в сознании носителей языка). Характерной чертой идиом является их опора на конкретную лексику, способную создавать наглядно-чувственный образ "обычных" свойств, действий, состояний или же демонстрировать очевидную несуразность их буквального значения¹⁾.

¹⁾ См. замечание Н.Д.Арутюновой о том, что идентифицирующая (конкретная) лексика в основе своей образна (3, с. 334).

3. Лингвостилистический аспект

В плане лингвистически обоснованной стилистики художественной литературы проблема образности не решена полностью ни в отечественной, ни в зарубежной филологии. Следует отметить, что ряд проблем, прозвучавших в ходе дискуссии о слове и образе (1959–1960) и поставленных в работах, появившихся позднее (см., например, 30), остаются актуальными и сегодня. К таким проблемам относятся: соотношение и связь лингвистического и литературоведческого подходов к языку художественной литературы; специфика поэтического (образного) языка; языковые средства формирования словесно-художественного образа и др.

В настоящее время просто "не отрицать возможность и ценность лингвистического подхода к анализу языка художественного произведения уже недостаточно" (16, с. 265; см. также 17). Проблема, которая стоит перед лингвистами, заключается в том, чтобы определить границы компетенции литературоведческих и лингвистических методов в исследовании литературы как формы образного освоения действительности. Г.В.Степанов проводит это разграничение по следующим признакам: 1) по подходу к характеристике онтологического свойства текста – целостности; так, для лингвиста целое – это связанный текст, для литературоведа – фрагменты действительности, запечатленные в тексте; 2) смысл-содержание только передается при помощи языка, но находится вне его, структура элементов опыта (структура денотатов) не относится к компетенции лингвистики; 3) проблемы целостности, динамики образа, личностности лежат вне сферы лингвистики (32). В то же время отмечается движение литературоведения и лингвистики навстречу друг другу и происходит это на теоретической базе новой отрасли языкознания – лингвистики текста.

Вопрос о специфике "поэтической образности" освещался еще в предшествующей филологической традиции. В работах Г.О.Винокура проводится мысль о том, что одним из важнейших и характернейших свойств языка является "поэтическая функция языка", которая не совпадает с функцией языка как

средства обычного общения (13). Поэтический язык в этом смысле есть то, что обычно называют образным языком. При этом подчеркивается, что образность слова в литературно-художественном произведении не предполагает его обязательной метафоричности. Однако действительный смысл художественного слова никогда не замыкается в его буквальном смысле. Отношение между прямым значением слов, которыми написано литературно-художественное произведение, и его содержанием, темой создает специфический художественный момент, определяет смысл всего произведения. В задачу лингвистического исследования Г.О.Винокур включал и установление отношений между обоими типами значений слова — прямым и поэтическим (12, с. 390, 246 и др.).

Несводимость вопроса об образности поэтического языка к проблеме переносного употребления слов и выражений, к проблеме тропов, метафор и сравнений, подчеркивает и В.В.Виноградов (11, с. 123 и след.). Нет слов и языковых форм, которые не могут стать материалом для образа. Однако их применение в целях художественной образности должно быть эстетически оправдано. Образность поэтического слова усматривается в его двуплановой смысловой направленности, в "приращениях" смысла, в появлении новых смысловых наслоений, которые развиваются у слова в системе целого эстетического объекта (литературно-художественного произведения). В лингвистический аспект изучения словесно-художественных образов В.В.Виноградов включает рассмотрение следующих вопросов: 1) языковые средства формирования образа, 2) функциональное своеобразие употребления образных выражений в разных стилях, 3) различие между образностью с точки зрения языковой семантики и образностью, выявляемой в "сфере языка художественной литературы", образная функция языковых единиц (в терминах В.В.Виноградова — "образно-характеристическая функция", "экспрессивно-образная" функция), 4) языковая структура (строение) словесно-художественного образа.

Все эти положения, сохраняя свою актуальность и ценность, получают дальнейшее обоснование в современной линг-

вистике текста. Для целей лингвистического изучения художественного текста существенными оказываются вопросы: 1) прагматики текста – какова цель автора, к кому обращен текст, в какой ситуации реализуется это обращение и др.; 2) грамматики текста – связанность и целостность текста, языковые средства связанности текста; 3) стилистики текста – формальная и содержательная интерпретация связанности текста и др. (см. 26, 32). Важнейшей чертой ряда современных исследований как раз и является изучение языковых средств воплощения художественного образа с этих позиций (см., например, работы в 23).

Качественно новый подход, осуществляемый в лингвистике текста, дает возможность подойти к изучению законов сочетаемости образов, их распространения и соединения в сложные образы, их типов. Так, проникновению в сущность художественного образа способствует его соотнесение с целостностью, связанностью текста. Специфика воплощения целостного художественного образа в языковом материале, как представляется, заключается в том, что все элементы текста неразрывно связаны между собой, образуя единое целое (19). В то же время членение текста на части, органически присущее всякому связанному тексту, рассматривается как отражающее переход от одного образа к другому и в определенном отношении указывающее на степень взаимосвязанности образов (15, с. 56–57). Образы природы, событий и другие элементы целостного художественного образа не могут быть выделены без ориентации на особые, композиционно выделяемые части текста – эпизоды повествования, описания и рассуждения. Показано, что такие образы создаются уже не просто при помощи лексических синтаксических и стилистических средств, а требуют вовлечения широкого контекста (18).

Мысль В.В.Виноградова о том, что образы могут соотноситься друг с другом на расстоянии больших отрезков текста¹⁾, получила лингвистическое обоснование в работе Е.И.Шен-

¹⁾ Именно в этом и заключается, по мнению В.В.Виноградова, специфика словесно-художественного образа (11, с. 119).

дельс (41). Предлагая интересную лингвистическую интерпретацию понятия "полифония" или "многоголосие", Е.И.Шендельс выявляет основные языковые средства (преимущественно в области грамматических средств немецкого языка), которые формируют образ автора (повествователя) и образы персонажей. На конкретных примерах показано, что различные языковые средства – сигналы "голоса" могут включаться и умолкать на любом отрезке текста¹⁾.

В заключение остановимся на одной трактовке проблемы языковой образности, которая представляет собой попытку рассмотреть данную проблему с учетом специфики художественного образа (22). Дается следующее наиболее широкое определение, согласно которому образ – это "целостное чувственное изображение (или восприятие) абстрактных понятий, реализованное в тексте в организованном соотношении абстрактного и чувственно-конкретного" (там же, с. 67). При этом отмечается, что степень приближения к осязаемому, ощущаемому, видимому предметному миру может быть различной. Соответственно выделяются четыре типа образности, разграничиваемые по степени абстракции на основе принципа осознанность/неосознанность образа.

1. Чувственно-конкретная образность: средства воплощения – фонетическая, синтаксическая и графическая организация текста; апеллирует непосредственно к бессознательным процессам в работе мозга. Это ступень чувственного и неосознанного.

2. Чувственно-понятийная образность. Это ступень чувственного, но осознанного. Реализуется путем нарушения сочетаемости слов, которое влечет за собой переосмысление их системных значений. Возникающая двуплановая реализация значения слова выполняет две функции: обозначения и отображения.

1)

Ср. также связь явления гетеронимативности с определенным стилистическим заданием, например с раскрытием образа персонажа, отмеченную Н.Д.Арулюновой (3).

3. Чувственно-абстрактная образность: основана также на переносе наименования, но на более высоком уровне абстракции. Это ступень интеллектуально расшифрованного образа. Здесь понятия меньшей степени абстрактности выступают в качестве конкретных образов для понятий более абстрактных. К чувственно-абстрактным предлагается относить такие образы, расшифровка которых основана на объективно-логическом опыте читателя, в частности различные гиперболы и бытовые аллюзии.

4. Абстрактная образность: декодируется с привлечением тезауруса читателя, в силу чего восприятие образа определяется культурно-образовательным уровнем читателя. Основным средством создания абстрактных образов являются литературные, мифологические и исторические аллюзии.

В целом следует отметить, что лингвистическое понимание образности в последнее время выходит за рамки лексических образных средств. Несмотря на это, большинство авторов выделяют в качестве главной черты семантического механизма образности – использование двуплановости, переосмысление одной языковой единицы в контексте другой. Несомненно перспективной представляется наметившаяся тенденция к исследованию языковой образности как динамического феномена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленин В.И. Конспект книги Аристотеля "Метафизика". – Полн. собр. соч., т. 20, с. 323–332.
2. Азнаурова Э.С. Стилистический аспект номинации словом как единицей речи. – В кн.: Языковая номинация: (Виды наименований). М., 1977, с. 86–128.
3. Арутюнова Н.Д. Номинация и текст. – В кн.: Языковая номинация: (Виды наименований). М., 1977, с. 304–357.
4. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семант. пробл. /АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

5. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры. – Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1978, т. 37, № 4, с. 333–343.
6. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора. – В кн.: Лингвистика и поэтика, /Отв. ред. Григорьев В.П. М., 1979, с. 147–173.
7. Бассян Ф.В., Прангишвили А.С., Шерозия А.Е. О проявлении активности бессознательного в художественном творчестве. – Вопр. философии, М., 1978, № 2, с. 57–69.
8. Бессознательное: Природа, функции, методы исслед. В 4-х т. /Под общ. ред. Прангишвили А.С. и др.; АН СССР. Ин-т психологии им. Д.Н.Узнадзе. – Тбилиси: Мецниереба, 1979. – Т. 3. Познание. Общение. Личность. 792 с. Текст также на англ., фр. и нем. яз. Рез. на англ. яз.
9. Вейн А. Мозг и творчество: Заметки невролога. – Наука и жизнь, М., 1983, № 3, с. 78–83.
10. Вейн А. Мозг и творчество: Заметки невролога. – Наука и жизнь, М., 1983, № 4, с. 115–121.
11. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. /АН СССР. Отд-ние лит. и яз. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 255 с.
12. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – 429 с. – Библиогр.: с. 490–491.
13. Винокур Г.О. Понятие поэтического языка. – Докл. и сообщ. /МГУ им. М.В.Ломоносова. Филол. фак., 1947, вып. 3, с. 25–47.
14. Гальперин И.Р. Stylistics /Galperin I.R. – Moscow: Higher school, 1971. – 343 p.
15. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования /АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1981. – 139 с. – Библиогр.: с. 136–138.
16. Григорьев В.П. От текста к языку и снова к тексту. – Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1977, т. 36, № 3, с. 264–269.
17. Григорьев В.П. Поэтика слова /АН СССР. Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1979. – 342 с. – Библиогр.: с. 305–337.

18. Гришина О.Н. Роль контекстно-вариативного членения текста в раскрытии глубины художественного образа. – Сб. науч. тр. /Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М.Тореза, 1981, № 174, с. 82–92.
19. Змиевская Н.А. Субъектно-оценочная модальность в художественном тексте. – Сб. науч. тр. /Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М.Тореза, 1981, № 174, с. 112–127.
20. Колшанский Г.В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации. – В кн.: Языковая номинация: (Общие вопр.). М., 1977, с. 99–147.
21. Копнин П.В. Идея как форма мышления. – Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1963. – 108 с.
22. Курахтанова И.С. К проблеме языковой образности. – Сб. науч. тр. /Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза, 1981, № 174, с. 66–74.
23. Лингвистические аспекты образности. – М., 1981. – 212 с. – (Сб. науч. тр. Моск. гос. пед. ин-та иностр. яз. им. М.Тореза; вып. 174). – Библиогр. в конце ст.
24. Лингвистическая сущность и аспекты номинации /Уфимцева А.А., Азнаурова Э.С., Кубрякова Е.С., Телия В.Н. – В кн.: Языковая номинация: (Общие вопр.). М., 1977, с. 7–9.
25. Наер В.Л. Семантическая несовместимость лексических единиц как источник информативности некоторых стилистических приемов. – Сб. науч. тр. /Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М.Тореза, 1976, № 103, с. 76–90.
26. Одинцов В.В. Стилистика текста /АН СССР. Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1980. – 160 с.
27. Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания: Гносеол. аспекты. /АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1977. – 287 с.
28. Ротенберг В.С. Разные формы отношений между сознательным и бессознательным. – Вопр. философии, М., 1978, № 2, с. 70–78.
29. Серебренников Б.А. Номинация и проблема выбора. – В кн.: Языковая номинация: (Общие вопр.). М., 1977, с. 147–187.

30. Слово и образ: Сб. ст. /Сост. Кожевникова В.В. – М.: Просвещение, 1964. – 288 с.
31. Степанов Г.В. Несколько замечаний о специфике художественного текста. – Сб. науч. тр. /Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М.Тореза, 1976, вып. 103, с.144–150.
32. Степанов Г.В. О границах лингвистического и литературоведческого анализа художественного текста. – Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1980, т. 39, № 3, с. 195–204.
33. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды. – В кн.: Языковая номинация: (Виды наименований), М., 1977, с. 129–221.
34. Телия В.Н. Типы языковых значений: Связ, значение слова в яз. /АН СССР. Ин-т языкознания, – М.: Наука, 1981. – 269 с.
35. Тюхтин В. Образ. – В кн.: Филос. энцикл. 1967, т. 4, с. 111.
36. Уваров Л.В. Образ, символ, знак. /АН БССР. Ин-т философии и права. – Минск, 1967. – 120 с.
37. Уфимцева А.А. Лексическая номинация (первичная нейтральная). – В кн.: Языковая номинация: (Виды наименований), М., 1977, с. 5–8.
38. Философский словарь. /Под ред. М.М.Розенталя. – 3-е изд. – М.: Политиздат, 1972. – 496 с.
39. Черданцева Т.З. Язык и его образы: Очерки по итал. фразеологии. – М.: Междунар. отношения, 1977. – 167 с. – Библиогр.: с. 161–166.
40. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики: (На материале рус. яз.) /АН СССР. Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
41. Шендельс Е.И. Грамматические средства полифонии в тексте художественного произведения. – Сб. науч. тр. /Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М.Тореза, 1980, № 158, с. 143–155.
42. Щерба Л.В. Опыт лингвистического толкования стихотворений. – Сов. языкознание, Л., 1936, № 2, с. 15–31.

ТРОШИНА Н.Н.
СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ
И ЕГО РОЛЬ В ПОЗНАНИИ

Деятельность людей, связанная с восприятием окружающей действительности и познанием ее, невозможна без участия чувств. "Без чеповеческих эмоций никогда не бывало, нет и быть не может чеповеческого искания истины", — писал В.И. Ленин в рецензии на книгу Н.А. Рубакина "Среди книг" (3, с. 112). Даже любое восприятие, представление несет в себе явственные черты избирательной заинтересованности познающего субъекта, что выражается в определенном отношении, определенной оценке чеповеком окружающего мира и самого себя. Так эмоции и оценки становятся одним из компонентов отражения реальной действительности. Эмоциональное проникает во все сферы познавательной деятельности чеповека. Это отмечал в свое время Ш.Бапли во "Французской стилистике", указывая, что "наша мысль постоянно и непреднамеренно добавляет к мапейшему восприятию элемент оценки. Конечно, эта тенденция, присущая нашей природе, отражается и в языке. Проявлением этой тенденции в речи и является экспрессивная доминанта" (6, с. 183).

Фундаментальным попожением советского языкознания является трактовка языка как действительного сознания. При этом чеповеческое сознание как вторичное явление по отношению к материальному миру, отражаемому в мышлении, выступает как реально существующее только в своей языковой плоти. Поэтому язык не есть простое средство

внешней фиксации сознания, а предназначен для глобального выражения всего содержания мышления. В связи с этим вполне обосновано предположение, что в языковой системе реальная действительность отражается в таких формах, которые соотносятся как с логическим, так и с чувственным (эмоциональным) познанием мира.

Как указывает Ф.Травничек, и оценка, и эмоции, и воля находят закономерное выражение в языковой системе как осознанные явления, как осознанные факты эмоциональных переживаний, оценок и т.п. — в такой же степени, как и прочие объекты, включаемые в сферу психической жизни человека (20). С этой мыслью Ф.Травничека перекликается точка зрения Г.В.Копшанского о том, что, "говоря о предметном мире языкового содержания, безусловно, необходимо включать сюда и все объекты интроспекции (эмоции, психические состояния), поскольку они в этом случае "также становятся объектом по отношению к познавательной деятельности" (13, с. 10). Характер перечисленных объектов интроспекции накладывает специфический отпечаток на содержание языковых единиц, т.е. их идеальную сторону, которая имеет ту же природу, что и содержание обобщенного, абстрактного мышления. В гносеологическом смысле идеальная сторона языковых единиц — это образ тех предметов объективной действительности, с которыми она соотносится, указывает В.З.Панфилов в работе "Философские проблемы языкознания: гносеологические аспекты" (17, с. 79).

Поэтому она, во-первых, произвольна в отличие от материальной стороны языковых единиц, и, во-вторых, передает и те эмоции, чувства, психические состояния, которые возникают в связи с процессами познавательной деятельности человека (подтверждение этому положению мы найдем в трудах Л.С.Выготского (8, с. 14).

Как отмечает И.Р.Гальперин, "значение, будучи категорией отражательного порядка, естественно, не может адекватно передать отношения и факты объективной действительности. Оно лишь приближенно, не как "зеркальный мертвый акт", определяет гносеологический процесс нашего сознания. В связи с этим оно может иметь в большей или меньшей степени

субъективно-оценочный характер, с одной стороны, и выдели-тельно-познавательный – с другой. В качестве первого при-знака появляется понятие эмотивности, т.е. эмоциональной окрашенности или, вернее, эмоционального компонента семан-тической структуры слова, а в качестве второго, т.е. выде-лительно-опознавательного момента, появляется денотатив-ное значение слова. Таким образом, возникают эмоциональ-ные значения, которые могут сопровождать (сосуществуя с ними) предметно-логические значения слова, а могут быть и самостоятельными значениями (10, с. 37). Эти значения изу-чаются лингвистической стилистикой и именуются стилисти-ческими значениями.

Философски обосновывая многие кардинальные проблемы языкознания, советские языковеды учитывают ленинский те-зис о том, что "в языке есть только общее. Всякое слово уже обобщает" (1, с. 246). Возникает вопрос: распростра-няется ли это ленинское положение на стилистическое зна-чение слова? Ответу на него посвящены многие страницы кни-ги Э.С.Азнауровой "Очерки по стилистике слова" (4). Ос-мысление сущностных характеристик слова в системе языка и речи привели автора к выводу, что в познавательной дея-тельности человека существуют сферы, которые "покрывают-ся" стилистическими значениями слова. Это – области эмо-ционального, оценочного восприятия денотата и экспрессивно-образного его представления.

Соотношение стилистического значения слов с их пред-метно-понятийным значением имеет, по Э.С.Азнауровой, спе-циальный характер: оно выражает узואльно закрепленное за данной лексической единицей эмоционально-оценочное отно-шение членов языкового комплекса к предметному содержа-нию слова.

Отсюда следует вывод:

1) человеческий язык наряду с понятийным предметным значением закрепляет в своих единицах такое дополнитель-ное стилистическое значение, которое связано с эмоциональ-ным отношением к соотносенному со словом понятию или пред-мету;

2) по своей природе стилистическое значение может быть охарактеризовано как значение абсолютное, так как оно характеризуется регулярностью и соотносится с определенными сферами познавательной деятельности человека;

3) способность лексической единицы к обобщению в одинаковой степени относится как к понятийно-предметному, так и к стилистическому значению слова.

Такая интерпретация понятия стилистического значения не противоречит определению слова как основной единицы языковой системы, данному А.А.Уфимцевой: эта основная единица имеет семиологическую ценность в нескольких планах: слово обобщает, дает наименование, т.е. обозначает, сообщает и выражает отношение, чувство говорящего и слушающего (22, с. 318).

В другой концепции представленное в системе языка, т.е. абсолютное стилистическое значение, относится не только к сферам эмоционально-оценочного денотата и экспрессивно-образного его представления, но и к функциональным сферам познавательной деятельности человека, в рамках которых осуществляется общение (концепция Э.Г.Ризель (29), Л.Н.Дзюкиревской (11) и др.).

Лингвистический статус абсолютного стилистического значения обоснован в трудах Э.Г.Ризель и уточнен ее последователями. В рамках этой концепции абсолютное стилистическое значение распадается, в свою очередь, на компоненты: функциональный, экспрессивный и нормативный (29, с. 27, 28, 29-40). Первый компонент определяется сообразно следующим функциональным сферам: 1) официально-делового общения; 2) научно-технической; 3) бытового общения; 4) сферы художественной литературы; 5) сферы публицистики и прессы. Поэтому и абсолютная стилистическая окраска слова определяется как компонент значения слова, указывающий на его положение в общей системе слов данного языка (т.е. его лексико-семантической системы. — Н.Т.) относительно употребления: 1) в функциональной сфере общения (функциональная стилистическая окраска) и 2) в эмоциональной ситуации общения (эмоциональная, т.е. нормативно-экспрессивная стилистическая окраска). Отмечается непосредственная обусловленность

этим компонентом частотных характеристик слов в соответствующей сфере и ситуации общения.

Таким образом, в процессе познавательной деятельности человека сначала как бы типизируются сферы и ситуации общения, обобщаются их основные признаки; затем соответственно этим познанным признакам подразделяются языковые единицы в их преимущественном частотном употреблении.

Коммуникативные и прагматические факторы оказываются особо существенными для формирования стилистических характеристик языковых единиц. В связи с этим возникает вопрос: входит ли эмоциональная и экспрессивно-стилистическая характеристика в семантику слова как единицы лексико-семантической системы языка или же она всегда есть сугубо контекстуальное явление? Разногласиями в этом вопросе в значительной степени обусловлена неудовлетворительность и спорность освещения в лингвистической литературе проблемы стипевой организации языка и, шире, соотношения субъективных и объективных факторов в языке.

Л.А.Новиков (16) вместо термина "стилистическое значение" пользуется термином "прагматическое (эмотивное) значение". В соответствии с общей концепцией семиотики оно определяется как закрепленное в языковой практике отношение говорящих к употребляемым знакам и соответствующее воздействие знаков на людей. Прагматический аспект значения является в лексической семантике специфическим языковым выражением оценки обозначаемого с помощью маркированных единиц, вернее, оценочным, стилистически окрашенным компонентом их лексического значения.

В специальной литературе представлены различные точки зрения на семиотическую специфику стилистически окрашенных единиц. Так, например, Ю.С.Степанов ("Семиотика") считает стилистические средства языка (в частности, лексические) знаковыми образованиями более сложной организации по сравнению с нейтральной лексикой, поскольку в них усложнен план выражения (19). Сопоставляются стилистические синонимы "лицо" и "морда": если говорящий выбрал обозначающее "морда", то прежний знак-слово "морда", состоящий из означающего и означаемого, начинает целиком играть роль только одной стороны — означающего:

лицо человека	страшное лицо	слово "морда"
---------------	------------------	------------------

Означаеmое

означающее

Подчеркивается, что знаком здесь деnается даже не слово "морда" в новом значении, а самый факт выбора одного слова из двух.

Ю.С.Степанов считает стилистически окрашенные языковые единицы знаками знаков, а стилистику в целом языком на второй ступени знаковости. Язык же в целом (лексика без развитой системы синонимов + грамматика) есть план выражения для оттенков значения как плана содержания.

В лингвистических исследованиях не случайно уделяется большое внимание вопросам семантики: стилистическое богатство языковых единиц рассматривается прежде всего как расширение семантического их потенциала. Так, например, Г.Хайнц (26) считает стиль всеобъемлющим семантическим планом текста. Вместо термина "стилистика поэтического текста" он предлагает пользоваться термином "литературная семантика", чем подчеркивает свое неприятие традиционной антисемантической трактовки стиля как способа, техники оформления высказывания. Концепция же Ю.С.Степанова, в рамках которой усложнение структуры языкового знака трактуется прежде всего как усложнение его плана выражения, является скорее исключением, чем правилом.

Проблема соотношения сигнификативного и стилистического значения является одной из проблем изучения языка в аспекте выполнения им познавательной функции, а это Г.В. Копшанский определяет как важнейшую задачу языкознания. "Проблемы семантики стоят в центре внимания не только потому, что через этот аспект раскрывается коммуникативная сущность языка, но и потому, что содержательная сторона языка непосредственно связана с познавательной деятельностью человека..." (12, с. 4).

Вопрос о структуре языковой единицы, принадлежащей к определенному языковому стилю, невозможно решить, не решив основной вопрос: входит ли стилистическое значение в

семантическую структуру языковой единицы или же оно является следствием индивидуального употребления знака в контексте? Следует сразу же оговориться: в литературе в этой связи речь идет, как правило, о стилистически окрашенных лексических единицах, поскольку в них эта способность более заметна, чем в нейтральных.

Не вызывает сомнений тот факт, что содержание лексической единицы не исчерпывается ее понятийно-предметной соотносительностью и, соответственно, ее сигнификативным содержанием, что семантика слова способна выразить все объективные и субъективные явления, включая эмоции, оценки, образные представления. Однако в интерпретации средств выражения и характера реализации стилистического значения слова существуют различия. Так, сторонники экстралингвистической трактовки стилистического значения считают, что вещественные значения всегда соотносятся с понятием или предметом. Стилистическое же значение выражается через слово опосредованно и такой соотносительностью не обладает, что, по их мнению, исключает возможность его объективного анализа и создает простор для его субъективной интерпретации. Отсюда делается вывод, что в языке вступает мышление, а эмоции входят в частную сферу, сферу отдельной человеческой души и носят инстинктивный, неосознанный характер. Такова, например, концепция В.Флейшера и Г.Михея (24), Т.Шиппан, К.-Е.Зоммерфельд (30).

Противоположную точку зрения высказывают многие советские исследователи: Г.О.Винокур (7), Э.Г.Ризель (21, 29), Э.С.Азнаурова (4), а также зарубежные авторы: В.Шмидт (31), А.Зиберер (32) и др. Так, уже в 1941 г. Г.О.Винокур писал, что "необходимо тщательно отмечать экспрессивные качества речи, имеющие своим постоянным источником личностные свойства и состояния говорящего или пишущего, от таких фактов языковой экспрессии, которые коренятся в общественной психологии и представляют собой проявление именно общественной реакции на принадлежащий данному обществу язык... в последнем случае экспрессивные качества речи становятся... объективной принадлежностью самих фактов языка" (7, с. 222). Как отмечает Э.С.Азнаурова, "об-

шение в сфере стилистической информации" (4, с. 81) не является областью индивидуального употребления языка. Стилистические характеристики языковых единиц, будучи результатом познавательной деятельности человека, задаются системой и вынуждают говорящих использовать языковые средства определенным образом и в определенных коммуникативных сферах. Считая абсолютное стилистическое значение единицы объективной языковой реальностью, Э.С. Азнаурова указывает, что оно входит в иерархически организованное диалектическое единство, каковым является семантика языковой единицы. Таким образом, исследовательница подчеркивает его структурный характер (там же). В качестве ведущего компонента в этой структуре могут выступать различные типы значения: предметно-логическое, грамматическое, стилистическое и др. О том, что стилистическое значение, заданное системой языка, может в контексте (поэтическом) выступать на первый план, заглушая основное, т.е. предметно-логическое, писал Ю.Н. Тынянов. Такую стилистическую характеристику слова он называл лексической окраской, постоянным второстепенным признаком значения (21, с. 88).

В кандидатской диссертации Л.Н. Дзекиревой "Система стилистических оппозиций лексических значений слов" (11) приводятся следующие аргументы в пользу системного статуса абсолютного стилистического значения (= окраски), т.е. в пользу вхождения стилистического значения в семантическую структуру языковых единиц:

1) изменение значения слова может основываться на изменении сферы употребления, т.е. изменении функциональной стилистической окраски:

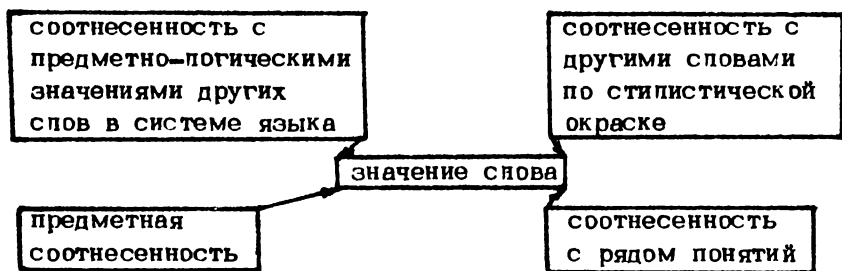
schalten "включать" - наука, нейтр.
"понимать" - об.-разг., фам.

2) стилистическая окраска накладывает дополнительные ограничения на валентные связи слов:

недопустимо сочетание: eine Art Minne fühlen - из-за несовместимости видов эмоциональной окраски: eine Art "разновидность" нейтр., fühlen "чувствовать" нейтр., Minne любовь" возвышен.;

3) ЛСВ одного слова могут обладать различной стилистической окраской.

Выявляется стилистическая окраска через стилистические оппозиции, все члены которых связаны тождественным предметно-логическим содержанием и обязательно отличаются стилистической окраской: *entwenden* "совершить кражу" – *stehlen* "украсть" – *klauen* "стянуть"; *Krieger* "воин" – *Soldat* "солдат" – *Landser* "войска". Л.Н.Дзекиревская считает, что, поскольку стилистическая окраска входит в значение слова наряду с соотносительностью с логическим рядом и соотносительностью данного значения со значениями других слов в языке, традиционный треугольник, по Ч.Моррису, следует дополнить четвертым компонентом:

Выявленные через оппозиции стилистические значения слов могут быть представлены как некая сетка в системе языка. Э.С.Азнаурова (4) обосновывает наличие в языковой системе семантико-стилистических полей; аналогичные взгляды высказал в свое время Ш.Бапли, который писал, что "экспрессивные тенденции не просто составляют сумму, но и взаимодействуют между собой, образуя в нашем сознании экспрессивную систему языка. В целом эта система представляет собой абстракцию, однако в своих частых и взаимозависимых проявлениях она является для нас живой реальностью" (6, с. 184). Общесистемные стилистические характеристики языковых единиц в совокупности с другими их характеристиками, и прежде всего сигнификативным значением, создают предпосылки для выполнения языком его познавательной функции. "При этом в любом стилистическом маркированном отрезке высказывания нет ничего, чего не было бы в языке

как системе и в языке как реализации этой системы, т.е. в речи" (10, с. 275). В этой формулировке выражена суть взаимозависимости речи/текста и системы языка в аспекте использования его стилистических потенций.

С вопросом о системном/контекстуальном статусе стилистического значения нередко связывается вопрос о коннотативном значении, о "коннотациях". И для этого есть основания, поскольку на системном, т.е. абсолютном стилистическом значении, чаще всего строится коннотативное значение, а это, в свою очередь, часто приводит к синонимическому употреблению терминов "стилистическое значение" и "коннотация"; так, например, Г.Граубнер пишет о "парадигматических коннотациях: нормативной, экспрессивной и функциональной" (25, с. 180). А.Я.Алексеев считает, что коннотация языкового знака входит в объем его значения, т.е. является одним из типов значений языкового знака и "является терминологическим синонимом прагматического, стилистического значения (характеристики) языковой единицы" (5, с.51). Э.Косериу в книге "Лингвистика текста: введение" (23, с. 107) считает коннотацию функцией, присущей языковому знаку, т.е. семиотической функцией, реализующейся прежде всего в тексте/речи.

Компонентный анализ стилистически окрашенных единиц, взятых изолированно, может выделить сигнификативное и абсолютное стилистическое значение. При этом стилистически окрашенное слово может обладать своим смысловым и стилистическим ореолом, т.е. коннотативными созначениями, например, "вешний" связывается с понятием "радостный", "оживленный", "полный надежд". По наблюдениям Э.Г.Ризель, именно экспрессивный компонент модели стилистического значения вызывает в количественном отношении наибольшие, а в качественном — наиболее сильные коннотации. Видимо, это происходит потому, что референциальные семы слова усиливаются абсолютным стилистическим значением (18, с. 136).

Однако, как подчеркивает Э.Г.Ризель, референциальные семы стилистически нейтральных слов могут также порождать коннотации, что, например, имеет место у слова "предавать", стилистическая модель которого "нейтр.—нейтр.—нейтр." (там же).

В процессе языкового общения коннотации стандартизируются и типизируются. Н.Г.Комплев (15) приводит следующий список видов коннотаций, которые могут влиять на понимание реципиентом основного лексического значения: 1) чувства; 2) культурный аспект; 3) уровень знания; 4) мировоззрение; 5) компонент поля (т.е. наличие имплицитных указаний на принадлежность слова к определенному лексико-семантическому полю).

Типизированные коннотации Э.Г.Ризель называет объективными, поскольку они регулярно ассоциируются с основным лексическим значением слова, и эта ассоциативная связь очевидна для всех членов языкового коллектива. Объективные коннотации могут со временем стать одним из системных компонентов (ЛСВ) слова, например: со словом "ястреб" часто ассоциируется значение "политик-милитарист". Так может подготавливаться и омонимический распад слова. Граница между основным (сигнификативным, референциальным) и объективным коннотативным значением слова довольно зыбкая, что и послужило для Г.В.Копшанского основанием переопределить "содержательную ткань языка как переплетение денотативных и коннотативных нитей" (12, с. 4).

Во многих работах подчеркивается, что коммуникация становится возможной благодаря лингвопсихологической базе, которую создают принятые в языковом коллективе и отраженные в абсолютном стилистическом значении критерии и оценки (типа "плохо-хорошо", "заслуживает-не заслуживает одобрения"). И.Р.Гальперин полагает, что внутренние элементы содержания высказывания (к которым он относит стилистическое значение наряду с импликацией и глубинными структурами) лежат в основе функционирования языка как средства общения (9, с. 287). Г.В.Копшанский считает стиль "особым содержательным компонентом вербальной коммуникации" (14, с. 211).

В заключение обзора отметим, что на современном этапе развития науки о языке все большее значение приобретает разработка проблем семантики языка; больший аспект уделяется на исследовании содержательной стороны различных функциональных стилей, типов текстов, что ставит перед сти-

пистикой задачи глобального анализа языка. "Дальнейшее изучение проблемы стипия не может обойтись без рассмотрения вопроса о соотношении субъективных и объективных факторов в языке как в лингвистическом, так и в гносеопотическом аспекте" (14, с. 212). И в этой связи особую актуальность приобретает вопрос о стипистическом значении языковых единиц как компоненте, который, входя в семантическую структуру слова наряду с другими значениями, создает предпосылки для выполнения языком его коммуникативной и познавательной роли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленин В.И. Конспект книги Гегеля "Лекции по истории философии". - Полн. собр. соч., т. 29, с. 219-278.
2. Ленин В.И. О либеральном и марксистском понятии классовой борьбы. - Полн. собр. соч., т. 23, с. 236-241.
3. Ленин В.И. Рецензия "Н.А.Рубакин "Среди книг". - Полн. собр. соч., т. 25, с. 111-114.
4. Азнаурова Э.С. Очерки по стипистике слова / Ташк. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Ф.Энгельса. - Ташкент: Фан, 1973. - 403 с.
5. Алексеев А.Я. Стипистическая информация языкового знака. - Науч. докл. высш. шк. Филол. науки, М., 1982, № 1, с. 50-55.
6. Бапли Ш. Французская стипистика / Пер. с фр. Допинина К.А. - М.: Изд-во иностр. лит., 1961. - 394. - Библиогр.: с. 385-387.
7. Винокур Г.О. О задачах истории языка. - В кн.: Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, с. 207-226.
8. Выготский Л.С. Мышление и речь: Психол. исслед. / Под ред. и со вступ. ст. Копбановского В. - М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. - XXXУ, 324 с. - Библиогр.: с. 319-320.

9. Гапьерин И.Р. О принципах семантического анализа стилистически маркированных отрезков текста. – В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, с. 267–290.
10. Гапьерин И.Р. Отноительно употребления терминов "значение", "смысл", "содержание" в лингвистических работах – Науч. докл. высш. шк. Филоп. науки, М., 1975, № 5, с. 34–43.
11. Дзекиревская Л.Н. Система стилистических оппозиций лексических значений слов: Автореф. дис. ...канд. филоп. наук / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М.Тореза.– М., 1965. – 15 с.
12. Копшанский Г.В. Контекстная семантика / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1980. – 149 с.
13. Копшанский Г.В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеопогическом аспекте. – В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, с. 5–31.
14. Копшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1975. – 231 с.
15. Компев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 192 с. – Библиогр.: с. 131–175.
16. Новиков Л.А. Семантика русского языка: Учеб. пособие – М.: Высш. шк., 1982. – 272 с. – Библиогр.: с. 260–265.
17. Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания: Гносеоп. аспекты / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1977. – 287 с.
18. Ризель Э.Г. Стилистическое значение и коннотация. – В кн.: Лингвистические проблемы текста. М., 1980, с. 134–143.

19. Степанов Ю.С. Семиотика / АН СССР. Ин-т языкознания. - М.: Наука, 1971. - 168 с. - Библиогр.: с. 145-166.
20. Травничек Ф. Некоторые замечания о значении слова и понятии. - Вopr. языкознания, М., 1956, № 1, с. 25-37.
21. Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. - М.: Сов. писатель, 1965. - 301 с.
22. Уфимцева А.А. Теоретические проблемы слова. - В кн.: Ленинизм и теоретические вопросы языкознания. М., 1970, с. 307-319.
23. Coseriu E. Textlinguistik: Eine Einführung. - 2., durchges. Aufl. - Tübingen.: Narr, 1981. - 178 S. - (Tübinger Beitr. zur Linguistik; 109).
24. Fleischer W., Michel G. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. - Leipzig: VEB Bibliogr. Inst. 1975. - 394 S. - Bibliogr.: S. 382-387.
25. Graubner H. Stilistik. - In: Grundzüge der Literatur- und Sprachwissenschaft. München, 1974, Bd 1, S.162-186.
26. Heintz G. Sprachliche Struktur und dichterliche Einbildungskraft: Beitr. zur ling. Poetik.-München: Hueber, 1978. - 435 S. - (Lehrgebiet Sprache; Bd 2) (Sprachen der Welt). - Bibliogr.: S. 408-424.
27. Ризель Э.Г. Aus der Werkstatt für stilkundliche Wortschatzarbeit / Riesel E. - Leipzig: VEB Bibliogr. Inst., 1964. - 48 S. - (Sprachpflege; Jg. 13).
28. Ризель Э.Г. Der Subtext im Sprachkunstwerk / Riesel E. - Sprachkunst, Wien, 1980, Jg.11, Hbd. 1/2, S.205-221.
29. Ризель Э., Шендельс Е.И. Deutsche Stilistik / Riesel E., Schendels E. - Moskau: Hochschule, 1975. - 316 S. - Bibliogr.: S.300-308.

30. Schippan Th., Sommerfeldt K.E. Wort und Kontext. - Ztschr. für Phonetik, Sprachwiss. u Kommunikationsforschung, B., 1966, Bd 19, H.6, S.533-552.
31. Schmidt W. Lexikalische und aktuelle Bedeutung: Ein Beitr. zur Theorie der Wortbedeutung. - B.: Akad.-Verl., 1963. - 130 S. - (Schr. zur Phonetik, Sprachwiss. u. Kommunikationsforschung; N 7). - Bibliogr.: S.126-130.
32. Sieberer A. Vom Gefühlswert der Wörter: Ein Beitr. zur allgemeinen Bedeutungslehre. - Sprache, Wien, 1954, Bd 3, H.1, S.4-22.

АГЕЕВА Р.А.
КАТЕГОРИЯ ПРОСТРАНСТВА
И СПОСОБЫ ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В ЯЗЫКЕ

Пространство и тесно связанное с ним время являются одной из основных категорий материалистической диалектики. Согласно марксистско-ленинскому учению, пространство и время — формы существования материи: "Основные формы всякого бытия суть пространство и время" (1, с. 51). Ф.Энгельс подчеркивал, что "...обе эти формы существования материи без материи суть ничто, пустые представления, абстракции, существующие только в нашей голове" (2, с. 550).

Пространственными характеристиками являются: положения относительно других тел (координаты тел), расстояния между ними, углы между различными пространственными направлениями (отдельные объекты характеризуются протяженностью и формой, которые определяются расстояниями между частями объекта и их ориентацией). Отношения между этими пространственными величинами называются "метрическими". Существуют и "топологические" характеристики пространства — "соприкосновение" различных объектов, число направлений (54, с. 117–120).

В XX в. представления о пространстве и времени значительно изменились по сравнению с идеями классической физики Ньютона и философии Лейбница, Канта и других ученых. В физическую картину мира вошла концепция поля как формы материальной связи между частицами вещества. Новая физическая теория пространства и времени — теория относительности

А.Эйнштейна — привела к тому, что пространственные и временные отношения — длина тел (и вообще расстояние между всякими двумя материальными точками) и длительность (а также ритм) происходящих в них процессов — стали рассматриваться не как абсолютные величины (как утверждала механика Ньютона), а как относительные величины (54, с. 119). Относительность пространственно-временных характеристик тел полностью подтверждена опытом; представления об абсолютном пространстве и времени оказались несостоятельными. Пространство и время являются именно общими формами координации материальных явлений, а не самостоятельными существующими (независимо от материи) началами бытия. Исследуются и топологические свойства пространства и времени, что связано с вопросом о конечной или бесконечной делимости пространства и времени, их дискретности или непрерывности.

Философская проблема языкознания — выражение средствами языка категории пространства — связана с гносеологической проблемой отражения действительности. Принцип отражения объективного мира сознанием человека является краеугольным камнем материалистической теории познания, в которую значительный вклад внесли, в частности, труды В.И.Ленина.

Современная марксистская философия развивает это положение. Например, М.Д.Ахундов отмечает, что "человек в процессе эволюции все более оптимально приспосабливается к окружающему миру. Это означает, в свою очередь, что в человеке все более адекватно запечатлевалась структура самого мира" (6, с. 9). И далее, рассматривая процессы чувственного и абстрактного познания, автор указывает, что последний вид познания, характерный лишь для человека, связан с его уникальной способностью: "Существуя в реальных пространстве и времени, освободиться от сковывающих рамок этих конкретных пространства и времени" (6, с. 40).

Между естественными науками и общественно-историческими науками существует значительное различие в отношении понимания объективной действительности. Ю.В.Рожественский пишет о категориях пространства и времени в ес-

тественных науках: "Все вещи обладают местом и временем. Если описывается цельная картина мира или отдельные вещи, то всякий элемент картины и всякая связь между элементами имеют свою пространственно-временную локализацию. Всякое тело имеет свое место и свое время. Разные место и время различают идентичные по составу и строению вещи" (42, с. 146). Между тем для общественных наук, которые различаются в зависимости от форм культуры и способов исследования этих форм, значимы лишь историческое время и пространство. "Нельзя приложить естественнонаучное понимание пространственно-временной локализации к гуманитарным объектам" (42, с. 146).

В.З.Панфилов трактует проблему отражения действительности в языке следующим образом: "В языке, в его лексических и грамматических значениях, в той или иной степени фиксируются результаты человеческого познания. История развития языков, их лексических значений и грамматических категорий так или иначе отражает историческое развитие человеческого мышления и познания. Именно поэтому В.И. Ленин называл историю языка... в числе тех областей, из которых должна сложиться теория познания и диалектика" (38, с. 12).

Язык обладает спецификой отражения объективного физического пространства. Можно считать, что реальное физическое пространство не соотносится прямо ни с одной языковой категорией; языковая картина не может быть полностью адекватна действительности, так как результаты познавательной деятельности человека не только фиксируются языковыми средствами, но и функционируют в речевых произведениях.

Рассматривая становление категорий движения, пространства и времени по данным языка (на материале русского языка), Б.П.Ардентов отмечает, что в языке наша свое отражение возможность выражения одной формы существования материи через другую. Чаще пространство выражается через время и движение, реже — время выражается в терминах пространства и еще реже — скорость движения через термины времени и пространства (4, с. 72). Само слово "место" в русском языке имеет пространственное значение, но оно

может употребляться и во временном значении (покамест, покуда). Данные языка свидетельствуют о том, что понятия движения и пространства появились у человека раньше времени (4, с. 73–74).

Пространственные представления в языке могут быть рассмотрены в трех аспектах: 1) в языке как таковом, 2) косвенно – через влияние географического фактора на язык (существование языка в пространстве), 3) в метаязыке лингвистического описания. В настоящем обзоре мы лишь кратко упомянем второй и третий аспекты и подробнее рассмотрим первый.

Наличие экстралингвистического географического фактора в существовании языка (через его носителей) приводит к образованию территориальных диалектов, языковых союзов и другим видам территориального распространения форм языка, например к заимствованиям. Этими вопросами занимаются диалектология и лингвистическая география, которые, в частности, прибегают к методу картирования, т.е. пространственного изображения языковых явлений. Можно говорить также (42, с. 73) о пространственном движении письменных текстов.

В метаязыке лингвистического описания пространственные представления играют существенную роль. Сами понятия системы и структуры языка, в основном связанные с категорией отношения, включают элемент пространственных представлений. Оси языка (синтагматика и парадигматика), протяженность и размерность языка, уровни языка, позиции, словообразовательные и лексические гнезда, ассиметричная омонимия, семантические и лексические поля, центральные и периферийные значения, различные понятия континуума, непрерывное и дискретное структурирование, ареалы, изоглоссы, стратификация, пространственные модели, графы и т.д. – далеко не полный перечень лингвистических терминов, который включает значительный компонент пространственно-изобразительных представлений.

Современная лингвистика изобилует также различными другими понятиями, относящимися к описанию пространственных характеристик разных уровней языка: фонологическое

пространство, пространство слога, семантическое пространство, поэтическое пространство, ономастическое пространство и т.д., – все это термины, в употреблении которых часто нет единства, но явственно ощущается многими лингвистами потребность в опоре на эти понятия, облегчающие освещение многих сложных лингвистических проблем. Вполне очевидно, что некоторые из пространственных понятий современной физики были перенесены в область лингвистики.

Понятие о выражении пространственной ориентации с помощью языковых средств давно существует в языкознании и в логике. Аристотель в "Категориях" выделяет совокупность предикатов, которые можно высказать о бытии, и стремится определить логический статус каждого из них, хотя на самом деле речь идет о языковых категориях. Так, выделяется класс пространственных обозначений (греч. *Ποῦ* "где?"), в который входят наречия места или падежные обороты с покативом (5, с. 6. См. также комментарии к этому положению Аристотеля у Э.Бенвениста – 11, с. 106–107).

Из современных теорий в этой связи отметим представления Ю.С.Степанова о трех типах абстракции, характеризующих грамматику, а через нее и язык в целом: номинация, предикация и показия, причем под номинацией понимается абстракция предметов, признаков и действий, под предикацией, соответственно, – абстракция связей между предметами, а под показией – абстракция отношений человека к месту и времени речи (50, с. 122). Как видно, все эти три типа грамматической абстракции в различной степени связаны с пространственными представлениями. Взгляды Ю.С.Степанова близки к Пражской лингвистической школе. В семиотическом смысле номинация представляется как ядро семантики, предикация – как ядро синтактики, показия – как ядро прагматики (57, с. 353).

Пространственные представления находят свое выражение на всех уровнях языка, кроме, вероятно, фонологического уровня. Правда, В.З.Панфилов, говоря об определенных отношениях между значениями языковых единиц и материальной стороной этих языковых единиц, указывает, что в некоторых языках бо́льшая степень удаленности какого-либо объекта вы-

ражается посредством удлинения гласного соответствующего указательного местоимения (38, с. 53).

Рассматривая пространственные значения лексик языка, прежде всего следует обратиться к старой философской, поэтической и лингвистической проблеме "слова и вещи", к проблеме языковой номинации в широком смысле слова. Г.Шухардт, в особенности разрабатывавший проблему "слов и вещей", считал, что "между действительностью и языком стоит мировоззрение... О непосредственном и точном отражении в языке реальных вещей и процессов не может быть и речи" (55, с. 107). Однако развитие теории ономастологии и семасиологии показало, что в прошлом, особенно на ранних этапах становления языка, на формирование языка оказывала влияние естественная классификация всего вещного мира, окружающего человека, и проявлений его внутреннего мира. "Многие этимологии слов показывают, что связи мира вещей и мира слов были в те времена более прямочисленными и даже более наглядными" (30, с. 19). Так, легшие в основу формирующихся частей речи общие категории были близки самой "физике мира" и совпадали с категориями натуральной логики познания мира" (30, с. 26).

Номинация включает в себя элемент пространственных представлений. Лексика и семантика отражают вещи реального мира, связи вещей между собой (здесь категория пространства тесно смыкается с категорией отношения), соположение вещей в пространстве.

Например, в языке отражается такая важная количественная пространственная характеристика, как соразмерность материальных объектов по их протяженности. С.П.Островская на материале немецкого художественного текста показывает различные модели обозначения длины языковыми средствами (37). Протяженность также выражается понятиями высоты, глубины, ширины, толщины, площади, объема, для которых в языке существует разветвленная сеть обозначений. Л.И.Иванова, рассматривая особенности употребления прилагательных пространственного значения во фразеосочетаниях (25), анализирует три антонимические пары прилагательных пространственного измерения: глубокий — мелкий, высокий — низкий,

широкий – узкий. Они делятся на две группы: непредельные (глубокий, широкий, высокий) и предельные (мелкий, узкий, низкий). Это разграничение обусловлено тем фактом, что высоту, ширину, глубину объекта можно увеличивать безгранично, в то время как безгранично их уменьшать нельзя: соответствующие свойства исчезают. Для пространственных прилагательных характерно большое количество производно-номинативных значений, образующихся в результате либо метонимического, либо метафорического переноса. При метонимическом переносе пространственные прилагательные дают характеристику действия по его результату или по месту, где оно совершается. Чаще всего такие прилагательные встречаются в сочетании с отглагольными существительными (широкий шаг, походка, жест), реже в сочетании с конкретными и абстрактными существительными (высокий – низкий потолок, звезда, облако, небо). Метафорический перенос прилагательных накладывается в сочетании с конкретными существительными, также допускающими измерение в пространстве (высокий – низкий стол, поб, тапия) (25, с. 102-103).

Тропы вообще играют существенную роль при актуализации отношений "слово – вещь". Употребление слова в переносном значении соотносит последнее с прямым значением на основе сходства или контраста сопоставляемых явлений (метафора), на их смежности (метонимия) или на соотношении части и целого (синекдоха). Г.Пауль указывает пример метафоры: нем. *Kamm* "гребень" и *Kamm* для обозначения петушиного гребешка, черенка виноградной кисти (39, с.115). Метафорический перенос названий может происходить на основе пространственных, временных и причинных связей.

Л.Блумфилд приводит пример метонимии (ассоциация по смежности в пространстве): др.-англ. *sease* "челюсть" англ. *cheek* "щека", ст.-франц. *joue* "щека" англ. *jaw* "челюсть" (13, с. 467). Метонимические отношения в языке осуществляются благодаря наличию концептуальных связей, фиксирующих, в свою очередь, связи и отношения между реальными предметами действительности. Этот вопрос является предметом рассмотрения в работе Э.В.Васильевой (15),

которая исследует модель "емкость — то, что ее заполняет" на материале русских говоров Сибири.

Пример синекдохи (значение соотносится как целое и часть): итал. porta "створки" вместо porta "отверстие в стене и приспособление для его закрытия" (41, с. 148). Или прагерм.* *'tu:naz* "изгородь" (как и до сих пор нем. *Zaun*), англ. town "город" (13, с. 467). Эти и другие семантические изменения типа иррадиации, сцепления и т.д. хорошо известны этимологам. Г.Пауль придавал большое значение пространственным отношениям в области семантических изменений. Он отмечал, например, что "аналогия между протяжением в пространстве и протяжением во времени депа-ет возможным перенос слов, выражающих пространственные отношения в каком-либо одном измерении, на временные отношения, ср. длинный (день), короткий (срок)... мера, часть, половина и т.д., конец, предел... Пространственные отношения и процессы могут переноситься в сферы непространственных отношений. Так, все психическое представляется нам покоящимся внутри нас то ли в отдельных частях тела, то ли в душе, которой в этом случае приписываются пространственные атрибуты, ср. мне пришла в голову мысль, до глубины души и т.д. Состояния могут также восприниматься как нечто протяженное в пространстве, ср. "погруженный в мысли" (39, с. 116).

На метафорических переносах основаны и многие термины ориентации в ряде языков мира, что убедительно показывают Г.М.Василевич (14) и Л.И.Сем (44) на примере алтайских языков. Уже ранее (С.М.Широкогоровым) была высказана мысль о том, что слова *атар* "зад", "задний", "назад" и *жула* "перед", "передний", "вперед" в тунгусо-маньчжурских языках включали идею соотношения в пространстве во время передвижения в период расселения (14, с. 223). Термины ориентации в пространстве отражают привычное направление миграций, обычно совпадающее с направлением рек, поэтому части света именовались по течению рек. Так, в чумиканском (удском) диалекте эвенкийского языка (южная часть побережья Охотского моря) слово *сопо-кй* — "вверх по течению" значит также "юг" (носители диа-

пекта пришли сюда по правым притокам Уда, текущим с юга). А в говоре эвенков, пришедших сюда с Алдана по притокам Май, истоки которой уходят на запад, то же слово *сопоки* означает "запад".

Л.И.Сем учитывает два вида ориентации в пространстве: 1) ориентацию по горизонтали и вертикали, 2) пространственные представления, связанные с объемным предметом и ориентацией вокруг него по плоскостям и сфере (44, с.231). Второй вид ориентации находит выражение в послеположных словах, отмеченных во всех алтайских языках. Если центром ориентации был человек (позднее, чем природные объекты), то некоторые слова ориентации обозначали части тела человека или животных, ср. др.-тюрк. *orun* "место", письм. монг. *oroj* "макушка", эвенк. *хорон* "вершина, верхушка", соп. *оро* "перевал" и т.д. (44, с. 234).

Типология обозначения направления движения в разных языках рассматривалась А.И.Смирницким в отношении: 1) предмета или места, относительно которого совершается и отмечается движение, 2) специфического пространственного отношения между этим последним предметом или местом и самимдвигающимся предметом (48, с. 11). Каждый язык в целом характеризуется специфической системой обозначения направления движения (хотя есть и одинаковые, и подобные приемы, но их распределение по языкам различно). "Понятно, что все эти различные способы обозначения направления не противоречат друг другу, и в принципе, а иногда и фактически, все они могут сочетаться (ср. выйти вон из комнаты), но очень часто предпочитается тем или другим языком и в тех или других условиях либо какой-нибудь один из них (ср. бросить в угол, ехать в город; франц. *aller à Paris*; нем. *nach Berlin fahren*; англ. *go to London* и пр.), либо определенное сочетание двух из них (ср. выйти из комнаты, влезть на стул, перелезть через забор; англ. *get up on a chair, fall down on the floor*) (48, с. 12). Дальнейший обзор проблемы выражения категории пространства в языке удобно проводить по лексико-грамматическим разрядам слов: субстантивные (имя существительное), предикативные (т.е. глагол) и дейктические слова (местоиме-

ния, наречия места, предлоги и т.п.). О дейктических словах см., например, коллективную монографию "Языковая номинация. Виды наименований" (56, с. 47-51) и работу А.А.Уфимцевой (52).

Прежде всего философскую категорию пространства в языке представляет грамматическая предметность. Область предметных значений существительных широка и разнообразна. Она охватывает предметы в широком смысле слова, в том числе и признаки, действия, состояния, мыслимые как предмет. Слова с предметным значением указывают на отграничение предметов в пространстве, а также указывают на место и время (30, с. 127). По Э.Сепиру, пространственное отношение номинализуется, т.е. выражение с предлогом ориентации может быть заменено именем существительным. Например, вместо предложения "Он подошел к дому" можно сказать "Он достиг дома" (с глагольно-пространственным значением) или "Он достиг месторасположения дома", — способ выражения, естественный для некоторых языков (45, с. 92). В ряде языков, например в дагестанских, в банту, отмечаются именные классы существительных, указывающие на предметы и соотношение предметов в пространстве.

В так называемых *nomina loci* значение места, локальности является основным. Ср., например, наименования мест с суффиксом *-ише* в русском языке, исследованные М.Н.Горбачевой. В семантическом отношении эти наименования (ср. *ези́ше*, *буеви́ше*, *вмести́ише*, *па́стби́ше* и др.) подразделяются на группы со значением: настоящего или бывшего местонахождения (иногда эти значения совмещаются) предмета, указанного производным существительным; места совершения действия или проявления процесса, указанного производным существительным или глаголом; меры пути или расстояния и др. (20, с. 7).

Специальную функцию обозначать место, местность несут топонимы — географические названия языка. Причем в отличие от нарицательных имен, основными функциями собственного имени являются функции идентификации и индивидуализации объекта. Примером передачи в топонимах определенного пространственного положения называемого объекта по

отношению к другим объектам могут служить приводимые А.Ш.Скворцовой (46) географические имена типа Приказанье, Заволжье и другие топонимы русского и татарского языков.

В первую очередь с именем существительным связана грамматическая категория падежа. Эта категория в целом в значительной мере отражает пространственные представления, о чем говорят уже сами названия дифференциальных признаков объемности, периферийности и направленности, с помощью которых Р.Якобсон представил систему падежа русского имени существительного как систему привативных оппозиций (59). "Значение падежа выражает отношение данной падежной формы имени к другим формам, но за этими отношениями грамматических форм в словосочетании и предложении стоят отношения предметов в объективном мире" (22, с.43). Эти отношения по-разному представлены в падежных системах различных языков. Например, в арчинском языке пять серий покативов (выделяются по конкретным пространственным ориентирам со значением "внутри", "между", "под", "над", "рядом с...") и шесть падежей пространственной показизации, в которых по-разному, в зависимости от конкретных лексико-семантических групп существительных, представлены указанные семы (27, с. 157-167).

Местное значение могут выражать не только собственно покативы, но и другие падежи, ср. известный пример с лат. *Romae* "в Риме", форма родительного падежа; также в латинском языке, помимо аблатива, различные обстоятельственные функции имеет аккузатив – с предлогами или без предлогов (22, с. 110).

По Дж.Лайонзу, термин "показальные функции категории падежа" следует понимать в том смысле, что они охватывают пространственные и временные ограничения, выражаемые в языке. "Именно в области функционирования категории падежа мы находим один из самых серьезных аргументов для обоснования необходимости связать синтаксис с теми пространственно-временными ориентационными рамками, в которых действует языковой механизм" (32, с. 316-317).

Примеры выражения временных и пространственных отношений с помощью категории падежа можно извлечь из материа-

па многих языков мира. Т.Г.Перфильева (40) отмечает, что в ненешном языке все падежи, кроме основного, могут выражать пространственные отношения. При этом наблюдаются два основных ряда значений: 1) места, 2) пространственного направления. Например, местно-творительный падеж, в отличие от других падежей, передающих динамику движения, отражает статику и употребляется в сочетании со статическими глаголами и глаголами действия. При этом он указывает на безграничное пространство ("на небесном своде сияет"), пространство, имеющее условные границы ("мы живем в лесу"), предмет, имеющий объем ("они живут в чуме"), предмет, рядом с которым или на горизонтальной поверхности которого совершается действие ("на листьях копошатся"). Значение пространственного направления выражается дательно-направительным, отложительным, продольным падежами.

Э.Г.Беккер исследует выражение пространственных и временных отношений в сепькупском языке и указывает падежи пространственной ориентации: дательно-направительный, местно-временной, местно-личный, исходный, продольный, предельный. Кроме того, указанные отношения выражаются послепожными конструкциями, наречиями. Для падежей отмечается связь падежных значений, их функциональной направленности с семантикой глагола. Тем не менее идея распространения действия от чего-либо, кого-либо, к кому-либо, вдоль чего-либо и т.п. заложена не только в семантике глагола, но и в самой природе падежного аффикса; часто аффиксы направительных падежей наряду с послепожными конкретной семантики и наречиями сами по себе служат грамматическим выражением пространственных отношений (8, с. 51). В сепькупском языке есть явления, реализующие в определенных масштабах пространственно-временные отношения: одни отражают генетическую общность понятий пространства и времени, другие — бытовую морфологическую недифференцированность пространственных восприятий. Генетическая общность понятий пространства и времени находит свое выражение в ряде наречий и послепожов, в структуре падежных форм (все падежи пространственно-временной ориентации, независимо от того, пространственные или временные отношения выражаются, оформляются одними падежными показателями) (9, с. 131)

В кетском и югском языках, по данным Э.И.Белимова (10), существуют два покативных падежа: местно-временной и местно-личной. Форму местно-временного падежа образуют нейтральные в грамматическом отношении морфемы кет. -га, -жа, югск. -гей, -кей. Они не указывают грамматического рода имени, не уточняют его отнесенности к классу живых или неживых предметов. Автор предполагает, что по этой причине аффикс местно-временного падежа присоединяется только к названиям неживых предметов: югск. бу хушкой хок кет дисеста "он в чуме один сидит". Более употребительны формы местно-личного падежа. Названия неодушевленных предметов с аффиксами этого падежа обозначают место действия (на чем-то, внутри чего-то, рядом с чем-то), а названия людей указывают место их обитания или субъект обладания: кет. бунг кыуол'сес' лингта:н' ди:нбес' "они к реке Тунгуске подошли".

Богатый материал о падежах пространственной ориентации и других средствах выражения категории пространства содержится в ряде статей сборника "Склонение в падежах тюркских и самодийских языках" (47). В частности, Г.А.Меновщиков анализирует пространственно-временные отношения в эскимосских и алеутских языках в эпоху гипотетической эскимосско-алеутской языковой общности. Они выражались посредством особых серий слов пространственной ориентации. После отделения алеутского массива от эскимосского развитие грамматических способов для обозначения пространственно-временных и других отношений и связей в этих языках пошло разными путями: эскимосский язык развил стройную падежную систему, сохранив в то же время и значительную серию послепологов, тогда как алеутский язык для выражения тех же отношений использовал большое число слов-послепологов, образовавшихся, как и в эскимосском, из имен пространственно-временной ориентации (35, с. 32).

В корякском языке пространственные отношения передаются падежными формами, когда предмет является лишь ориентиром направления движения, мыслится как нечто целое в соотношении двух предметов. Естественная ориентация само-

го предмета в пространстве, дифференциация "верха" и "низа", некоего внутреннего пространства (для предметов, имеющих объем), края и стороны выражаются в корякском языке с обязательным наличием особых падежных форм): 1) специальными суффиксами, размещающимися непосредственно перед падежными окончаниями; 2) послелогами (словами послеложного значения) (23, с. 159). Таким образом, каждый из трех способов выражения пространственных отношений (падежные формы, суффиксы пространственной ориентации, послелоги) передает определенный круг значений, четко разграниченных и в то же время системно связанных. Падежные формы, являясь обязательным элементом оформления существительного, сочетаются с двумя дополнительными способами выражения пространственных отношений (23, с. 162). Аналогичная специализация языковых средств отмечена в энецком языке (49, с. 174).

Типология падежных парадигм приводит А.П.Володина к выводу о том, что нюансировка отношений, передаваемых падежными формами, может быть чрезвычайно детальной, но предела этой детализации, вероятно, не достигает ни один язык. В дагестанских языках, например, внешнее выражение в падежных формах получают такие моменты, как нахождение в полом/сплошном пространстве ориентира (на это различие накладываются еще такие, как нахождение в определенной точке пространства, движение от нее или движение к ней, при обязательном/необязательном ее достижении). В финском языке нахождение в полом/сплошном пространстве игнорируется и внешнего выражения не получает; специальными формами различается нахождение внутри некоторого пространства и на поверхности его, движение внутрь некоторого пространства и только до его границы, движение изнутри и от границы пространства. В чукотско-камчатских языках игнорируется различие: внешняя граница / точка внутри пространства, покативные значения находят обобщенное выражение в трех формах: статического покати́ва (нахождение в некоторой точке; внутри и/или на внешней поверхности — безразлично, в случае необходимости вводятся лексические уточнители) и двух динамических: направительного (движение к некоторой точке —

внутри или только до внешней границы) и исходного (движение от некоторой точки – изнутри или только от внешней границы)* (16 с. 279).

Отдельные вопросы истории покативов и выражения различных пространственных значений в папеоазиатских и самодийских языках рассмотрены в других статьях указанного сборника (47): в работах П.Я.Скорика, А.П.Володина, Г.А.Меньшикова, Н.М.Емеляновой, И.П.Сорокиной и др.

Предикативные категории также имеют пространственно-временные параметры (этим отличаются, например, категория вида, предельности).

Понятия дискретности/недискретности пространства в связи с движением находят свое выражение в семантической системе языка. Как указывает О.Г.Овчинникова (36), в лингвистике сложилось представление, что предметное значение, выражаемое именами существительными, связано прежде всего с пространственными характеристиками объективной реальности, тогда как отражение отношений между ними, прежде всего репрезентируемое глаголами, связано с временными отношениями. Для аспектологии важны понятия предельности/непредельности, дискретности/недискретности, ограниченности/неограниченности. По мнению автора, недостаточно определять предел только как временную границу действия (36, с. 51). Дискретный акт действия, например, англ. *take* "брать", предполагает лицо-агенса, находящееся в определенной точке пространства, предмет-объект, который этим лицом передвигается в иной точке пространства. При этом агент перемещает объект к себе или в каком-либо ином направлении, к какой-то третьей точке пространства. Само действие взятия, захватывания предполагает, таким образом, идею не только временных, но и пространственных границ (в отличие от *sleep* "спать", которое выражает состояние, процесс).

Признак дискретности/недискретности в семантике английского глагола несет идею границ, выделяемости, отдельности, существенную для процесса познания. Эта идея важна не только для наименования действия, но и для наименования предмета (36 с. 53). В языке признак дискретности/недискретности отражается в классе имен существительных и субстан-

тивных местоимений, ср. также грамматическую категорию ограниченности/неограниченности предмета для имени существительного – нулевой и материальный артикли. Объединяющий фондовый признак для всех указанных категорий – возможность или невозможность очертить границы называемого существительным предмета.

Локативные глаголы состояния хорошо описаны У.Чейфом (53, с. 183–188). В особенности для глаголов интересен словообразовательный аспект. Здесь можно сослаться на работы Э.Сепира, Е.С.Кубряковой и др. Так, Е.С.Кубрякова указывает, что "на долю префиксации приходится чаще всего выражение пространственных и временных значений. В отличие от суффикса, выступающего как классификатор или классный показатель, префикс модифицирует готовое слово и только уточняет значение исходной основы" (31, с. 83). Префиксальные морфемы пространственного значения в основном употребляются при глаголах с семантикой движения (бежать – перемещаться в пространстве). В ряде языков существуют сложные системы приглагольных показателей ориентации движения. Так, в хиналугском языке направление движения определяется не абсолютно, а по отношению к некоторому предмету, являющемуся ориентиром движения. Показатели ориентации можно разложить на элементарные пространственные и направительные значения. Пространственные значения характеризуют расположение субъекта движения относительно ориентира движения по вертикали: 1) субъект ниже ориентира, 2) субъект выше ориентира, 3) субъект на одном уровне с ориентиром, 4) расположение субъекта по вертикали относительно ориентира неопределенно. Направительные значения указывают на: 1) приближение субъекта к ориентиром или 2) удаление субъекта от ориентира. Направительные значения сочетаются почти со всеми пространственными (28, с. 226).

Суффиксы других частей речи включают в себя также аффиксы с пространственным значением.

По поводу собственно дейктических слов, в первую очередь местоимений, можно сослаться на исчерпывающую работу К.Е.Майтинской (34). Здесь существенно отметить, что дейк-

тические системы характерны для конкретного мышления (первоначальное восприятия "я" – "не я") (34, с. 28). Система указательных частиц и местоимений имеет аналогии с языком жестов. Указательные местоимения противопоставляются по субъективной ориентации: по расстоянию и по разноплановости пространственных направлений.

Предлоги и послелоги, наречия места и т.д. подробно описаны в работе Ч.Лайонза (32). Их значение аналогично значению других дейктических элементов.

Э.Тротт отмечает (60, с. 272–274), что в современных индоевропейских языках предлоги и падежи являются отчетливыми маркерами поверхностной структуры. Релятивные предлоги английского языка могут быть симметричными (with, by, over, under, in front of, behind) и несимметричными (at, on, in), если учитывать конфигурацию одного предмета в отношении к другому.

Г.С.Двинянинова и Ю.А.Левицкий (21) в отличие от обычной классификации пространственно-временных предлогов на три группы (предлоги места, направления и времени) делят их на две группы: 1) предлоги с "общим" значением и 2) со "специальным" значением. Первые могут изменять свое значение в зависимости от окружения (место – направление, место – время). Вторые употребляются всегда только в одном значении; в зависимости от того, каково это значение (направление движения или время события), предлоги этой группы можно разделить на две подгруппы:

Предлоги с общим значением	Предлоги со специальным значением	
	пространственные	временные
about after at before between и т.д.	above across along among around	during from – till till until

Авторы отмечают, что различия между системами пространственно-временных предлогов в разных языках касаются лишь числа элементов систем и распределения значения между этими элементами. В целом же эти системы однородны, следовательно, выявленные отношения можно считать универсальными (21, с. 52-53).

А.А.Захарян характеризует пространственные и временные предлоги современного английского языка как языковые единицы объективно-субъективного дейксиса (24, с. 3). Отмечаются три группы компонентов значений, выделяемые на основании их различной роли в определении координации объектов: интегральные, дифференциальные и индивидуализирующие. Интегральные компоненты определяют самую общую ориентацию объектов, осуществляя указание на изменяемость/неизменяемость их пространственной или временной координации (статическая или динамическая локализация объектов). Дифференциальные компоненты конкретизируют локализацию объектов относительно ориентира, определяют взаиморасположение объектов при их статической локализации или при передвижении относительно друг друга. Индивидуализирующие компоненты значения показывают наличие/отсутствие контакта, различную степень близости объекта к ориентиру, количество ориентиров и др. (24, с. 8).

Пространственное поле предлогов делится на семантические области местонахождения и передвижения. Внутри каждой семантической области возможно выделение определенных семантических участков. Например, семантическая область местонахождения распадается на следующие участки, характеризующие положение объекта: совпадающее с локализацией ориентира – *at*, на поверхности ориентира – *on*, внутри – *in* и т.д. В семантической области передвижения участки выделяются в зависимости от определения: а) исходного пункта движения, б) конечного пункта движения, в) траектории движения (24, с. 10).

Исходность пространственных значений по сравнению с временными соотносится также с направлением развития логических категорий, которое является отражением основных закономерностей объективной действительности – генезисом

пространственных и временных понятий. Несмотря на единство формирования представлений о пространстве и времени, первичность пространственных отношений определяется их наглядностью, доступностью непосредственному чувственному восприятию, в отличие от более абстрактных, непосредственно не ощущаемых и не воспринимаемых временных отношений (24, с. 15–16).

Автор определяет дейксис как указание на точку отсчета, относительно которой характеризуется пространственная и временная локализация объектов, действий, событий, процессов и т.д. (24, с. 18).

Исследованию выражения категории пространства в синтаксисе посвящено немало работ. Например, изучение пространственных представлений синтаксической семантикой проводится с позиций "грамматики падежей" Ч.Филлмора с ее ролевыми типами, в числе которых есть показия. Филлмор, в частности, считает, что "семантический анализ обычных предложений, чтобы включать наблюдения и правила об имплицитной силе, должен включать в свою сферу изучение участников самого речевого акта" (58, с. 18). Филлмор считает необходимым для анализа изучение дейксиса в высказывании: *person deixis* (ссылки на говорящего и адресата), *place deixis* (ссылки на *locations*, местоположение говорящего и адресата) и т.д.

И.В.Альтман (3) характеризует семантические особенности лексикона, способной замещать одну из констант модели Филлмора, т.е. показив, обычно определяемый как "предмет, локализованный в пространстве или во времени".

О.Б.Воронкова, исследуя средства выражения категории места в современном немецком языке, рассматривает не лексические значения, воплощенные в назывных словах, а то, как понятие "место" формируется на более высоком уровне абстракции: при порождении адресантом и декодировании адресатом речи синтаксических структур, отражающих пространственные отношения объективной реальности (17, с. 4). Автор анализирует грамматические средства выражения всей совокупности частных значений показивной синтаксической функции с точки зрения их отношений в структуре показивно-

го функционального семантического поля. Делается вывод, что все рассмотренные формы неравномерно распределяются по полям и микрополям локальности (17, с. 19). Центр макрополя локальности образуют предпозные сочетания. Эти формы наиболее высокочастотны. Они способны также наиболее точно означать локальное отношение – называть ориентир и тип пространственной соотнесенности предметов. Предпозные сочетания выступают во всех локальных функциях и являются конституентами всех микрополей. Наречия занимают в макрополе локальности периферийное место. Они низкочастотны и недостаточно информативны – передают лишь в обобщенном виде статическую и динамическую пространственную соотнесенность предметов.

М.В.Бадхен (7) анализирует поле пространственной локализации в современном китайском языке, которое состоит из следующих конституентов: конструкции, в состав которых входят предпозно-субстантивные сочетания и наречия пространственной семантики (He is in the room "Он находится в комнате", the boy downstairs "мальчик, находящийся внизу"), прямообъектные конструкции с глаголами пространственного значения (he entered the room "он вошел в комнату", the box contained some candies "в коробке было несколько конфет"), конструкция с глаголом to have "иметь" (Australia has many large rivers "В Австралии есть много больших рек"), реконструкции со значением социативности (I shall stay with the baby "Я останусь с ребенком"), конструкции со значением тождества и классификации (the lawn was a good place for our barbecue "Лужайка была хорошим местом для нашего пикника"; Ascot was where Daniel's aunt lived "Эскот – это было место, в котором жила тетя Дэниэла"), определительные конструкции с прилагательными и существительными пространственной семантики (Cuban towns "кубинские города", London bus "лондонский автобус") и определительные конструкции с предлогом (the best rooms of the hotel "лучшие номера гостиницы"). Все конституенты поля тем или иным способом отражают смысловую структуру этого понятия и выделяют два основных

элемента пространственных отношений – ориентируемое и ориентир. Макрополе понятия пространственной локализации делится на два поля: поле статических и поле динамических отношений, а поле динамических отношений состоит из микрополя отношений к конечной точке движения и микрополя отношений к пути следования (7, с. 20).

Целью В.Л.Сепяниной (43) было выявить тенденцию употребления пространственных и временных обстоятельств при глаголах определенной семантики. Автор исходит из следующих основных положений: 1) интранзитивные глаголы с пространственными и временными распространителями являются глаголами отношения; в первом случае фиксируется отношение предметов в пространстве или уточняется пространство, на которое каким-то образом ориентировано движение субъекта действия; 2) все исследуемые глаголы предтерминируют появление в предложении обстоятельств определенной семантики; 3) структурный статус обстоятельств места и времени (их обязательность/необязательность) зависит от валентных свойств глаголов, которые позволяют проинвестировать определенную рубрику обстоятельств локальной и темпоральной семантики (43, с. 4).

Л.Н.Иноземцев (26) отмечает структурообразующую роль локального компонента в модели немецкого предложения. Эта функция обнаруживается при тех глаголах, в семантике которых содержится значение пространственной ориентации (*liegen* "лежать", *stehen* "стоять", *sitzen* "сидеть"). Локальный компонент выявляет в них оттенки значения: при нем данные глаголы имеют значение местоположения, без него – значение покоя: *Er saß im Kasino* "Он сидел в казино" – *Alle saßen* "Все сидели". Структурообразующая функция локального компонента зиждется на особенности глагольной семантики, состоящей в пространственной ориентации. При наличии пространственной семы в значении глагола локальный компонент выступает как более или менее необходимый элемент структуры предложения, при отсутствии – как коммуникативный элемент высказывания (26, с. 63).

Я.Г.Биренбаум (12) исследует коннекторы и показные отношения в предложении, отмечая противоречивое положение покати́ва в синтаксической структуре вообще (факультативная позиция; в то же время он может занимать обязательную позицию). Сходную проблему разрабатывает Н.Г.Кирвалладзе (29), отмечая, что покати́вная абсолютная конструкция в структуре предложения английского языка является пока́нным детерминантом одного или более аргументов предикативного ядра предложения.

Подробно анализируются способы выражения пространственных отношений в современном русском языке в монографии М.В.Всеволодовой и Е.Ю.Владимирского (18). Рассматриваются именные группы (лексико-синтаксическая категория места), описывается система покати́вных значений, в том числе употребляются параметры: сопостранственность/несопостранственность, заполненность/незаполненность, статичность/динамичность, а также учитываются трасса и пункт движения, "старт" и "финиш".

Особую проблему представляет собой выражение категории пространства в речевых произведениях. Этому вопросу посвящены многие работы по лингвистике текста, анализ которых не входит в задачу настоящего обзора, тем более, что в большинстве работ не делается четкого разграничения между выражением категории пространства в тексте и пространственными характеристиками самого текста.

Отметим лишь некоторые работы, например монографию И.Р.Гальперина (19), в которой, в частности, рассматривается категория пространства в тексте со следующими характеристиками пространства: протяженность, трехмерность, бесконечность и др. (19, с. 13-15), понятие континуума (19, с. 51, 87 и др.); пространственные параметры сообщения (наречия, предлоги, союзы) как средства когезии (19, с.78); дейксис (19, с. 109).

Особенности отражения пространственно-временных отношений в мифологии, художественной литературе освещаются в ряде работ по семиотике. Например, Ю.М.Лотман и Б.А.Успенский понимают мифологическое пространство не в виде признакового континуума, а как совокупность отдельных объек-

тов, носящих собственные имена. Следовательно, в промежутках между ними пространство как бы прерывается, не имея такого, с нашей точки зрения, основополагающего признака, как непрерывность. Частым следствием этого является "поскутный" характер мифологического пространства (33, с.288). Авторы отмечают, что заполненность мифологического пространства собственными именами придает его внутренним объектам конечный, считаемый характер, а ему самому — признаки ограниченности. В этом смысле мифологическое пространство всегда невелико и замкнуто, хотя в самом мифе речь может идти при этом о масштабах космических.

Пространство как один из важнейших элементов мифопоэтической архаичной модели мира исследуется в большой работе В.Н.Топорова "Пространство и текст" (51).

Рассмотренная литература наглядно свидетельствует о взаимосвязи категорий материалистической диалектики между собой, что находит свое выражение и в языке. Категория пространства органически связана в первую очередь, с категорией времени, а также с категориями движения, отношения, меры, количества, целого и части и т.д.

Таким образом, краткий обзор литературы по выражению в языке философской категории пространства показывает важность изучения этой темы для языкознания и ее глобальный характер. В настоящем обзоре были затронуты лишь некоторые аспекты данной темы и, за недостатком места, привлечена лишь часть опубликованной, преимущественно в последние годы, литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 5-338.
2. Энгельс Ф. Диалектика природы. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 343-676.
3. Альтман И.В. Локализаторы в структуре предложения. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики, 1978. М., 1981, с. 91-98.

4. Ардентов Б.П. К становлению категорий движения, пространства и времени: (По материалам рус. яз.) – В кн.: Некоторые вопросы философии. Кишинев, 1963, № 3, с. 71–80.
5. Аристотель. Категории / Пер. Кубицкого А.В.; АН СССР. Ин-т философии, Моск. ин-т истории, философии и лит. – М.: Соцэкгиз, 1939. – XXXV1, 84 с.
6. Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы / АН СССР. Ин-т философии. – М.: Наука, 1982. – 222 с.
7. Бадхен М.В. Поле пространственной локализованности в современном английском языке: Автореф. дис. ...канд. филоп. наук / АН СССР. Ленингр. отделение Ин-та языкознания. – Л., 1981. – 21 с.
8. Беккер Э.Г. Категория падежа в селькупском языке. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. – 207 с.
9. Беккер Э.Г. О падежах пространственно-временной ориентации в селькупском языке. – Сов. финно-угроведение, Таппин, 1981, № 2, с. 131–136.
10. Белимов Э.И. Способы выражения пространственных и временных характеристик действия в кетском и югском языках. – В кн.: Теоретические вопросы фонетики и грамматики языков народов СССР. Новосибирск, 1979, вып. 1, с. 57–64.
11. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с. – (Языковеды мира).
12. Биренбаум Я.Г. Придаточные предложения места. – В кн.: Вопросы германской филологии. Новосибирск, 1982, с. 11–22.

13. Блумфилд Л. Язык / Пер. с англ. Кубряковой Е.С. и Мурат В.П. – М.: Прогресс, 1968. – 607 с.
14. Василевич Г.М. Некоторые термины ориентации в пространстве в тунгусо-маньчжурских и других алтайских языках – В кн.: Проблема общности алтайских языков. Л., 1971, с. 223–229.
15. Васильева Э.В. Из опыта семантической интерпретации пространственных отношений. – В кн.: Русские говоры Сибири. Томск, 1981, с. 25–29.
16. Володин А.П. Падеж: Форма и значение или значение и форма? – В кн.: Склонение в падеазиатских и самодийских языках. Л., 1974, с. 261–291.
17. Воронкова О.Б. Средства выражения категории места в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН СССР. Ленингр. отделение Ин-та языкознания. – Л., 1981. – 20 с.
18. Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. – М.: Рус. яз., 1982. – 262 с. – Библиогр.: с. 250–254.
19. Гапперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1980. – 139 с. – Библиогр.: с. 136–138.
20. Горбачева М.Н. История развития наименований мест на -ище в русском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук / АН СССР. НИИ преподавания рус. яз. в нац. шк., – М., 1982. – 18 с.
21. Двинянинова Г.С., Левицкий Ю.А. Система пространственно-временных предлогов / Перм. гос. ун-т им. А.М.Горького. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1980. – 73 с. – Библиогр.: с. 70–72.

22. Дегтярев В.И. Основы общей грамматики / Рост. гос. ун-т – Ростов н/Д, 1973. – 255 с. – Библиогр.: с. 253–254.
23. Жукова А.Н. Выражение пространственных отношений в системе склонения существительных корякского языка. – В кн.: Склонение в папеоазиатских и самодийских языках. Л., 1974, с. 158–162.
24. Закарян А.А. Семантика пространственных и временных предлогов в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М.Тореза. – М., 1982. – 25 с.
25. Иванова Л.И. Особенности употребления прилагательных пространственного значения во фразеосочетаниях. – В кн.: Образование и функционирование фразеологических единиц. Ростов н/Д., 1981, с. 101–106.
26. Иноземцев Л.Н. Немецкое предложение с семантикой покапизованного бытия. – В кн.: Лингвистические исследования, 1981. М., 1981, с. 61–73.
27. Кибрик А.Е. Опыт структурного описания арчинского языка. – М., 1977. – (Публикации Отд-ния структур. и прикл. лингвистики. Сер. монографий/МГУ им. М.В.Ломоносова) (Материалы полевых испед.; Вып. 12). – Т. 2. Таксономическая грамматика. 346 с.
28. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оповяникова И.П. Фрагменты грамматики хиналугского языка. – М., 1972. – 379 с. – (Публ. Отд-ние структур. и прикл. лингвистики. Сер. монографий / МГУ им. М.В.Ломоносова. Филол. фак.) (Материалы полевых испед.; Вып. 9).
29. Кирвапидзе Н.Г. Локативные абсолютные конструкции в структуре предложения английского языка. – Сб. науч.

тр. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М.Тореза,
1980, № 161, с. 99-117.

30. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производ. слова / АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
31. Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении / АН СССР. Науч. совет по теории сов. языкознания. – М.: Наука, 1978. – 115 с.
32. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику: Пер. с англ. яз. / Под. ред. и с предисл. Звегинцева В.А. – М.: Просвещение, 1978. – 543 с. – Библиогр.: с. 520-539.
33. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф – имя – культура. – Учен. зап. Тарт. ун-та, 1973, вып. 308, Тр. по знаковым системам, № 6, с. 282-303.
34. Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. – М.: Наука, 1969. – 308 с. – Библиогр.: с. 289-295.
35. Меновщиков Г.А. Падежи и склонения в эскимосско-алеутских языках. – В кн.: Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л., 1974, с. 25-32.
36. Овчинникова О.Г. Языковое значение дискретности-недискретности в семантической системе современного английского языка. – Науч. тр. / Ташк. ун-т, 1981, вып. 653, с. 49-55.
37. Островская С.П. Средства выражения протяженности в современном немецком языке. – В кн.: Сравнительная типология родного и германских языков. Калинин, 1982, с. 91-99.

38. Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1977. – 287 с.
39. Пауль Г. Принципы истории языка / Пер. с нем. Хопдовича А.А. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – 500 с.
40. Перфицьева Т.Г. Выражение временных и пространственных отношений средствами ненецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН СССР. Сиб. отд-ние, Объед. учен. совет по ист.-филол. и филос. наукам. – Новосибирск, 1974. – 24 с.
41. Пизани В. Этимология: История – проблемы – метод / Пер. с итал. Розенталя Д.Э. – М.: Изд-во иностр. лит., 1956. – 188 с.
42. Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. – М.: Высш. шк., 1979. – 224 с. – Библиогр.: с. 220–223.
43. Селянина В.Л. Семантико-структурная характеристика глаголов с показной и темпоральной валентностью: (На материале соврем. нем. яз.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. пед. ин-т им. В.И.Ленина. – М., 1982. – 16 с.
44. Сем Л.И. К вопросу о пространственных представлениях и способах их выражения в алтайских языках. – В кн.: Проблема общности алтайских языков. Л., 1971, с. 230–235.
45. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи/ Пер. с англ. Сухотина А.М. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. – XX, 223 с.
46. Скворцова А.Ш. О происхождении некоторых татарских и русских географических названий, имеющих пространственное значение. – Учен. зап. Казан. пед. ин-та, 1980, вып. 201, с. 132–140.

47. Склонение в палеоазиатских и самодийских языках / Отв. ред. Скорик П.Я.; АН СССР. Ин-т языкознания. - Л.: Наука, 1974. - 298 с.
48. Смирницкий А.И. Об особенностях обозначения направления движения в отдельных языках. - Иностр. яз. в шк., М., 1953, № 2, с. 3-12.
49. Сорокина И.П. Функции послепозных конструкций в выражении пространственных отношений: (На материале энец. яз.). - В кн.: Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л., 1974, с. 174-178.
50. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. - 2-е изд. перераб. - М.: Просвещение, 1975. - 271 с. - Библиогр. в конце разд.
51. Топоров В.Н. Пространство и текст. - В кн.: Текст: семантика и структура. М., 1983, с. 227-284.
52. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков / АН СССР. Ин-т языкознания. - М.: Наука, 1974. - 206 с. - Рез. на англ. яз.
53. Чейф У.Л. Значение и структура языка / Пер. с англ. Шура Г.С. - М.: Прогресс, 1975. - 432 с. - (Языковеды мира). - Библиогр.: с. 404-406.
54. Штейнман Р.Я. Пространство и время - В кн.: БСЭ. 3 изд., 1975, т. 21, с. 117-120.
55. Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию / Пер. с нем. Бобовича А.С. - М.: Изд-во иностр. лит., 1950. - 292 с.
56. Языковая номинация: (Виды наименований) / Отв. ред. Серебренников Б.А. и Уфимцева А.А.; АН СССР. Ин-т языкознания. - М.: Наука, 1977. - 358 с.

57. Языковая номинания: (Общие вопр.) / Отв. ред. Серебренников Б.А. и Уфимцева А.А.; АН СССР. Ин-т языкознания. - М.: Наука, 1977. - 359 с.
58. Fillmore Ch.J. Subjects, speakers and roles.- In.: Semantics of natural language. Dordrecht, 1972, p.1-24.
59. Jakobson R. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. - In: Jakobson R. Selected writings.. The Hague etc., 1971, vol.2, p.23-71.
60. Traugott E.C. Explorations in linguistic elaboration: Lang. change, lang. acquisition a. the genesis of spatio-temporal terms. - In: Historical linguistics: Proc. of the 1st Intern. conf. on hist. ling., Edinburgh 2-7. Sept. 1973. Amsterdam etc., 1974, vol.1, p.263-314.

ГЕРАСИМОВ В.И.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОТРАЖЕНИЯ
КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ЯЗЫКЕ

Языкознание последних лет уделяет большое внимание способам выражения временных отношений средствами языка. Изучению данной проблемы посвящено немалое количество публикаций и диссертационных работ. Это одно из наглядных свидетельств того, что лингвистика находится на передовых рубежах развития современной науки, для которой характерен глубокий интерес к проблеме времени (5, с. 3).

В последние годы этот интерес все более обостряется (13, с. 3). Показательным в этой связи является учреждение в 1966 г. Международного общества по изучению времени, деятельность которого имеет междисциплинарный характер. Время, понимаемое как одна из форм движения материи (1, с. 550), с неизбежностью становится одной из ключевых проблем в общей совокупности научных исследований. "Наука, проникая в глубины процессов развития, выясняет, что время — один из существеннейших элементов современной картины мира" (5, с. 4).

Достаточно распространено представление о том, что "понятие времени наряду с категориями пространства и движения определяет "концептуальную рамку" современного естест-

вознания и общественных наук" (13, с. 4)¹⁾. Естественно, что в истолковании категории времени особую роль играет философия, что обусловлено тем, что время имеет всеобщий характер. Проблема времени постоянно привлекала и продолжала привлекать внимание философов²⁾. Она разделила судьбу других проблем, которые первоначально находились в безраздельном владении философского рассуждения и с возникновением частных наук как особых отраслей знания стали предметом внимания и естествоиспытателей. Но при этом проблема времени остается одной из кардинальных проблем философии, она ставится перед умом философа не традицией, а насущной потребностью мировоззренческого осмысления существенных черт развивающегося мира (5, с. 5)³⁾.

Представления человека о времени вырабатывались в процессе длительной эволюции, они менялись в связи с познанием все более глубоких закономерностей развития объективной действительности. Однако "изменчивость человеческих

1) Встречаются и преувеличенные, на наш взгляд, оценки той роли, которую играет категория времени в отдельных научных дисциплинах, ср. точку зрения, в соответствии с которой из всех физических измерений наиболее фундаментальным является измерение времени (см. 18, с. 7). — Прим. авт.

2) Исторический обзор и критическую оценку различных интерпретаций проблемы времени, предлагавшихся в философии, можно найти в работах Я.Ф.Аскина (5), М.Д.Ахундова (6), Ю.В.Молчанова (13), Х.Рейхенбаха (16), Дж.Уитроу (19), У.Ньютона-Смита (26), Ч.Шервера (27) и др. — Прим. авт.

3) Достаточно обоснованным в связи с этим представляется убеждение в том, что "до тех пор, пока не понята природа времени, философ не может утверждать, что он в состоянии дать оценку физической реальности или человеческому знанию о ней" (16, с. 41). — Прим. авт.

представлений о пространстве и времени так же мало опровергает объективную реальность того и другого, как изменчивость научных знаний о строении и формах движения материи не спровергает объективной реальности внешнего мира" (2, с. 181-182). Обыденные представления человека о времени, а также развивающееся научное понятие времени отражают с различной степенью точности одно и то же объективно реальное время. Это положение доказывается тем фактом, что данные представления обеспечивают биологически целесообразную ориентировку человека в окружающей среде, непременным условием для которой является отражение объективной реальности вне человека в его ощущениях времени и пространства (см. 2, с. 185). Следует подчеркнуть, что адаптация не только человека, но и любых других живых организмов к пространственно-временному континууму, является универсальной закономерностью в эволюции данных организмов, обеспечившей саму возможность их существования. Как отмечает П.К.Анохин, "только благодаря приспособлению к пространственно-временным взаимодействиям жизнь могла сохраниться на нашей планете" (3, с. 20), "уже первые формы живого вещества и примитивные живые существа были "вписаны" в основные законы пространственно-временных соотношений, и эти последние стали абсолютными факторами приспособления живой материи к внешнему миру, определившими ее выживание" (там же, с. 159). П.К.Анохин делает весьма характерный вывод: "Основой развития жизни и ее отношения к внешнему неорганическому миру явились повторяющиеся его воздействия на организм. Именно эти воздействия, как результат изначальных свойств пространственно-временной структуры неорганического мира, обусловили собой всю анатомическую организацию и приспособительные функции первичных живых существ. В этом отношении организация живых существ представляет собой в подлинном смысле слова отражение пространственно-временных параметров их конкретной среды обитания" (3, с. 165).

Результаты освоения человеком временной структуры действительности неизбежно отражаются в системе языка, что получает выражение в формировании достаточно сложной сис-

темы временных значений, свойственной любому языку и являющейся "отражением общей модели временных отношений, передающих восприятие существования и действия во времени, которое сложилось у человека в процессе его развития и познания им окружающей действительности" (9, с. 67, ср. также аналогичные высказывания У.Спягга – 28 и Дж.Клиффорда – 21). Именно поэтому сопоставление временных значений и средств их выражения в языках различных типов показывает, что распределение этих значений по средствам выражения существенно различается (даже в близкородственных языках), но состав значений в целом совпадает. Весьма показательно также то, что выражение временных отношений в естественном языке является обязательным для любого предложения, в этом смысле темпоральная спецификация отличается от пространственной, целевой и пр., которые выражаются факультативно.

Необходимость обращения к свойствам объективного времени при изучении функционирования временных форм в языке представляется очевидной и не требующей особых доказательств, она давно осознавалась исследователями.

Весьма существенным является различие количественных (метрических) и качественных (топологических) свойств времени. Количественная сторона временной последовательности может быть выражена специфически временным отношением позже/раньше или больше/меньше; качественная сторона, при которой учитывается различие моментов с точки зрения их отношения к процессу становления, выражается в видах времени – прошлом, настоящем и будущем. Количественные свойства используются при измерении времени, к результатам которого относится определение временных отрезков равной длины, определение одновременности двух событий и пр. Более фундаментальными свойствами времени признаются (ср. 16, с. 34–35) топологические свойства времени, так как они не зависят от способов измерения времени и при изменении этих способов остаются неизменными. К данным свойствам, в частности, относятся: 1) одномерность – при наличии точки отсчета любой момент времени может быть задан с помощью одного числа; 2) непрерывность – время состоит из

несчетного множества мгновений; 3) связность – время не может быть разбито на две топологически не связанные части, иначе говоря, время недепимо, один момент времени бесконечно близок к другому; 4) упорядоченность – моменты времени расположены друг относительно друга в определенном линейном порядке; 5) однонаправленность – от прошлого к будущему. Объективно существующее время необратимо.

Как метрические, так и топологические свойства времени находят свое отражение в специфических формах любого естественного языка и в некоторых особенностях языковой коммуникации. Одномерность, например, отражается в функциональной избыточности употребления временных обозначений, относящихся к двум или более "календарным" системам временного исчисления; непрерывность – в наличии средств, позволяющих обозначать время действия или события с необходимой точностью; связность отражается в особых свойствах настоящего актуального времени, как "точки" обращения будущего в прошедшее; упорядоченность – в употреблении форм "относительного" времени, обозначающих время одного события относительно другого; однонаправленность получает яркое выражение в асимметричности становления и функционирования форм прошедшего и будущего времени (ср. 4; 11). Это доказывается не только тем, что будущее оформляется позже прошедшего, но и фактами синхронного состояния языка¹⁾. Так, например, для измерения расстояния во времени до события в будущем может быть избрана точка отсчета в прошлом, но не наоборот.

Петр женится через десять лет после свадьбы Ивана.

*Петр женился за десять лет до будущей свадьбы Ивана.

Ср. также неупотребительность будущего времени с такими формами, как случайно, нечаянно, ненароком и т.п. *Я вернусь случайно в три часа. Подобное ограничение не распространяется на формы прошедшего времени. Широко известны также факты представления в различных языках будущего

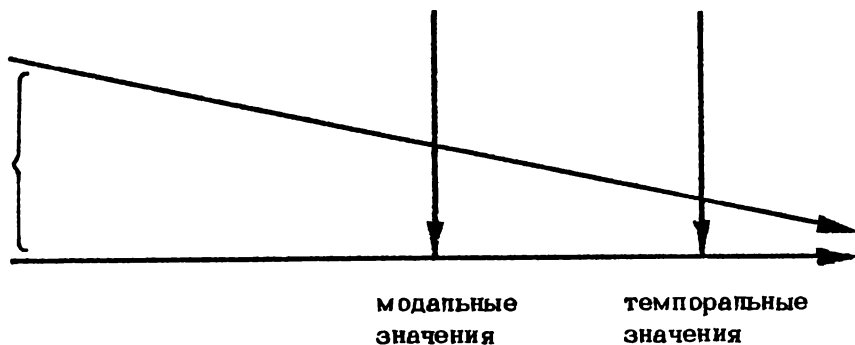
¹⁾ Значительное число подобных фактов приводится в работе А.Богуславского (20, с. 39–41). – Прим. авт.

времени с помощью ряда слов, выражающих желания или намерение, что совершенно не типично для форм, выражающих прошедшее время.

Особенности выражения временных отношений средствами языка непосредственно связаны с некоторыми из основных закономерностей языкового функционирования. Одним из фундаментальных свойств языковой коммуникации является ее оптимальная информативность. Иными словами, "языки точны там, где нужна точность, и неопределенны там, где в ней нет необходимости" (7, с. 302). Таким образом, можно считать, что использование тех или иных языковых форм для обозначения временных отношений зависит: 1) от способов и степени расчлененности данного фрагмента семантико-прагматической системы средствами языка; 2) от коммуникативного задания, поставленного перед данным сообщением; 3) от условий, в которых данное сообщение осуществляется.

Сказанное может быть легко проиллюстрировано. Так, например, степень расчлененности временных отношений находит выражение в используемых в данном языке "календарных системах" и хронометрических выражениях. Способы расчленения тех же отношений, обусловленные социальной практикой, имеют широкий диапазон — от событийной конкретности (ср. после пожара, до петухов) до чистой конвенциональности (в 3 час. 15 мин. 18 июня 1983 г.). Характерно, что стратегии нерасчлененного представления тех или иных отношений во многих языках совпадают. Пожалуй, одним из наиболее очевидных примеров этого является нерасчлененность в обозначении будущего времени и различных модальностей (предположения, допущения, допущенствования и т.п.). С.Флейшман отмечает в связи с этим, что грамматические формы будущего времени всегда имеют как темпоральный, так и модальный характер, во многих языках референция к различным положениям дел в будущем грамматикализована категорией наклонения, а не грамматического времени (22, с. 24). Неустойчивым равновесием между темпоральностью и модальностью определяется, по мнению этого автора, нестабильность грамматических форм будущего времени. Р.Мартен, рассматривая соотношение модальных и темпоральных значе-

ний форм будущего времени, указывает на наблюдаемую в этой области когнитивную динамику, которая выражается в движении от возможного к действительному (25, с. 84):

m – множество возможных миров (*le monde ce qui est*).

m_0 – действительный мир (*le monde ce, qui est*).

Обсуждая способы расчленения временных (и смежных с ними) отношений, важно подчеркнуть, что бесконечное многообразие соответствующих объективных отношений отражается в языке с помощью ограниченного набора конструкций. Данная ограниченность языковых средств есть результат эволюции способности нашего сознания к значимому сегментированию действительности и представлению ее как совокупности элементов и процессов, находящихся в непрестанном и неслучайном взаимодействии.

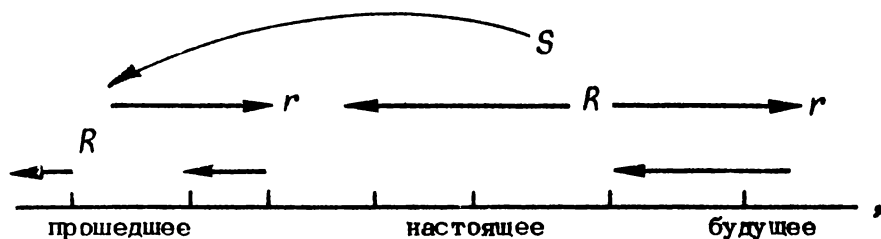
Коммуникативное задание и условие его осуществления оказывают большое влияние на способы обозначения временных отношений. В этой связи можно указать на два способа представления событий на оси времени: 1) "объективный" – соотнесение события с избранной и общепринятой системой координат и мер (ср. такие формы, как 300 лет назад, через полчаса); 2) "субъективный" – темпоральная характеристика события, действия и т.п. в соответствии с субъективной (интроспективной) системой отсчета с помощью допустимых (конвенционально закрепленных) градаций или оценок (ср. такие формы, как давным-давно, скоро и т.п.).

Некоторые исследователи (ср. 12) склонны считать, что грамматические формы времени являются непосредственным отражением объективного времени и не имеют никакой субъективной окраски¹⁾. В этом подходе ощущается недооценка коммуникативной функции языка. Язык призван отражать объективную действительность, однако многообразие этой действительности не допускает полного и адекватного познания ее одним индивидом, в связи с чем язык играет роль инструмента, обеспечивающего необходимый субъектам обмен результатами их познавательной деятельности. Поэтому для коммуникации столь важной оказывается "точка зрения" ее участников. Одним из проявлений органически присущей языку "субъективности" является особый статус так называемого "момента речи". Акт речевой деятельности (шире — языковой коммуникации) является событием и, следовательно, имеет временные координаты, в то же время этот акт определяет точку отсчета, наиболее релевантную для участников коммуникации. "Этот факт выражается в грамматике при помощи правила, что каждое предложение должно содержать глагол, т.е. указательно рефлексивный знак, указывающий время события, о котором идет речь, ибо время глагола имеет указательно рефлексивное значение" (14, с. 358—359).

По справедливому замечанию Э.Бенвениста, нет ни другого критерия, ни другого способа выражения, чтобы обозначить "время, в котором мы находимся", как только принять за это время "время, когда мы говорим". Это момент вечно-го "настоящего", хотя и никогда не относящийся к одним и тем же событиям "объективной" хронологии, так как он определяется для каждого говорящего каждым соответствующим единовременным актом речи. Лингвистическое время является аутореферентным (*sui-référentiel*). В конечном результате анализ человеческой категории времени со всем ее языковым аппаратом открывает субъективность, внутренне

1) На распространенность такого рода представлений указывают, в частности, Д.Менгено (24, с. 41) и С.Флейшман (22, с. 8). — Прим. авт.

приущую самому процессу "пользования языком" (7, с.296-297). Не случайно "момент речи" обычно признается основной точкой отсчета, по отношению к которой определяется время осуществления действия. Соотношение момента речи с другими возможными точками отсчета может быть представлено с помощью следующей схемы¹⁾.

где S - момент речи; R - основная, r - вспомогательная точки отсчета.

Помимо глагольных, существуют и другие языковые формы, обслуживающие непосредственно момент речи: наречия времени - сейчас, вчера, сегодня, завтра и т.п.; "квазидаты" (Дж.Клиффорд) - три дня назад, в прошлый четверг, через час и т.д.²⁾ Интересно, что в историческом развитии многих языков обнаруживается, что "момент речи" и его непосредственное окружение представляет собой позицию, в которой интенсивно происходят процессы онаречивания.

На наш взгляд, "момент речи" есть минимальное расстояние на оси времени, существующее между результатами дей-

1) Данная схема представляет собой несколько упрощенный вариант схемы, предложенной К.Ветом для описания грамматических времен романских и германских языков (30, с. 112). - Прим. авт.

2) Роль такого рода форм, как замечает Э.Бенвенист, весьма существенна, она "соразмерна с природой задачи, которую они призваны разрешать и которая есть не что иное, как коммуникация на межсубъектном уровне" (7, с. 288). - Прим. авт.

ствий (событий и т.п.) в прошлом и ожидаемыми результатами в будущем, которые релевантны для данного акта коммуникации. Подтверждением этому может служить, например, употребление перфекта в английском языке, ср. John has arrived "Джон приехал". Предложения этого типа могут быть успешно использованы лишь в том случае, если последствия представленного в них события имеют значимость и в момент речи (см. 30, с. 144). Границы — верхняя и нижняя "момента речи", видимо, не могут быть определены с большой точностью, так как они зависят от изменяющихся условий коммуникации. Этим, вероятно, объясняется и способность настоящего времени использоваться в качестве наиболее емкого временного показателя событий, процессов или существования фактов, релевантных для принятия каких-либо решений участниками коммуникации.

Совокупность средств, используемых в естественном языке для выражения временных отношений, отличается большим многообразием. Так, например, в русском языке время выражается не только системой временных форм глагола, но и наречиями, именными и деепричастными конструкциями, устойчивыми фразеологическими сочетаниями (такими, как ни свет, ни заря, год от года и т.п.) и придаточными предложениями.

А.Г.Щепин (19, с. 27-28)¹⁾ среди лексических средств выражения временных отношений в современном русском языке выделяет следующие разряды слов и словосочетаний: 1) слова и словосочетания, выражающие те или иные временные понятия, обозначающие отрезки времени различной длины или определяющие их качественное содержание; характеризующие протекание действия во времени; 2) слова и словосочетания дейктического типа. В первый разряд включаются имена существительные: а) с общим временным значением: время, пора, период, эпоха, эра, момент, срок; б) обозначающие временные отрезки различной длительности: век, десятилетие,

¹⁾ Ср. также классификацию М.В.Всеволодовой (9, с. 27-34). — Прим. авт.

год, месяц, неделя и т.п.; в) характеризующие время в отношении какого-либо природного цикла или календарной системы: весна, лето; утро, полдень; август, пятница; г) выражающие отношение к моменту речи или к какому-нибудь событию: прошлое, настоящее, будущее, грядущее, канун, предыстория; д) указывающие на фазу протекания действия: начало, конец, продолжение. В этот же разряд включены, в частности, наречия, наречные сочетания и предположно-именные сочетания: а) указывающие на время по отношению к моменту речи или какому-нибудь событию, состоянию: вчера, сегодня, на другой день, через неделю; заранее, позднее и т.п.; б) обозначающие длительность протекания действия, состояния и т.д. долго, мгновенно, постоянно, два часа и т.п.; в) указывающие временные пределы какого-либо процесса: с утра, до зимы; г) выражающие повторяемость процессов или явлений: часто, ежедневно, время от времени и т.п.; д) характеризующие порядок следования явлений или событий во времени: сначала, позже, раньше и т.д.

Лексико-семантическое и морфолого-семантическое поля темпоральности являются предметом исследования (на материале английского языка) в диссертации Р.М.Жапейко (11). В более общем аспекте темпоральная лексика проанализирована в работе Н.А.Потаенко (15).

Некоторые из исследователей (ср. 9, с. 11) полагают, что основная характеристика действия во временном аспекте передается системой глагольных времен и видо-временных отношений. Вряд ли с этим можно безоговорочно согласиться. Безусловно, глагольные времена так или иначе определяют соотношенность времени действия с моментом, являющимся исходным для данного предложения (который может не совпадать с моментом речи), и таким образом осуществляют упорядочение действий в отношении "следования во времени", определяя также соотношенность этих действий с настоящим, прошлым и будущим. Наличие соответствующих коммуникативному заданию глагольных временных форм в тексте является одним из основных условий для его существования как целого (23, с. 121; 25, с. 44). Однако глаголам совершенно несвойственно выражение "календарного" времени, для них

малохарактерна и функция количественной актуализации (за исключением глаголов типа простоять, просидеть).

Формы, используемые в языке для выражения временных отношений, вступают в весьма сложное взаимодействие на основе принципа функциональной дополнителности. О.Есперсен справедливо указывал, что "время нередко выражается в других частях речи (не глаголами, — В.Г.), и этот способ обозначения времени часто бывает более точным, чем всякое обозначение времени с помощью глагольных форм, например, "3 февраля 1923 г. в 23 час. 23 мин." (10, с. 297).

Вопрос, однако, заключается не просто в степени точности. Говоря о лексических показателях темпоральности, таких, как завтра, когда-то и т.п., А.В.Бондарко подчеркивает, что "они уточняют, конкретизируют, а иногда и предопределяют время осуществления действия" (8, с. 79), с их помощью, в частности, глаголы могут быть переведены из плана одного времени в план другого, например в предложении типа: "Завтра едем на рыбалку" (ср. 19, с. 41), сходным образом А.Богуславский интерпретирует формы типа "в настоящий момент", "сейчас" как средство "блокировки" других прочтений глагола, например со значением будущего времени (20, с. 31).

Функции глагольных форм, выражающих время, могут быть названы интралингвистическими, а функции именных групп с обстоятельственным значением времени — экстралингвистическими. Именно поэтому, на наш взгляд, они выражаются в первом случае морфологически, а во втором — синтаксически. Справедливым в связи с этим представляется следующее утверждение Е.С.Скобниковой: "Если... считать времена глагола морфологическим ядром "функционально-семантической категории темпоральности", то в области синтаксиса наиболее определенные грамматические рамки здесь имеет... система предположно-падежного и падежного обозначения времени" (17, с. 116).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Энгельс Ф. Диалектика природы. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 343–625.
2. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. — Полн. собр. соч., т. 18, с. 1–525.
3. Анохин П.К. Философские аспекты теории функциональной системы: Избр. тр. / АН СССР. Ин-т психологии. — М.: Наука, 1978. — 400 с.
4. Ардентов Б.П. Выражение времени в русском языке: Лекции по спецкурсу / Кишин. гос. ун-т им. В.И.Ленина. — Кишинев, 1945. — 131 с. — Библиогр.: с. 129–130.
5. Аскин Я.Ф. Проблема времени: Ее филос. истолкование. — М.: Мысль, 1966. — 200 с.
6. Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы / АН СССР. Ин-т философии. — М.: Наука, 1982. — 222 с.
7. Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М.: Прогресс, 1974. — 447 с. — (Языковеды мира).
8. Бондарко А.В., Бупанин Л.Л. Русский глагол. — Л.: Просвещение, 1967. — 192 с. — Библиогр.: с. 183–190.
9. Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. — 283 с.
10. Есперсен О. Философия грамматики / Пер. с англ. Пасека В.В. и Сафроновой С.П. — М.: Изд-во иностр. лит., 1958. — 404 с.

11. Жалейко Р.А. Перцептуальное время и его выражение в функционально-семантическом поле темпоральности: (На материале англ. яз.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН СССР. Ин-т языкознания. – М., 1980. – 22 с.
12. Кошечая И.Г. Типологические структуры языка: Сфера видовременных значений. – Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1972. – 234 с.
13. Молчанов Ю.Б. Четыре концепции времени в философии и физике / АН СССР. Ин-т философии. – М.: Наука, 1977. – 192 с.
14. Молчанов Ю.Б., Турсунов А. Проблемы пространства и времени в свете философских идей В.И.Ленина. – Коммунист, М., 1974, № 6, с. 103–114.
15. Потаенко Н.А. Темпоральная лексика как объект лингвистического изучения. – Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., М., 1973, вып. 3, с. 242–248.
16. Рейхенбах Г. Направление времени / Пер. с англ. Молчанова Ю.Б. и Сачкова Ю.В. – М.: Изд-во иностр. лит., 1962. – 396 с.
17. Скобчикова Е.С. Согласование и управление в русском языке. – М.: Просвещение, 1971. – 240 с.
18. Уитроу Дж. Естественная философия времени / Пер. с англ. Молчанова Ю. и др. – М.: Прогресс, 1964. – 431 с.
19. Шепин А.Г. Лексико-грамматическое поле времени в современном русском языке (время в поэтической речи) / Иркут. гос. пед. ин-т. – Иркутск, 1974. – 84 с.
20. Boguslawski A. On the status of temporal expressions. – In: Charakterystyka temporalna wypowiedzenia. Wrocław etc., 1975, p.7–70.

21. Cliefford J.E. Tense and tense logic. - The Hague etc.: Mouton, 1975. - 173 p. - (/Janua linguarum. Studia memoriae N. van Wijk dedicata. Ser. minor.; 215 /). - Bibliogr.: p.168-169.
22. Fleischman S. The future in thought and language: Diachr. evidence from Romance. - L. etc.: Cambridge univ. press, 1982. - XII, 218 p. - (Cambridge studies in ling.; 36). - Bibliogr.: p.194-214.
23. Köck W.K. Time and text: Towards an adequate heuristics. - In: Studies in text grammar. Dordrecht etc., 1973, p.113-204.
24. Maingueneau D. Approche de l'énonciation en linguistique française: Embrayeurs, "temps", discours rapporté. - P.: Classique Hachette, 1981. - 128 p. - ("Langue, ling., communication").
25. Martin R. Le futur linguistique: temps linéaire ou temps ramifié? - Langages, P., 1981, a.15, N 64, p.81-92.
26. Newton-Smith W.H. The structure of time. - L. etc.: Routledge & Kegan Paul, 1980. - XII, 262 p. - (Intern. libr. of philosophy). - Bibliogr.: p.254-260.
27. Sherover Ch.M. The human experience of time: The development of its philos. meaning. - N.Y.: New York univ. press, 1975. - X, 603 p.
28. Slagle U. von. Language, thought and perception: A proposed theory of meaning. - The Hague etc.: Mouton, 1974. - 60 p. - (Janua linguarum. Ser. major; 98). - Bibliogr.: p.51-58.
29. Steedman M.J. Reference to past time. - In: Speech, place and action: Studies in deixis a. related topics. N.Y. etc., 1982, p.125-157.
30. Vet C. La notion de "monde possible" et le système temporel et aspectuel du français. - Langages, P., 1981, a.15, N 64, p.109-124.

КЛИМЕНКО О.К.
КАТЕГОРИИ КОЛИЧЕСТВА И КАЧЕСТВА В ЯЗЫКЕ

Мыслительные категории количества и качества суть отражения общих свойств самого бытия. Логические категории, будучи отражением основных закономерностей объективной деятельности, обнаруживают тесную взаимосвязь друг с другом, что является свидетельством взаимосвязи всех явлений объективной действительности. В частности, говоря об отношениях между собой категорий качества и количества, Ф.Энгельс писал: "...количество и качество соответствуют... друг другу взаимно и обоюдосторонне" (1, с.385). Между категориями мышления, с одной стороны, и категориями качества и количества – с другой, в частности, существует определенная зависимость как с точки зрения последовательности их становления и развития, так и с точки зрения последовательности их применения в процессе познания современного человека. В.И. Ленин писал: "Сначала мелькают впечатления, затем выделяется нечто, – потом развиваются понятия качества (определения вида или явления) и количества" (2, с.301).

На то, что категория качества, предшествуя категории количества по началу своего формирования в процессе исторического развития мышления человека, вместе с тем выступает и как начальный этап познавательной деятельности человека, направленной на какой-либо предмет или явление объективной действительности, обращают внимание многие ученые, в том числе В.З.Панфилов (24; 27),

А.Г.Сpirкин (32), В.И.Ефимов (15), Л.И.Гриднева (9). Так, В.З.Панфилов, которому принадлежат многочисленные труды, посвященные соотношению категорий языка и мышления (23; 24; 25; 27), пишет, что познание может быть направлено на количественную определенность каких-либо объектов только после того, как они выделены из окружающей действительности как качественно определенные. "...В процессе установления количественной определенности объектов мышление в дальнейшем отвлекается от их качественной определенности, рассматривая их как качественно однородные объекты. Однако предварительным условием выделения их как объектов, подлежащих определению с количественной стороны, является их выделение как отдельных предметов, имеющих свои границы, а это возможно только при условии установления их качественной определенности" (24, с.201). Далее В.З.Панфилов отмечает, что обычно в определении качества фиксируются две существенные черты качественной определенности: 1) будучи качественно определенным, один предмет отличается от других предметов, благодаря чему предметы отграничиваются друг от друга и между ними существует отношение различия; 2) будучи качественно определенным, тот или иной предмет сохраняет тождество с самим собой и при некоторых претерпеваемых им изменениях; различие предмета на различных этапах его развития фиксируется в познании только благодаря тому, что на каждом из них он является качественно определенным (24, с.202). Некоторыми авторами, например И.С.Тимофеевым, учитывается только первая из двух приведенных черт (33).

Дискуссионным в специальной литературе продолжает оставаться вопрос о соотношении категорий "качество" и "свойство". Эти категории входят в различные "гнезда" категорий; если категория качества объединяется с категориями количества и меры, то категория свойства – с категориями "вещь" и "отношение". Однако между категориями качества и свойства также существует тесная взаимосвязь. Определение категории свойства через категорию качества и наоборот получило широкое распространение в работах по

марксистско-ленинской философии. Так, например, по мнению С.Г.Шляхтенко, "свойство определяется как выражение данного качества в отношении к другим качествам" (42, с.24). Нередко качество понимается как единство свойств (или существенных свойств) вещи. И.С.Тимофеев отмечает, что при таком понимании категории свойства она включается в подсистему категорий "качество – количество – мера", а это нарушает тот принцип классификации категорий, согласно которому категория свойства относится к подсистеме "вещь – свойство – отношение" (33). Выход из этих трудностей некоторые авторы видят в том, чтобы рассматривать качество предмета как основу существования его свойств, но не как совокупность этих свойств.

Особое место в специальной литературе занимает вопрос о генезисе категории качества и роли в этом процессе мыслительной операции сравнения. В.З.Панфилов пишет, что выделение того или иного качественного признака одного предмета возможно лишь при его сравнении с другим предметом. "В процессе выделения того или иного качественно признака предмета в результате сравнения какой-либо из предметов начинает выступать как его наиболее характерный носитель, т.е. как своего рода эталон, с которым отождествляются по соответствующему качественному признаку другие предметы" (24). В.И.Бартон указывает, что главной функцией сравнения, благодаря которой оно играет важную роль в познании, является установление количественного различия качественно тождественных предметов (5). Посредством сравнения получает относительное выражение интенсивность свойства одного из сравниваемых объектов. В сравнении прежде всего происходит установление тождества объектов по какому-либо качеству или их качественное отождествление. Подобные сравнения характерны для целой отрасли человеческой деятельности – литературно-художественного творчества. Например, в сравнении "глаза, как небо голубые" произведено отождествление глаз и неба по цвету ("голубизна"). Так как и тот, и другой объекты обладают свойством голубизны, то это обстоятельство дает право отождествить их. В акте срав-

нения при качественном отождествлении устанавливаются количественные различия. Процесс сравнения, доведенный до конца, завершается количественным выражением качества. Такое сравнение характерно для науки.

Автор отмечает, что в качественных характеристиках интенсивности свойств очень часто выражены такие оттенки мысли, которые числа выразить не в состоянии. Например, выражения "слишком маленький", "чересчур большой", не просто обозначают интенсивность свойства, но интенсивность, связанную с непригодностью для какой-либо цели. Любое число будет бессильным для непосредственного выражения этого смысла. Однако всеобщая форма сравнения дает все же неопределенное, аморфное выражение количественной стороны выражаемого ею свойства. В понятиях "больше", "меньше", "тверже", "мягче", "длиннее", "короче" и т.п., хотя и выражается количество, а именно, относительная величина интенсивности свойств предметов, но это количество является определенным лишь относительно и не находит числового выражения. В практической деятельности людей возникает необходимость точного определения интенсивности того или иного свойства предметов, а это влечет за собой необходимость выделения единиц измерения интенсивности свойств. Определенная величина интенсивности свойства предмета, выполняющего роль общей меры, превращается в единицу измерения определенного свойства. В.И.Баргон подчеркивает, что не всякий акт сравнения завершается выделением эталона. Но только выделение меры в процессе познания качественно тождественных объектов означает завершенность знания о них в том или ином отношении (4).

Качественная характеристика предмета, или действия, или состояния в той или иной форме получает выражение во всех языках. Во многих языках качественные признаки предметов выражаются посредством значительного слоя лексики, составляющего особый грамматический разряд слов — часть речи прилагательное, а качественные признаки действия или состояния — посредством особого лексико-грамматического разряда другой части речи — наречий, а именно — качественных наречий.

Однако реальное соотношение между классами явлений объективной действительности и классами слов во всем его многообразии далеко не прямолинейно (на это обращают внимание многие авторы, в том числе В.З.Панфилов (24), В.И.Дегтярев (11), С.А.Васильев (8)), и категории мысли не являются "транспозицией категорий языка", как это пытается доказать Э.Бенвенист (6) на материале древнегреческого языка. На самом деле, разным категориям мысли Э.Бенвенист ставит в соответствие языковые явления разного порядка.

Языковым аналогом категории субстанции выступает у него такая часть речи, как существительное. Но категории качества соответствуют уже не весь класс прилагательных, а лишь один особый тип их; другой тип, который в русском языке выделяется в самостоятельную часть речи — числительное, — ставится в соответствие категории количества. Но и этот принцип сопоставления, спорный сам по себе, не выдерживается в дальнейшем. В качестве аналогов категорий "делать" и "испытывать действие" указываются уже не части речи, а две граммемы грамматической категории залога — активный залог и пассивный залог. Опровержением тезиса Э.Бенвениста может служить и пример, приведенный Г.Г.Почепцовым: "Человек способен опредмечивать, т.е. облекать в форму существительных, представления о признаках (например, "белизна", "взволнованность"). Атрибутивный признак может представляться как процессуальный (например, "белеет") (28).

При общности законов объективного мира и общности законов человеческого мышления различные языки дают разные "картины мира". Различные способы выражения категории качества в различных языках детально исследуются В.З.Панфиловым (24; 27).

Прилагательные и качественные наречия выделяются не только в индоевропейской группе языков, но также и в других генетических группировках языков — в тюркских, тунгусо-маньчжурских, финно-угорских, некоторых палеоазиатских и др. Однако по своему составу, по своим грамматическим свойствам и тому месту, которое они занимают в

системе частей речи, эти грамматические разряды слов не представляют собой чего-то однородного. Так, например, в тюркских языках оказываются более развиты, чем в русском языке, те формы качественных прилагательных, которые указывают на количественную характеристику интенсивности выражаемых ими признаков. Если в русском языке различаются формы трех степеней сравнения – положительная, сравнительная и превосходная, то в тюркских языках наряду с ними существуют формы интенсификации, которые выражают наличие усиленного свойства или качества в том или ином предмете, без сравнения данного предмета с другим, имеющим то же самое качество и свойство. В индоевропейских, тюркских и других языках прилагательные обнаруживают близость к существительному и другим именным частям речи, а не к глаголу. Во многих других языках (языках Юго-Восточной Азии, нивхском и др.) слова со значением качества по своим грамматическим свойствам тяготеют не к именам, а к глаголам. В.З.Панфилов находит объяснение этому, прослеживая процесс формирования качественных обозначений в языках различных типов. Он полагает, что после расщепления первоначально синкретичного слова на две отличающиеся друг от друга грамматические группировки слов – имя и глагол – дальнейшее развитие шло различными путями: в одних языках первоначально синкретичное имя, обозначающее и предмет, и качественный признак, послужило источником возникновения существительных и прилагательных как двух самостоятельных именных частей речи, в других языках слова-наименования качественных признаков генетически оказались связанными не с синкретичным именем, а со вторым членом этой первоначальной оппозиции – синкретичным глаголом. Эта первоначальная синкретичность глагола сохраняется в нивхском языке, в котором немалое число глаголов именуют и качественные признаки, и собственно действие. Автор приводит большое количество примеров. Близость слов-наименований качественных признаков к глаголам в языках Юго-Восточной Азии также, с точки зрения В.З.Панфилова, связана с первоначальным синкретизмом глаголов в этих языках. Наличие

второй линии развития слов-наименований качественных признаков дает автору основание предположить, что она обусловлена пониманием качественного признака не как статичного, а как процессуального признака. Момент процессуальности в понимании качественных признаков в той или иной мере присущ также и носителям тех языков, в которых они обозначаются прилагательными как особой частью речи – это обнаруживается в наличии степеней сравнения прилагательных, а также соотносительных прилагательных и глаголов типа "красный – краснеть". Наибольшей абстрактности развитие категории качества достигает на той ступени, когда выделенные на предшествующих этапах ее развития качественные признаки начинают мыслиться в отрыве от своих носителей, как своего рода самостоятельные сущности, т.е. предметно. Это находит свое выражение в языках в том, что от слов с качественным значением, будь то прилагательные, качественные глаголы или предикативы, образуются существительные, общеграмматическим значением которых как части речи является предметность. К такого рода существительным относятся абстрактные существительные типа русских "краснота", "белизна", "глубина", "ширина" и т.п. Применительно к тем языкам, которые пережили этап первоначального синкретизма имени, когда одно и то же слово обозначало и предмет, и наиболее характерный для него качественный признак, а затем период формирования прилагательных как особой части речи, возникновение такого рода абстрактных существительных представляет собою, с точки зрения В.З.Панфилова, своего рода отрицание отрицания, т.е. здесь наглядно демонстрируется один из законов диалектики.

Мыслительная категория количества, отражающая количественную определенность бытия, способы ее выражения в различных языках, их генезис и эволюция обстоятельно исследуются в работах В.З.Панфилова (24; 25; 27). Он указывает, что количественная определенность в объективной действительности предстает, с одной стороны, как дискретное, прерывное количество, а с другой – недискретное, непрерывное количество. Первое из них определяется по-

средством счета, а второе – посредством измерения. Соответственно этому в мыслительной категории количества выделяются два основных момента – число и величина, и, следовательно, содержание этой категории представляет собой единство этих двух моментов. Эта точка зрения в истории философии развивалась уже Аристотелем, затем Декартом, Кантом и Гегелем. Нашла она поддержку и в современных работах по философии, посвященных категориям мышления (16, 33).

Число является результатом определения мощности множества как дискретной совокупности объектов того или иного рода. В отличие от этого величина есть результат измерения интенсивности непрерывного количества (например, каких либо непрерывных признаков), и она наряду с другими средствами также может получить выражение в числе. В.З.Панфилов (24), а вслед за ним и С.А.Васильев (8) выделяют разнообразные грамматические и лексические средства выражения категории количества в различных языках (о способах выражения категории количества в русском, украинском и английском языках см. работу С.А.Швачко) (41). При этом С.А.Васильев отмечает, что пропорции грамматических и лексических значений в языках различных типов различны. Так, в изолирующих языках (китайском, японском) части речи представлены очень слабо, поэтому почти отсутствуют грамматические категории, а следовательно, значения не грамматикализуются и основная нагрузка по выражению мыслительных категорий падает на лексику (подробнее об этом см. работу А.А.Холодовича) (34).

В.З.Панфилов приходит к выводу, что во всех языках существуют лексические обозначения определенных количеств, т.е. чисел. При этом, если в некоторых языках этот ряд слов ограничивается несколькими или даже одним названием чисел в пределах первого десятка, то в большинстве языков он получил значительное развитие, выделившись в самостоятельную часть речи – числительные (24). Многообразны в различных языках и системы числительных. "Они могут строиться, имея в качестве центрального не только число десять, но и двенадцать, двадцать и др." (28). Различные

системы числительных и счета специально рассматриваются в работах В.З.Панфилова (24; 27), Д.И.Эдельман (43).

В.З.Панфилов прослеживает также, что во всех языках существуют лексические обозначения неопределенных количеств, в которых фиксируется степень мощности множеств или различие в величине, когда речь идет о непрерывном количестве (24). Так, например, в английском языке словами *many* "много" и *few* "мало" фиксируется различие в степени мощности множеств, а словами *much* "много", *little* "мало" – различие в величине, и они в отличие от первых сочетаются с названиями веществ, а не предметов. Количественные понятия передаются и такими обычно местоименными словами, как русские "все", "некоторые", "всякий", "каждый" и т.п. В этом плане представляют интерес работы Л.Д. Чесноковой (36, 37), которая, рассматривая систему форм для передачи значения неопределенного множества, обращает внимание на то, что выражение неопределенного множества может сопровождаться идеей оценки названного количества. Помимо указания на неопределенное количество содержать оценочную квалификацию называемого количества. Так как в словосочетаниях типа "много звезд", "мало книг" в отличие от словоформ ("звезды", "книги") идея количества и идея считаемых предметов представлены раздельно, расчлененно, оказывается возможным в идею неопределенного количества включить момент его оценки. Автором выделяется также значение приблизительности количества, особенностью которого является выражение неопределенного множества с указанием количественных границ этого множества. Выделяются четыре вида количественных границ приблизительности, которые различаются семантическими формами мысли, "выражающими различный характер охвата отражаемого содержания" (35): 1) указание на начальный предел ("с 9 час."), 2) указание на конечный предел ("до 7 лет"), 3) указание на количественный промежуток ("лет 60–65"), 4) указание на середину отсчета ("около 110 сантиметров").

В.З.Панфилов обращает внимание на существование во многих языках специальных словообразовательных средств, с помощью которых выражаются идеи уменьшитель-

ности и увеличительности того объекта, название которого дается исходным существительным. Таковы, например, в русском языке суффиксы -ок/ -ик/ -чик с уменьшительным значением и суффиксы -ин(а), -иш- с увеличительным значением (ср. "домик", "домок" и "доми́на", "доми́ше"). В эвенкийском языке эти различия передаются более дифференцированно: посредством суффикса -кан выражается уменьшительность по размеру (олло-кон "маленькая рыба"), а посредством суффикса -ткан - уменьшительность по возрасту (оллоткон "рыбка"); кроме того, в этом языке суффиксами -мия, -кун выражается увеличительность (дю-мия "доми́ше"), а суффиксом -какун выражается значение усиления качеств, присущих данному предмету (аси-какун "настоящая женщина"). Такого рода словообразовательными средствами выражается, следовательно, различие в величине, а не числе.

С.А.Васильев зафиксировал, что подобные словообразовательные морфемы характерны не только для существительных, но также для глаголов и прилагательных. Так, в смысловой цепочке глаголов финского языка *väsy-väsähta* - второй является смысловым дериватом первого, потому что помимо значения "устать", присущего первому глаголу, он содержит еще дополнительное значение "немного" (ср. русские прилагательные "красный" - "красноватый") (7).

В большинстве языков существует грамматическая категория числа, которая обычно включает единственное и множественное число, а в некоторых языках наряду с ними также двойственное и даже тройственное число. Способы выражения категории числа в языках различных типов, в особенности синтетическо-агглютинативных и синтетическо-флективных исследуются В.З.Панфиловым) (24, 27). Как справедливо отмечает В.И.Дегтярев, проводивший исследование формирования и развития категории числа в славянских языках (11), корреляция форм единственного и множественного числа имен существительных обычно выражает противоположение единичности и множественности. Однако, как подчеркивает А.А.Холодович (34), "категория единственного и множественного числа уже категории множества и единичности, является ее частным слу-

чаем". В.И.Дегтярев указывает, что в грамматической системе языка значения форм числа представляют не только реальные количественные отношения действительности. Сложившись на основе отражения действительной количественности, категория числа, принадлежащая системе языка, получила иные, собственно конструкционные функции (этой же точки зрения придерживается С.Б.Крымский) (19). Так, в языках флективного строя каждое имя существительное имеет форму числа, проявляющуюся в словоизменении и сочетаемости форм (парадигматические отношения и синтагматические связи). Однако согласовательная функция категории числа не релевантна для многих других типов языков — тюркских, нивхского (24), абхазо-адыгских (20). В грамматической категории числа в первую очередь находит свое выражение категория дискретного количества. Для выражения этой категории существительное должно быть способным принимать соотносительные формы числа. Однако в языках, обладающих морфологической категорией числа, встречаются слова со "связанной формой числа", т.е. такой, рядом с которой невозможна другая, соотносительная форма числа. Сюда относятся *singularia tantum* и *pluralia tantum*. Исследуя в своих работах (11, 12) *pluralia tantum*, В.И.Дегтярев отмечает, что логико-семантическую основу плюрализации конкретно-предметных имен существительных, ведущей к образованию предметных, вещественных и собирательных имен *pluralia tantum*, составляет идея собирательности множества однородных одноименных предметов. Образование *pluralia tantum* — это, с его точки зрения, номинативный процесс, опирающийся на грамматические формы множественного числа, главным источником которого является лексикализация; той же точки зрения придерживаются В.З.Панфилов (24), С.Д.Кашнельсон (17).

Несчитаемые имена (или, как их называет В.И.Дегтярев, "анумеральные") соотносительных форм числа либо вообще не имеют, либо, если имеют, то используют их не в целях квантитативной актуализации (термин С.Д.Кашнельсона), а в других целях — выражения обилия массы вещества ("снега"), множества разновидностей вещества ("масла",

"вина"). Как правильно отмечает В.З.Панфилов, денотаты вещественно собирательных существительных подлежат измерению, а не счету. Формами числа выделяются в этих случаях обозначения мер (например, "две тонны железа"). (О словах-измерителях на примере английского языка см. работу С.А.Швачко) (39).

Формы числа могут получать в синтетическо-флективных языках функцию выделения родовых понятий. В этой функции могут выступать формы как единственного, так и множественного числа, различие между которыми в таком употреблении нейтрализуется, например, "Что волки жадны, всякий знает, волк евши никогда костей не разбирает". (Об этом см. работу Д.И.Арбатского)(3). Категория грамматического числа рассматривается также В.Г.Гузевым и Д.М.Насиловым (в тюркских языках) (10), И.А.Смирновой (в иранских языках) (31).

Помимо значения дискретного множества, которое, как указывалось выше, выражается в основном числительными и грамматической категорией числа, выделяется значение собирательного множества, которое также имеет различное выражение в разных языках. Так, в русском языке, — языке синтетическо-флективного типа — это значение собирательности имеет особые грамматические способы своего выражения, противопоставленные единичности и множественности (ср.: "студент — студенты — студенчество", "тряпка — тряпки — тряпье" и т.п.), или же это значение выражается лексическим способом, когда само лексическое значение слова включает это значение как один из своих компонентов (например, рус. "толпа", "стадо" и т.п.) Выражение собирательности в истории славянских языков исследуется в работах В.И.Дегтярева (11; 13), в албанском языке — А.В.Десницкой (14).

В ряде языков значение собирательности выражается словообразовательными суффиксами. Так, Г.А.Меновщиков (21) выделяет ряд суффиксов с собирательным значением в эскимосском языке, А.Н.Кононов (18) — в тюркских языках, Б.А.Серебренников — в тюркских и финно-угорских языках (29), В.З.Панфилов — ряд омертвевших суффиксов собирательности в нивхском языке (26).

В системе глагола количественные представления также получают самое разнообразное выражение. Значения однократности / многократности, мгновенности / длительности и им подобные во многих языках выражаются или видовыми формами глагола, или словообразовательными средствами, указывающими на способ действия. Личными окончаниями глаголов в одних языках, специальными грамматическими показателями числа в других языках, субъективно-объектными показателями – в-третьих, классными показателями – в-четвертых, и некоторыми другими средствами количественные представления также получают свое выражение в глаголе (данные по нивхскому языку и обобщение данных по другим языкам см. у В.З.Панфилова) (24).

Различие в степени интенсивности признака предмета или действия во многих языках выражается особыми формами соответствующих разрядов слов (формами степеней сравнения прилагательных и наречий, как, например, в русском, формами выражения количественной модификации качественных глаголов, как, например, в нивхском языке, и т.п.). Этими формами, как заключает В.З.Панфилов, фиксируются различия в области недискретного количества, т.е. в величине.

В.З.Панфилов (24) выделяет ряд этапов в развитии категории количества как категории абстрактного, обобщенного мышления, получивших отражение прежде всего в этапах развития числительных и грамматического числа. Автор отмечает, что чувственно-наглядный способ отражения количественной характеристики конкретных множеств предметов, общий у человека с животным, является исторической предпосылкой возникновения категории количества, но не ее первым этапом развития, и этот способ не получает какого-либо выражения в числительных и категории грамматического числа. На начальном этапе развития категории количества устанавливалась лишь равномошность конкретных множеств предметов, когда предметы, составляющие эти множества, приводились во взаимно-однозначное соответствие, что предполагает способность абстрагироваться от качественных различий предметов, составляю-

ших эти множества. На этом этапе еще не производится установление количества как числа предметов тех множеств, которые приводились во взаимно-однозначное соответствие. На втором этапе развития этой категории происходит выделение некоторых множеств конкретных предметов в качестве эталона, или эквивалента, которыми являлись окружающие человека предметы, а также части его тела, по отношению к которым устанавливалась равномошность всех других конкретных множеств, что приводит к возникновению понятий об определенных количествах, т.е. числе. В.З.Панфилов приводит пример с числительным "пять", которое в большинстве языков происходит от слов со значением "рука", в нивхском языке числительное "девять", буквально означающее "один находится", при ручном счете означало "один палец не загнут". (О происхождении числительного "один" в разных семьях языков см. работу Э.Эрнстса) (44). Хотя на втором этапе развития указанной категории и возникли понятия об определенных количествах, они еще не мыслились в отрыве от понятий о конкретных предметах, составляющих это количество, и поэтому при счете числовые обозначения всегда сопровождались названием предметов счета. Наличие во многих языках (многие индейские языки, язык науру, нивхский и др.) числительных, которые включают в свой состав не только собственно количественные обозначения, но и компоненты, возводимые к названиям предметов счета, а также суффиксов-классификаторов (китайский, японский, дунганский и др.), обусловлено, с точки зрения В.З.Панфилова, этим этапом развития категории количества. На третьем этапе развития категории количества происходит полное абстрагирование от качественных особенностей предметов счета, что находит свое выражение в возникновении числительных, употребляющихся при абстрактном счете, в унификации их грамматических свойств в процессе их становления в качестве особой части речи и, наконец, в переходе от различных типов собирательной множественности, учитывающих качественные особенности их составляющих объектов, к абстрактной дистрибутивной множественности в сфере грамматической категории числа и к

таким формам выражения собирательной множественности, между которыми в большинстве случаев уже трудно установить какое-либо различие, связанное с качественными особенностями объектов, входящих в состав соответствующих собирательных множеств. (Генезис грамматической категории числа в славянских языках прослеживается В.И.Дегтяревым)(11). В.З.Панфилов справедливо возражает против точки зрения, в частности высказанной И.С.Тимофеевым (33), согласно которой, возникновение грамматической категории числа есть результат непосредственно-чувственного восприятия количественной характеристики конкретных множеств предметов. Грамматическое значение, имеющее по самой своей природе абстрактный и обобщенный характер, не могло возникнуть при отсутствии на этом этапе понятий об определенных количествах и соответствующих числовых обозначений лексического характера. Подтверждением этому служат примеры, приводимые С.Б.Крымским из хеттского языка (19), Б.А.Серебрянниковым из истории уральских языков (30).

В.З.Панфилов также устанавливает последовательность возникновения частных значений в пределах грамматической категории числа. Отмечая, что первоначальным этапом в процессе абстрактного познания дискретного количества является образование понятий "один" и "больше чем один" \approx "много", автор заключает, что и возникающая грамматическая категория числа конституируется на основе оппозиции не форм со значением единичности и двоичности, а форм со значением единичности и множественности. И лишь затем во многих языках возникают также формы двойственного или даже тройственного числа, причем доказано, что во всяком случае в ряде языков для выражения двойственного числа используется грамматическая форма, ранее выражавшая множественное число (в связи с этой проблемой см. также работы В.И.Дегтярева (11), С.А.Швачко)(40). Иной точки зрения придерживаются И.С.Тимофеев (33) и Б.А.Серебрянников, который, в частности, полагает, что "двойственное число как менее абстрактное и более наглядное в целом ряде языков возникло значительно раньше абстрактного множественного числа" (30).

Указанные выше этапы в эволюции познания количества вслед за В.З.Панфиловым выделяет и С.А.Швачко (38), прослеживая их на примере числительных и количественных слов счетного и измерительного порядка в английском языке. По существу, те же этапы выделяются также Л.И.Гридневой (9).

В заключение необходимо отметить, что проблема категории количества и качества в языке исследуется в лингвистической литературе не только в плане выражения мыслительных категорий качества и количества средствами языка, но также в плане качественной и количественной характеристики языка как объекта исследования – см., например, работы В.Н.Ярцевой (45), Л.И.Гридневой (9), Н.В.Омельяновича (22), – что может стать предметом особого рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Энгельс Ф. диалектика природы. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.20, с.343–625.
2. Ленин В.И. Философские тетради. – Полн. собр. соч., т.29, с.1–782.
3. Арбатский Д.И. Множественное число со значением разнородности (неоднородности) предметов. – Учен. зап. Казан. пед. ин-та, 1971, вып. 96, с.152–158.
4. Бартон В.И. Развитие сравнения в процессе познания. – В кн.: Философские исследования. Минск, 1970, с.22–30.
5. Бартон В.И. Элементарное сравнение как единство качественного отождествления и количественного различия. – В кн.: Философские исследования. Минск, 1970, с.31–38.
6. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с. – (Языковеды мира).
7. Васильев С.А. Диалектический материализм и лингвистические исследования. – В кн.: Система и структура языка в свете марксистско-ленинской методологии. Киев, 1981, с.3–24.
8. Васильев С.А. Категория мышления в языке и тексте. – В кн.: Логико-гносеологические исследования категориальной структуры мышления. Киев, 1980, с.66–115.

9. Гриднева Л.И. Соотношение категорий качества и количества в языке и языкознании. – В кн.: Система и структура языка в свете марксистско-ленинской методологии. Киев, 1981, с.157–171.
10. Гузев В.Г., Насилов Д.М. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках. – Вопр. языкознания, М., 1975, № 3, с.102–110.
11. Дегтярев В.И. Категория числа в славянских языках: (Ист.-семант. исслед.). / Отв.ред. Ф.П.Филин. Рост. гос. ун-т им.М.А.Суслова. – Ростов-н/Д., 1982. – 320 с.
12. Дегтярев В.И. Происхождение имен *pluralia tantum* в славянских языках: (К определению семант. механизмов лексикализации форм мн.ч.). – Вопр. языкознания. М., 1982. № 1, с.65–77.
13. Дегтярев В.И. Собирательность и категория числа в истории славянских языков. – Вопр. языкознания. М., 1982, № 4, с.92–101.
14. Десницкая А.В. Категория собирательности и категория массы в истории грамматического строя албанского языка. – В кн.: Грамматический строй балканских языков: Исслед. по семантике граммат. форм. Л., 1976, с.32–44.
15. Ефимов В.И. Определение качества и количества как система дефиниций /Новочерк. политехн. ин-т им.С.Орджоникидзе. – Ростов н/д: Изд-во Рост. ун-та, 1973. – 96 с. – Библиогр.: с.91–95.
16. Ильин В.В. Онтологические и гносеологические функции категорий качества и количества: Материал по теме курса марксистско-ленинской философии для студентов филос. фак. и отд-ний. – М.: Высш. шк., 1972. – 96 с.
17. Кашнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. /АН СССР. Ин-т языкознания. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. – 216 с.
18. Кононов А.Н. Показатели собирательности-множественности в тюркских языках: Сравн.-ист. этюд /АН СССР. Ин-т востоковедения. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1969. – 32 с.
19. Крымский С.Б. Логико-гносеологический анализ универсальных категорий. – В кн.: Логико-гносеологические ис-

следования категориальной структуры мышления. Киев, 1980, с.5-46.

20. Кумахов М.А. Число и грамматика. – Вопр. языкознания, М., 1969, № 4, с.28-35.
21. Меновщиков Г.А. Способы выражения единичности и множественности в языках различного типа. – Вопр. языкознания, М., 1970, № 1, с.80-89.
22. Омельянович Н.В. К вопросу об универсальных количественных отношениях в системе языка. – В кн.: Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969, с.135-141.
23. Панфилов В.З. Взаимоотношение языка и мышления /АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1971. – 232 с.
24. Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. – М.: Наука, 1982. – 357 с. – (Пробл. марксистско-ленинского языкознания).
25. Панфилов В.З. Категория мышления и языка: Становление и развитие категории количества в языке. – В кн.: Энгельс и языкознание. М., 1972, с.5-47.
26. Панфилов В.З. Нивхско-алтайские языковые связи. – Вопр. языкознания, М., 1973, № 5, с.4-12.
27. Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания: Гносеол. аспекты /АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1977. – 287 с.
28. Почепцов Г.Г. Язык и познавательная деятельность человека. – В кн.: Подготовка учителя иностранного языка в педагогическом вузе: (Вопр. методол.). Киев. 1981, с.60-72.
29. Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике /АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1974. – 352 с.
30. Серебренников Б.А. Развитие человеческого мышления и структура языка. – В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970, с.320-348.
31. Смирнова И.А. Формы числа имени в иранских языках: (Значение и функционирование). – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1974. – 223 с.

32. Спиркин А.Г. Происхождение сознания. /АН СССР. Ин-т философии. – М.: Госполитиздат, 1960. – 471 с.
33. Тимофеев И.С. Методологическое значение категорий "качество" и "количество" /АН СССР. Каф. философии. – М.: Наука, 1972. – 216 с.
34. Холодович А.А. Категория множества в японском в свете общей теории множества в языке. – В кн.: Проблемы грамматической теории. Л., 1979, с.169–185.
35. Чесноков П.В. Семантические формы мышления и грамматики. – В кн.: Значение и смысл речевых образований. Калинин, 1979, с.123–135.
36. Чеснокова Л.Д. Категория количества и синтаксические структуры. – Вopr. языкознания, М., 1981, № 2, с.44–52.
37. Чеснокова Л.Д. Категория неопределенности множества и семантические формы мысли. – В кн.: Семантика грамматических форм. Ростов-н/Д 1982, с.21–31.
38. Швачко С.А. Логическая и языковая категория количества. – В кн.: Подготовка учителя иностранного языка в педагогическом вузе: (Вopr. методол.). Киев, 1981, с.96–102.
39. Швачко С.А. Семантические закономерности слов-измерителей. – В кн.: Семантические проблемы языков науки, терминологии и информатики. М., 1971, с.59–68.
40. Швачко С.А. Средства выражения понятия двойственности в системе английского языка. – В кн.: Лингвистические исследования. Киев, 1974, с.93–104.
41. Швачко С.А. Языковые средства выражения количества в современных английском, русском и украинском языках. – Киев: Вища шк., 1981. – 143 с. – Библиогр.: с.136–141.
42. Шляхтенко С.Г. Категории качества и количества /ЛГУ им.А.А.Жданова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 144.
43. Эдельман Д.И. К генезису вигезимальной системы числительных. – Вopr. языкознания, М., 1975, № 5, с.34–35.

44. Эрнитс Э. К происхождению числительного "один" в разных семьях языков. — Сов. финно-угроведение, Таллин, 1973, № 3, с.14–18.
45. Ярцева В.Н. Количественные и качественные изменения в языке. — В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970, с.5–42.

СТРЕЛЬЦОВА Г.Д.
КАТЕГОРИЯ ОТНОШЕНИЯ В ЯЗЫКЕ
(на материале синтаксиса)

Языкознание наряду с другими науками о мышлении принадлежит к числу тех отраслей человеческого знания, которые обнаруживают наиболее тесные связи с философией на всем протяжении его развития, что объясняется природой самого предмета языкознания – языка, являющегося неперменным условием осуществления абстрактного, обобщенного мышления и рациональной ступени человеческого познания (20, с.3). В свою очередь результаты лингвистических исследований, в частности, изучение роли языка в гносеологическом процессе, проблема развития языка и в особенности языковых значений и категорий как отражения развития познания и его категорий являются необходимым звеном в исследовании законов развития человеческого мышления и познания, составной частью теории познания любой философской системы (12; 15). Непреходящее значение марксистско-ленинской философии для отдельных наук и, в частности, для языкознания заключается в том, что она позволяет рассматривать языковую проблематику в общей взаимосвязи с проблемами исторического материализма и теории познания.

В ряду категорий марксистско-ленинской диалектики, находящихся свое непосредственное отражение в языке, особое место отводится категории отношения. С позиции диалектического материализма отношение есть всегда отношение

вещей по какому-либо свойству, присущему каждой из них. Как подчеркивал В.И. Ленин в "Философских тетрадах", "отношение каждой вещи (явления etc (не только многообразны, но всеобщи, универсальны. Каждая вещь (явление, процесс etc связана с каждой" (2, с.203). На универсальность категории отношения указывал Ф.Энгельс: "Уразумение того, что вся совокупность процессов природы находится в систематической связи, побуждает науку выявлять эту систематическую связь повсюду, как в частностях, так и в целом" (1, с.35-36).

Современная философская трактовка категории отношения рассматривает отношение как момент взаимосвязи всех явлений. "Существование всякой вещи, ее специфические особенности и свойства, ее развитие зависят от всей совокупности ее отношений к другим вещам объективного мира. Самими свойствами, необходимо присущими тому или иному процессу или вещи, проявляются только в их отношении к другим вещам и процессам" (13, с.268). Основной философской проблемой, неизбежно возникающей при анализе категории отношения, является проблема онтологического статуса отношений. "Важное значение отношений между вещами, — пишет А.С.Мельничук, — как проявление свойств самих вещей, для понимания природы и сущности вещей иногда вызывает ложное представление об онтологической (и логической) равноценности вещей и отношений, о принципиальной неприемлемости к ним критерия первичности и производности. Действительность не дает оснований для таких представлений. Уже тот факт, что любая конкретная вещь может вступать одновременно в бесконечное количество различных отношений, оставаясь по существу одной и той же вещью, между тем как одно и то же конкретное отношение всегда оказывается свойственным только данной, строго определенной, конкретной группе вещей и при малейшем изменении количественного или качественного состава этой группы превращается уже в другое конкретное отношение, говорит, с одной стороны, о принципиальной независимости существа вещи от ее отношений и, с другой — об обязательной обусловленности отношений соотносящимися вещами. Такое диалектико-ма-

териалистическое понимание производного характера отношений по сравнению с соотносящимися вещами несколько не умаляет важной роли отношений в определении сущности соотносящихся вещей и природы сложных объектов, которые образуются из данных элементов, вступающих в данные отношения" (9, с.61-62).

Иная точка зрения на онтологическую сущность отношений представлена в работе А.Я.Райбекаса, отмечающего, что утверждение о том, что существуют вещи, а потом уже их отношения, правомерно лишь с точки зрения направления процесса познания вещей. Но действительность вещи есть диалектическое единство реальных свойств и отношений, в которых она обнаруживает свое существование (16, с.133). Не существует единого мнения и в трактовке соотношения между понятиями "отношение", "взаимодействие", "связь". Так, А.Я.Райбекас объединяет данные понятия в группу, которую можно было бы назвать группой категорий движения: будучи понятиями разного уровня абстракции, эти категории отображают материальное движение с разных сторон. "Материальное движение, описанное на уровне явления, отображается с помощью понятия взаимозависимости, связи; понятое на уровне сущности – с помощью понятия отношение; познанное на уровне действительного процесса – с помощью понятия взаимодействия" (16, с.142). В этом ряду понятий, отображающих материальное движение, категория отношения является предельной абстракцией, выражающей самую суть движения – его противоречивую природу. Именно поэтому и взаимодействие, и связь, фиксирующая внешний аспект взаимодействия вещей, есть отношение. Отображая сущность материального движения и форму, в которой оно обнаруживает себя (изменение вещей), категории отношения и связи охватывают все бесконечное многообразие действительного движения (взаимодействия) вещей и их мыслительных образов (понятий), заключает автор.

Существует и другая точка зрения, в соответствии с которой взаимодействие, связь и отношение рассматриваются как однопорядковые явления, отражающие одну и ту же степень проникновения человеческого ума в объективную

действительность – проникновение в сущность движения, воспроизведения отдельных его сторон, моментов. "Связь (зависимость) вещей не лежит на поверхности, равно как и взаимодействие, ее обуславливающее. Они глубоко скрыты, составляют внутреннюю сторону движения, как и отношения" (8, с.68). В соответствии с этим последовательность познания человеком всеобщих форм бытия может быть представлена следующим образом: сначала человек фиксирует отношения (правда, внешние, в частности, отношения сосуществования), затем – взаимодействие, а через взаимодействие приходит к выявлению связи.

Различное, порой противоречивое толкование понятий "отношение", "взаимодействие", "связь" объясняется разнородностью моментов действительности, обозначаемых с помощью этих терминов. Как отмечает А.С.Мельничук (9), термином "отношение" обозначаются и конкретные случаи непосредственного взаимодействия вещей (механического, химического, теплового и т.д.) и "неуловимые" с точки зрения конкретного (чувственного) восприятия отношения типа сходств и различий (количественных, качественных, пространственных), не предполагающие непосредственного взаимодействия. "Принципиальное различие между взаимодействием и связью и чистыми отношениями, – пишет А.С.Мельничук, – заключается в том, что в первом случае между соответствующими вещами происходят определенные материальные (или если это в сфере сознания – психические) процессы, так что соответствующие вещи соединяются друг с другом какими-то своими сторонами, между тем как в случае чистых отношений соотносящиеся свойства остаются в пределах вещей, не вступающих в непосредственное материальное взаимодействие" (9, с.62). Таким образом, в данном случае взаимодействие и связь противопоставляются чистым отношениям, которые автор определяет как "своего рода реальные противостояния вещей, которые могут мыслиться лишь на основе самих противостоящих вещей с их конкретными свойствами" (9, с.65). Вместе с тем чистые отношения могут быть истолкованы и как бесчисленные реальные возможности возникновения определенных свя-

зей и взаимодействий между соответствующими вещами при появлении надлежащих условий. Такое понимание сущности чистых отношений предполагает их объективный характер, что, однако, не является основанием для утверждения об особой "надвещественной" реальности отношений, являющегося основной философской посылкой структурального направления в языкознании или по крайней мере таких его течений, как соссюрианство, глоссематика, дескриптивная лингвистика (15, с.63).

В языке, отражающем объективную действительность, находят свое выражение связи и отношения между предметами и явлениями окружающего мира. Нашим сознанием, пишет Р.М. Гайсина, выделяются, абстрагируются и отражаются в качестве компонентов смысла (релятивных сем) разнообразные отношения: отношения между предметами и явлениями окружающей действительности (отношения равенства, подобия, соответствия, классификационные отношения, отношения обусловленности, пространственные, временные, причинно-следственные, целевые, условные и тому подобные отношения), отношения человека к различным реалиям (например, отношения обладания, принадлежности, эмоциональные, рациональные отношения различного рода), отношения, существующие между людьми, и т.д. Понятие отношения характеризуется всеобщностью, оно пронизывает все уровни языка и в той или иной мере характеризует абсолютное большинство единиц каждого уровня (5, с.9-10).

На морфологическом уровне отношения объективной действительности отражены в реляционных значениях различных морфологических форм и категорий, на словообразовательном — в значении некоторых словообразовательных аффиксов. В лексическом значении слов также представлены самые разнообразные типы отношений: в одних случаях отношение является объектом прямого наименования, в других определяется как основной (или один из нескольких существенных) признак называемого предмета. В некоторых лексических значениях отношение может быть представлено как сопутствующий признак предмета. Отношения объективной действительности, находя свое отражение в лексических зна-

чениях слов, получают статус особого семантического компонента — лексической релятивной семы. На синтаксическом уровне выражаются наиболее общие отношения объективной действительности. Отношения между предметами, явлениями, событиями объективной действительности представлены на синтаксическом уровне как отношения между словами в составе простых предложений, как отношения между частями сложных предложений, как отношения между предложениями в контексте (5, с.172).

Характер синтаксических отношений в предложении и его синтаксическое построение во многом обусловлены особенностями структуры суждения как формы мысли, выражаемой предложением. Как отмечает В.З.Панфилов, существуют два уровня структуры суждения: субъектно-предикатная структура и его структура как пропозиционной функции. "Каждая из этих структур мысли обусловлена одной из объективно присущих ей сторон, а именно: если суждение как пропозициональная функция фиксирует ту или иную объективную ситуацию, образуемую какими-либо объектами в их отношениях, то субъектно-предикатная структура обусловлена направленностью, ходом познания данной ситуации" (14, с.128). Лингвистическим подтверждением факта наличия двух уровней структуры суждения может служить то обстоятельство, что в составе предложения определенными языковыми средствами фиксируется и структура суждения как пропозициональной функции и его субъектно-предикатная структура, благодаря чему предложение и имеет два уровня членения — синтаксический и логико-грамматический. Синтаксическое членение коррелирует со структурой суждения как пропозициональной функции, однако между этими двумя видами структур нет взаимоднозначного соответствия. Так, в синтаксической структуре предложения наряду с подлежащим, дополнениями (прямым и косвенным) и сказуемым выделяются и такие второстепенные члены предложения, как определения и несубстантивные обстоятельства, которые сами по себе в отдельности не выражают каких-либо компонентов суждения как пропозициональной функции, т.е. предиката и его аргументов, а входят в состав синтаксических групп

(подлежащего, сказуемого, дополнения), выражающих последнее. В отличие от этого, логико-грамматическое членение предложения изоморфно субъектно-предикатной структуре мысли, выражаемой предложением. Логико-грамматическое членение предложения и есть субъектно-предикатная структура мысли, компоненты которой маркированы определенными формальными языковыми средствами, варьирующими до известной степени от языка к языку. Набор этих грамматических средств лишь отчасти совпадает с теми средствами, которые используются на синтаксическом уровне членения (14, с.135).

В языках самых различных типов осуществляется постоянное взаимодействие двух уровней структуры предложения – синтаксического и логико-грамматического. "В процессе такого взаимодействия, – отмечает В.З.Панфилов, – находят свое разрешение противоречивые тенденции, обусловленные необходимостью маркирования двух уровней структуры суждения – его субъектно-предикатной структуры и его структуры как пропозициональной функции. Степень автономности каждого из уровней членения предложения различна в языках различных типов. В этой связи можно говорить и о различной степени их противопоставленности, что связано с характером тех формальных средств, которые вырабатываются в каждом языке в целях маркирования компонентов каждого из уровней членения" (14, с.145).

Основным отношением логико-грамматического уровня, лежащим в основе любого предложения является предикативное отношение. Как подчеркивал И.И.Мещанинов, "субъект и предикат выступают во всех языках так же, как и члены предложения. И те, и другие включаются в общеязыковой субстрат, но различаются в нем по вкладываемому в них содержанию и по тому назначению, с которым они выступают в языках различных систем. Члены предложения выделяются как грамматические категории синтаксического назначения. С ними соединяются субъект и предикат, образующие логико-грамматические (понятийные) категории, используемые языковым строем. Они устанавливают в нем субъектные и предикативные отношения, получающие грам-

матическую форму в соответствующих членах предложения" (10, с.6). Каждое законченное высказывание строится на предикативных отношениях. Они передаются сочетанием субъекта и предиката даже тогда, когда один из них не получает соответствующей грамматической формы. Пропуск соответствующего члена предложения не нарушает передаваемых отношений. Предикативные отношения могут сосредоточиваться в одной лексической единице без грамматического выражения субъекта или предиката, если один из них восстанавливается из контекста (10).

П.В.Чесноков, анализируя понятие предикативности, выделяет две точки зрения на данную категорию. Согласно одной точке зрения, значение и назначение общей категории предикативности заключается в отнесении содержания предложения к действительности. При этом признается, что предикативность не всегда выражается в предикативной связи между частями или членами предложения, что она может быть присуща предложению в целом и не вызывать его расчленения. Согласно второй точке зрения, предикативность – это сказуемостное свойство или отношение, т.е. то, что делает сказуемое сказуемым. Иначе говоря, предикативность рассматривается как особого рода отношение между компонентами предложения, возникающее благодаря своеобразной противопоставленности одного компонента (сказуемого или подобного ему по функции элемента структуры) другому. По мнению П.В.Чеснокова, каждая из этих точек зрения отражает реальную предикативность только с одной стороны: первая касается содержания предикативности, вторая – ее формы (21, с.173). Предикативность как единство содержания и формы определяется в работе как "наименьший акт соотнесения мысли с действительностью". Поскольку этот акт осуществляется в пределах так называемого простого предложения, предикативность представляет собой его важнейший отличительный признак. Соотнесение содержания с действительностью, отмечает П.В.Чесноков, т.е. осознанное указание на то, что выражаемая мысль относится к предмету действительности, раскрытие этого отношения свойственно лишь предложению, через семанти-

ческую структуру которого и осуществляется акт отнесения. В содержании предложения выделяются два компонента. Один из них, заключающий в себе то, что должно быть соотносено с предметом действительности, противопоставляется другому так, как будто он противопоставляется самому предмету. В результате второй компонент воспринимается как представитель (заместитель) предмета в мысли, как его идеальный двойник, а первый компонент мыслится как соотносённый с самим предметом. Первый компонент (семантический предикат) обычно объединяет в себе содержание сказуемого и зависимых от него слов, второй – содержание подлежащего и слов, подчинённых ему (семантический субъект), противопоставление которых принято называть предикативным отношением. Компоненты семантической структуры могут быть иметь соответствия в материальной структуре, возможны также случаи, когда один из компонентов семантической структуры не находит воплощения в материальной структуре. При этом невербализованным оказывается семантический субъект (21, с.175).

Предикативность, отмечает В.З.Панфилов, есть и свойство мысли, и, в той мере, в какой она имеет определённые языковые показатели, свойство предложения, выражающего эту мысль. Мысль и языковая единица, ее выражающая, приобретают свойство предикативности, поскольку осуществляется акт ее отнесения к действительности. Но так как этот акт отнесения включается в субъективную сторону познавательного процесса, направленного на ту или иную ситуацию, предикативность оказывается принадлежностью мысли на уровне ее субъектно-предикатной структуры и, соответственно, на уровне логико-грамматического членения предложения. На уровне синтаксического членения предложения, в отличие от этого, функционирует не категория предикативности, а категория сказуемости, определяемая как свойство сказуемого, являющегося наряду с подлежащим организующим центром предложения и характеризующегося в каждом языке определёнными грамматическими признаками. Предикативность свойственна всем типам предложения, в том числе и тем, которые не имеют логико-грамматического членения. В пред-

ложениях, имеющих логико-грамматическое членение, предикативность осуществляется в предикативном отношении, т.е. в отношении между логико-грамматическим субъектом и предикатом. В отличие от этого сказуемость свойственна только тем типам предложения, в которых выделяется сказуемое как член предложения. Наряду с этим автор считает целесообразным выделять сказуемостное отношение, свойственное двусоставным предложением, в котором реализуется сказуемость. Таким образом, если предикативное отношение есть принадлежность логико-грамматического уровня, то сказуемостное отношение характеризует синтаксическое членение предложения. Если в предложениях не совпадают логико-грамматическое и синтаксическое членение, расходятся также предикативное и сказуемостное отношение (14, с.153-154).

Иногда как предикативное квалифицируют отношения между компонентами актуального членения, т.е. отношения между частью предложения, заключающей в себе исходное содержание, и частью вводящей новую информацию, полагая, что только это отношение формирует предложение как коммуникативную единицу. "На самом деле, — пишет П.В.Чесноков, — предикативная основа порождает идею соотнесения, актуальное членение распространяет идею соотнесения с действительностью на все содержание предложения, определяет порядок его отнесения к объективному миру. Только взаимодействие предикативной основы и актуального членения позволяет соотнести с действительностью содержание предложения в целом" (21, с.177).

Актуальное членение является необходимым свойством любого предложения, оно связано с установлением особого соотношения, между компонентами его состава, которым определяется коммуникативная перспектива в разворачивании высказываемого сообщения. Обычно в предложении вычленяются и противоплагаются друг другу по их функциональному назначению два основных компонента: один из них обозначает исходное в сообщении, другой содержит наиболее существенное — то, ради чего высказывание вообще состоялось. Данное отношение обозначается как отно-

шение темы и ремы (К.Боост), данного и нового (К.Г.Крушельницкая), основы высказывания и предсказуемой части (И.П.Распопов). Расчленение указанных компонентов и устанавливаемые между ними отношения зависят от определенного коммуникативного задания, что особенно ясно и непосредственно обнаруживается в вопросно-ответной форме диалога. В условиях монологической речи для выявления того, какое коммуникативное задание раскрывается данным предложением и каково, следовательно, его актуальное членение, существенную роль играет наличие определенных смысловых связей этого предложения с тем речевым целым, в состав которого оно входит (18).

Актуальное членение предложения складывается на базе его синтаксического членения. Поэтому соотношение компонентов актуального членения, их состав и функции во многом предопределены наличным составом и строением соответствующих синтаксических конструкций. "Назначение грамматического членения состоит в том и только в том, что оно в конструктивных связях словесных форм отражает объективно существующие (и, разумеется, обобщенно познанные) отношения между предметами, явлениями, признаками реальной действительности, представляя, так сказать, только в предварительной обработке тот материал мысли, который затем целенаправленно организуется благодаря актуальному членению" (18, с.29).

Основу синтаксического уровня структуры предложения составляют смысловые отношения между компонентами синтаксических единиц (словосочетания, предложения, сложного предложения), которые формально выявлены, объективированы синтаксической связью между ними. Поэтому синтаксическая связь, т.е. формальные, строевые отношения между компонентами синтаксических единиц, выявляющие смысловые отношения и выраженные средствами языка, составляют исходное и фундаментальное понятие синтаксиса (4, с.16).

Характеризуя синтаксические отношения между членами предложения и синтаксическими группировками, И.И.Мещанинов отмечал, что "смысл самого высказывания устанавливает между словами предложения синтаксические связи, благодаря чему слова входят друг с другом в синтакси-

ческие отношения, что и получает свое формальное выражение в синтаксических приемах" (11, с.128).

Наиболее общими видами связи между синтаксическими единицами традиционно считаются сочинение и подчинение. Однако критерии, в соответствии с которыми выделяются и отграничиваются два данных вида синтаксической связи, у разных авторов различны. По мнению В.А.Белашапковой (4), в сфере синтаксических связей следует различать два уровня: 1) уровень связи между словом и формой слова; а также связи между формами слов и 2) уровень связи предложения, включающий в себя связи в сложном предложении. Наиболее общей и последовательной оппозицией, которая может быть использована при анализе всех видов связи, является, по мнению автора, противопоставление сочинительной и подчинительной связи. Сочинение и подчинение противопостоят друг другу по признаку наличия (отсутствия) детерминации, т.е. формально-строковых отношений определяемого и определяющего, главного и зависимого компонентов. При подчинении эти отношения есть, и роль компонентов в создании конструкции различна, следовательно, они разнофункциональны, при сочинении их нет, и компоненты однофункциональны. Следует, однако, подчеркнуть, что однофункциональность компонентов, свойственная сочинительной связи, предполагает не их однооформленность, а обязательную семантическую одноплановость. Сочинительная и подчинительная связи различаются также средствами выражения. Средства выражения сочинительной связи одинаковы на разных уровнях, в то время как средства выражения подчинительной связи на уровне связи формы слова существенно отличаются от средств выражения подчинения на уровне связи предложения. В рамках сочинительной связи в соответствии с признаком открытости/закрытости автор различает открытую и закрытую сочинительную связь. Данные виды сочинительной связи противопоставляются не только по числу компонентов (два – в случае закрытой сочинительной связи, неопределенное количество – при открытой сочинительной связи), но и по характеру смысловых отношений, которые они выявляют, а также по средствам их выражения.

Наличие у закрытой сочинительной связи общих черт с подчинительной связью (двухкомпонентность и место (морфемно) выраженного показателя связи) позволило автору построить несколько отличающуюся от традиционной оппозицию основных видов синтаксической связи: открытая сочинительная связь/закрытая сочинительная связь, подчинительная связь (4, с.26).

Рассматривая основные виды синтаксической связи как отражение основных семантических типов отношений (между объектами действительности) – отношений однородности, и, неоднородности и недифференцированности, В.Г.Гак выделяет три основных типа связи: сочинение, подчинение и соположение. Соположение рассматривается в работе не как формальный вариант сочинения или подчинения, но как особый тип связи, назначение которого состоит в выражении недифференцированной связи, уточняемой только в контексте. Для разграничения сочинения и подчинения используются следующие критерии: 1. равноправие/неравноправие элементов связи (семантический критерий) и 2) структурные критерии: а) функциональное тождество–нетождество элементов; б) возможность/невозможность редукции компонента; в) обратимость/необратимость сочетания; г) открытость/закрытость ряда; д) включенность/невключенность показателя отношений в состав компонентов связи. В качестве наиболее отвлеченной по значению формы связи автор рассматривает соположение, в качестве более определенной – сочинение, самой конкретной – подчинение (6, с.36 и далее). На уровне сложного предложения оппозиция сочинение/подчинение представляется как типы связи, отражающие самые общие логические отношения между процессами: сочинение отражает отношения конъюнкции, дизъюнкции, импликации, отрицания импликации, подчинение отражает логические отношения условия, уступки, причины, времени (обстоятельственные придаточные предложения), характеристики в широком смысле (дополнительные и относительные придаточные). Как и всякие другие семантические разграничения, отмечает автор, данные различия не абсолютны. Между двумя типами отношений имеются промежуточные явления, сложносочиненные

предложения могут употребляться в значении сложноподчиненных и наоборот. Внутри сложноподчиненного предложения главная часть не всегда описывает основной процесс, а придаточная – второстепенный (6, с.192).

Именно наличие такого рода размытых границ между сочинением и подчинением позволяет сделать предположение о сходстве рассматриваемых понятий. "Между сочинением и подчинением, – отмечает Ю.А.Левицкий, – существует глубокая внутренняя связь – логически любое сочинение представляет собой соподчинение двух понятий некоторому третьему" (7, с.70). Различие между подчинением и сочинением в плане логики заключается в том, что в первом случае имеет место явно выраженное подчинение одного понятия другому, а во втором – не выраженное явно подчинение двух понятий третьему. Иначе говоря, в первом случае устанавливается вполне определенное отношение между двумя понятиями, тогда как во втором указывается лишь на наличие связи между двумя понятиями без специального уточнения ее характера. Языковой формой выражения логических связей между событиями (конъюнкции, дизъюнкции и импликации) и является сочинение и подчинение. Сочинение выражает связь между параллельными или последовательными событиями, а подчинение – определенный тип отношений между ними, маркируя определенным образом предыдущий и последующий элементы этого отношения. Конъюнкции и дизъюнкции соответствует в языковом плане сочинение, импликации – главным образом подчинение. Автор различает два типа сочинения – конъюнктивное и импlicative. Во втором случае происходит нейтрализация некоторых различий между сочинением и подчинением. Сочинение и подчинение соответствуют разным аспектам человеческого познания: конъюнктивное сочинение – процессам сопоставления и противопоставления, импlicative сочинение – процессу наблюдения, описания событий, подчинение – процессу обобщения и вывода (7, с.18). Автор выделяет следующие особенности сочинения и подчинения в рамках сложного предложения. В сложноподчиненном предложении подчиненный компонент замещает одну из валентностей главного предложения, в то время как компоненты сложносочиненного предложения

не связаны друг с другом валентностными отношениями. Вследствие зависимости одного из компонентов сложноподчиненное предложение не может иметь симметричной структуры. Сложносочиненные предложения могут быть как симметричными, так и асимметричными. Симметричность сложносочиненного предложения проявляется в виде синтаксического параллелизма структур его компонентов. Компоненты сложноподчиненного предложения могут быть обратимыми без изменения общего содержания предложения. Среди сложносочиненных предложений встречаются как обратимые, так и необратимые. При обращении сложноподчиненного предложения зависимый компонент (придаточное предложение) перемещается вместе с союзом, в обратимых сложносочиненных предложениях компоненты перемещаются относительно союза. Различие между подчинением и сочинением внутри простого предложения заключается, как отмечает Ю.А.Левицкий, в следующем. При подчинении зависимое слово всегда заполняет одну из свободных валентностей главного, т.е. два связываемых компонента занимают различные синтаксические позиции. При сочинении однородные члены предложения повторяют одну и ту же валентность, занимают одну и ту же синтаксическую позицию (7, с.38–39).

Разнородность критериев, служащих для выделения и разграничения сочинения и подчинения, неразработанность семантической характеристики данных синтаксических связей, наличие случаев асимметрии в ее использовании послужило основанием ряду исследователей поставить под сомнение обоснованность выделения сочинительных и подчинительных отношений в качестве единственно возможных отношений между синтаксическими единицами. Так, Н.П.Романова (17), анализируя сочинительные и подчинительные союзы, которые обычно определяют типы сложных предложений, приходит к выводу о том, что в трактовке понятий "сочинение" и "подчинение" над лингвистами тяготеет дань традиции. Эти понятия оказываются как бы заданными *a priori*, что заставляет исследователя искать непротиворечивые критерии для подтверждения данной оппозиции, при этом часто оказывается, что если выделен признак, кото-

рый можно как-то уточнить, лингвистически измерить, он делит союзы на группы, не совпадающие с традиционными. Эти признаки (фонетическая неполноценность, способность соединять однородные члены, позиционная подвижность) делят союзы по формальному признаку, не имеющему ничего общего с семантикой, содержащейся в термине "подчинение" и отраженно противопоставленной в термине "сочинение". Такой путь классификации отношений должен привести, по мнению автора, к отказу от понятий "сочинение" и "подчинение" применительно к союзам, что в свою очередь должно отразиться и в терминологии. Так, в зависимости от формальных критериев, положенных в основу классификации, можно говорить о противопоставленности "позиционно закрепленных" и "подвижных" союзов, "монофункциональных" (соединяющих только части сложного предложения), "бифункциональных" и "полифункциональных" союзах. Не отрицая в принципе наличие семантического различия, выражающегося в терминах "сочинение" и "подчинение", автор считает, что это различие не обосновано в достаточной мере с синтаксической точки зрения (17, с.10).

Один из примеров классификации типов синтаксических связей на основании единого формального критерия представлен в работе (19). В качестве дифференциального признака берется направление синтаксической зависимости. Последовательно применяя этот формальный критерий к анализу различных типов связи, авторы выделяют на уровне связи членов предложения трехчленную оппозицию: двусторонняя зависимость (взаимосвязь), предикативная связь/односторонняя, т.е. однаправленная зависимость (подчиненная связь)/отсутствие зависимости (сочинительная связь). В данной трехчленной системе, построенной по принципу направления зависимости, один член оппозиции выступает как член с нулевым направлением (19).

Основную роль в построении предложения играет подчинительная связь, которая целиком пронизывает и объединяет все компоненты предложения. Как отмечает И.П.Распопов, данный вид связи по своему характеру и направлению далеко не единообразен. Выделяются по крайней мере четы-

ре его разновидности: субординация, координация, тяготение и аппликация. Субординация определяется как прямая и односторонняя направленная связь между подчиняющим и подчиненным компонентами предложения, которая обеспечивает прежде всего парные сцепления слов – словосочетаний. В отличие от субординации координация представляет собой взаимонаправленное подчинение соответствующих словоформ (например, связь между местоименным подлежащим и глагольным сказуемым). Под тяготением понимается такая разновидность подчинительной связи, которая выражает семантически обусловленное стремление одного из компонентов синтаксической конструкции соотносить свое содержание с другим компонентом через посредничество третьего компонента, с которым они оба также находятся в определенной связи (ср. связь между деепричастием и именем в функции подлежащего, устанавливаемая наряду с прямым подчинением деепричастия личному глаголу в функции сказуемого). Аппликация рассматривается как обособление приложения в широком смысле слова. Применительно к подчинительной связи различают три основных способа ее реализации: согласование, управление и примыкание. "Все отмеченные виды и способы конструктивных связей словесных форм, – пишет И.П.Распопов, – обеспечивают широкие возможности выражения в структуре предложения самых разнообразных отношений между ними и в конечном счете служат для того, чтобы так или иначе организовать интеллектуальное содержание предложения. Именно благодаря этим связям отдельные словесные формы, входящие в состав предложения, приобретают функции его грамматических членов" (18, с.48). Определение основных членов предложения дается автором при учете следующих моментов: 1) вида и способа связи членов предложения с подчиняющими их словами; 2) принадлежность слов, которым они подчинены, к определенным лексико-грамматическим классам; 3) выражаемых ими и детерминированных в языке отношений реальной действительности (18, с.65).

В ряду подчинительных отношений простого предложения центральное место отводится сказуемому отношению.

“Сказуемое отношение, — пишет В.Г.Адмони, — в своем классическом виде образуется между именительным падежом, выступающим в предложении как производитель действия, носитель состояния, вообще источник какого-то процесса и спрягаемой формой глагола, которая выражает этот процесс” (3). Принципиальным различием между сказуемым отношением и другими подчинительными синтаксическими отношениями в рамках элементарного предложения является обязательная сочетаемость обоих компонентов (подлежащего и сказуемого) по отношению друг к другу. Во всех остальных случаях подчинительных отношений один из сочетающихся компонентов (зависимый) обладает обязательной сочетаемостью по отношению к господствующему члену, между тем как господствующий член характеризуется лишь факультативной сочетаемостью по отношению к зависимому компоненту. Особая и решающая роль сказуемым отношения — это организация элементарного предложения, а также построение других синтаксических образований. В качестве других подчинительных грамматических отношений В.Г.Адмони выделяет объективное, обстоятельственное, модальное и атрибутивное отношения. Обобщенное грамматическое значение объектного отношения состоит в направленности действия на предмет — в направленности, выступающей в различных формах, начиная от непосредственного воздействия и кончая установлением какого-либо соотношения между действием и предметом или приближением к предмету. В зависимости от вида действия на предмет различаются прямое и косвенное дополнения. Синтаксическое отношение транзитивных глаголов неполной предикации и объектов по формальным признакам сходно с предикативным отношением, однако в отличие от него господствующий компонент этого отношения, транзитивный глагол по своему морфологическому характеру сам не является независимым компонентом предложения, между тем как номинативное подлежащее является таковым и получает свою обязательную сочетаемость со сказуемым лишь на базе своей специфической позиции в предложении. Обстоятельные отношения образуются между сказуемым глаголом и наречием, предложной группой или (в ред-

ких случаях) косвенным падежом, выражая связь между процессом и его признаком. обстоятельство обладает обязательной сочетаемостью, направленной к глаголу, но глагол, за исключением небольшого числа глаголов неполной предикации со значением "нахождение где-либо" обладает лишь факультативной сочетаемостью, направленной к обстоятельству. При глаголах неполной предикации обстоятельство становится членом расширенного сказуемого. Атрибутивное отношение – отношение между существительным и грамматически зависимым от него словом – выражает связь между предметом (вообще предметным понятием в широком смысле этого слова) и его признаком. Данное отношение является неравноправным: определение связано с определяемым обязательной сочетаемостью, а определяемое с определением – факультативной сочетаемостью.

Помимо этих традиционных логико-грамматических видов отношений автор выделяет также модальное отношение, определяемое как отношение модального члена предложения (может быть, вероятно) к связи между подлежащим и сказуемым, в чем выражается даваемая говорящим оценка реальности сказуемого отношения. Но непосредственно как модальный член предложения, так и отрицание, выступающее в этой функции, относятся к глаголу. Основное различие между модальным и обстоятельственным отношениями состоит в том, что модальное отношение не связывает процесс с его признаком, внешним или внутренним, а выражает определенную установку говорящего по отношению к связи между процессом (или предметом, или свойством) и его признаком. Тем самым модальное отношение следует отнести к коммуникативно-грамматическим категориям. Отрицание автор рассматривает как один из модальных членов предложения, а отношение, существующее между ним и глаголом (или другим компонентом предложения), как отношение модальное.

Оформление существующих в предложении связей и отношений может осуществляться с помощью различных синтаксических средств. Как отмечал И.И.Мещанинов, отдельные языки обладают разнообразными синтаксическими при-

емами, служащими для разделения и соединения частей предложения. В качестве таких приемов выделяются инкорпорирование (полное и частичное), синтетизм, согласование, замыкание, примыкание, управление, сепаратизация, локализация, ритмические группы и синтагмы и интонация. Каждая отдельная языковая система, подчеркивал И.И.Мещанинов, делает основной упор на использование тех или иных синтаксических приемов, при помощи которых проводится построение самого предложения. Составные части предложения входят друг с другом в синтаксические отношения, и в зависимости от синтаксической значимости этих слагаемых частей различаются виды синтаксических отношений. Одни из них прослеживаются между самостоятельными по своему смысловому значению членами предложений, другие – между словами, группирующимися вокруг одного из членов, оказывающегося ведущим по отношению к зависимым от него членам. Таким образом, и сами синтаксические приемы, проводящие указанные синтаксические отношения, приобретают различную значимость. Так, полное инкорпорирование, синтетизм, сепаратизация (обособление в широком понимании этого слова), локализация (местоположение) и интонация применяются в построении всего предложения, тогда как частичное инкорпорирование, замыкание, согласование, управление, примыкание используются только в оформлении отдельных синтаксических групп внутри предложения. "Если ко всем перечисленным приемам подойти с их оценкой со стороны различных функций выражения синтаксических отношений между самостоятельно выступающими членами предложения и внутри зависимых группировок, – пишет И.И.Мещанинов, – то получится довольно выдержанная схема распределения самих синтаксических приемов по их синтаксическим назначениям: 1) полное инкорпорирование (слияние) оформляет все предложение, частичное – его внутреннее членение; 2) синтетизм (связывание) – все предложение, согласование – его зависимые члены; 3) сепаратизация оформляет выделяемые члены предложения; управление – слова, зависимые от других членов предложения; 4) локализация охватывает все слова предложения, примыкание применяется только внутри его членений, 5) интонация дей-

ствуется во всем предложении, синтагма выделяет его объединяющие части. Что касается синтаксического приема замыкания, то функция его совпадает с функцией частичного инкорпорирования. Оба они выделяют наличное в языке членение предложения, оформляя объединяемую группировку слов" (11, с.129).

х

х

х

Категория отношения носит универсальный характер, пронизывая все языковые уровни, и в той или иной степени характеризует большинство единиц каждого уровня.

Анализ работ советских лингвистов, опубликованных в последнее время и посвященных исследованию синтаксических связей и отношений, показывает, что категория отношения в ее синтаксическом выражении рассматривается на двух уровнях структуры предложения: логико-грамматическом и синтаксическом. Интересным в этой связи представляется рассмотрение соотношения данных уровней в их взаимосвязи, что позволит выявить некоторые общие принципы проявления исследуемой категории как в языковой структуре, так и в ее реальном функционировании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.20, с.5-338.
2. Ленин В.И. Философские тетради. — Полн. собр. соч., т.29, с.1-782.
3. Адмони В.Г. Синтаксис немецкого языка. Система отношений и система построения /АН СССР. Ин-т языкознания. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. — 366 с.
4. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. — М.: Высш. шк., 1977. — 248 с.
5. Гайсина Р.М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1981. — 195 с. — Библиогр.: с.184-194.
6. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка: Синтаксис.—М.: Высш.шк., 1981. — 208 с. — Библиогр.: с.208.

7. Левицкий Ю.А. Проблемы сочинения /Перм. гос. ун-т им. А.И.Горького. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1980. – 81 с.
8. Материалистическая диалектика: Законы и категории /Митин М.Б., Шептулин А.П., Ляхова Л.Н. и др.; Редкол.: Шептулин А.П. (отв.ред.) и др.; АН СССР. Ин-т философии, АН УзССР. Ин-т философии и права им.И.М.Муминова. – Ташкент: Фан, 1982. – 343 с.
9. Мельничук А.С. Понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма. – В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970, с.38–69.
10. Мещанинов И.И. Структура предложения /АН СССР. Науч. совет по теории сов. языкознания при Отд-нии лит. и яз.-М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 104 с. – (Вопр. теории языкознания; Вып. 1).
11. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи /АН СССР. Отд-ние лит. и яз. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. – 387 с.
12. Мигирин В.Н. Марксистско-ленинская методология и лингвистика: Эвристич. и конструктив. возможности марксистско-ленинской методол. в языкознании. – Кишинев: Штиинца, 1974. – 138 с.
13. Отношение. – В кн.: Философский словарь. – 4-е изд. М., 1981, с.268–269.
14. Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания /АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1982. – 357 с. – (Пробл. марксистско-ленинского языкознания).
15. Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания: Гносеол. аспекты /АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1977. – 287 с.
16. Райбекас А.Я. Вещь, свойство, отношение как философские категории. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. – 242 с.
17. Романова Н.Л. О границах между сочинительными и подчинительными союзами: (На основе анализа понятий сочинения и подчинения). – В кн.: Аналитические средства связи в полипредикативных конструкциях. Новосибирск, 1980, с.9–13.

18. Распопов И.П. Структура простого предложения в современном русском языке. — М.: Просвещение, 1970. — 191 с. — Библиогр.: с.186–190.
19. Синтаксис словосполучення і простого речення: (Синтаксичні категорії і зв'язки) /Редкол.: Жовтобрюх М.А. відп. ред.); АН УРСР. Ін-т мовознавства ім О.О.Потебні, — Київ: Наук думка, 1975. — 222 с.
20. Философские основы зарубежных направлений в языкознании /Отв. ред. Панфилов В.З.; АН СССР. Ин-т языкознания. — М.: Наука, 1977. — 294 с.
21. Чесноков П.В. О предикативности как свойстве предложения. — В кн.: Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975, с.171–178.

МИРИАНАШВИЛИ М.Г.
РЕЧЕВОЙ РИТМ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПРОЯВЛЕНИЯ
ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ

Проблема ритма была предметом пристального внимания мыслителей и исследователей всех эпох. Она рассматривалась в концепциях и доктринах ученых со времен античности до настоящих дней.

Ритм всегда считался одним из универсальных принципов структурирования явления или объекта в различных формах движения материи. Необходимо отметить, что в исследованиях ученых разных эпох и направлений, посвященных изучению форм проявления ритмических закономерностей, наблюдаются разноречивые толкования природы ритма. На данном этапе состояния проблемы нам представляется своевременной дальнейшая разработка более обобщенного понятия о ритме на базе методологических основ марксистско-ленинской философии и знаний, накопленных в разных областях науки о ритме. Для достижения этой цели необходимо установление более тесных связей между теориями отдельных наук о ритме и соотнесение этих теорий с законами марксистской диалектики.

Существующие в окружающей действительности последовательные и повторяющиеся явления уже заставляли мыслителей древности воспринимать их как упорядоченные во времени и пространстве процессы (3,8,14,33). В силу повторяемости и цикличности явлений в человеческом мышлении постепенно зарождались некоторые первоначальные представления о ритме,

которые стали проявляться в синкретических действиях человека: гриединство музыки, пения и пластических движений повседневно сопровождали человека в быту и служили отражением его жизненно важной производственно-практической деятельности (война, охота, рыбная ловля или повторение тех же действий в игровой форме – игры-танцы) (43, 44, 45). Упорядоченные чередования пластических движений в сопровождении пения уже выражали смутное представление о ритме, заложенное в человеке, как о закономерном процессе повторяющейся периодичности.

Представления о ритме формировались и развивались в древнеиндийской, древнекитайской и древнегреческой философиях. Религиозные корни, заложенные в объяснении всех явлений у древнеиндийских и древнекитайских философов, исключили возможность поставить теорию о ритме на научную основу (18, 37, 42). Учение о цикличности процессов во Вселенной у древних греков содержало гораздо более рациональное зерно (3, 9, 14, 18). Во-первых, основоположниками самого понятия ритма являются древние греки. Великий древнегреческий философ Демокрит, который считается наиболее ярким представителем античного материализма, в своих прогрессивных и революционных, неприемлемых для науки той эпохи взглядах на сущность природы, уже рассматривал вопрос о характере ритма на материалистической основе. Во-вторых, великие умы Древней Греции, как сторонники материализма (Демокрит, Гераклит, в некоторых вопросах Аристотель и др.) (8, 14, 18, 24), так и его противники (пифагорейцы, Платон и др.) (18, 31, 33, 34) непосредственно связывали понятие о ритме с диалектикой: чередование определенных элементов, образующих гармонию бытия, связывалось в античной философии с мировым ритмом.

В исследованиях средневековых ученых ритм рассматривался как структурная основа, объединяющая объект во времени и пространстве.

Проблема ритма интересовала и представителей классической немецкой философии. Немецкие идеалисты конца XVIII – начала XIX столетия, отмечая, что основой ритмического развития является внутренняя противоречивость самого изучаемо-

го явления, не сумели применить его для изучения природы или истории развития человеческого общества.

Гегель в своей философии выдвигает положение о том, что сущность диалектического метода экиднется на ритме. Но диалектика Гегеля является составной частью его идеалистической системы, что и не позволило применить развитое им понимание ритма к явлениям природы и общества (13).

Вопрос о ритме нашел свое отражение и в произведениях классиков марксизма-ленинизма. К.Маркс в "Капитале", как и в других своих более ранних работах, поставив социологию на научную основу, открыл закон ритмического развития истории (1).

Ф.Энгельс в "Диалектике природы" (2), рассмотрев вопрос о развитии материи как процессе, осуществляющемся по восходящей линии, обратил внимание на ритмический характер структуры объекта.

Признание, с одной стороны, ритмического характера развития материи, а с другой – развития материи во времени и пространстве побудило некоторых современных представителей марксистско-ленинской философии рассматривать ритм исключительно как процесс во времени и пространстве. Я.Ф.Аскин, например, рассматривает ритм "как специфический тип временной структуры" (10, с.70), который может выступать и в пространственном аспекте "как выражение определенной повторяемости одновременно существующих элементов" (10, с.158). Как и всякая структура, ритм выражает единство изменения и постоянства, однако, возможно, в большей степени, чем любая другая структура. В силу того что ритмичность характеризует определенный порядок во временной последовательности, Я.Ф.Аскин рассматривает ее как "частный и важный случай временной последовательности" (10). Кроме последовательности, ритм характеризуется также длительностью, будучи связан с чередованием фаз различной продолжительности существования. Периодический характер материальных процессов обобщается понятием "ритм". В то время как необратимость процесса развития обусловлена необратимостью течения времени, ритм указывает на повторяемость развития. По утверждению Я.Ф.Аскина, основой временной ритмичности является односторонность течения времени.

Ритмичность выступает также как характеристика, которая раскрывает значение времени в процессах развития. Временной ритм есть "тип связи событий (закон) в процессе развития" (10, с.72), который определяет также меру времени.

Соглашаясь с тем положением, что временной аспект движения материи сравнительно с пространственным более глубоко выражает существенные черты развития материальных систем, В.Е.Комаров (23) считает структуру пространственного аспекта необязательно стабильной, консервативной. Она меняется в соответствии с определенными периодами развития структурных связей элементов данной системы. "Пространственные ритмы могут иметь как статическую, так и динамическую природу в зависимости от соответствующего характера изучаемых систем" (22). Существенной особенностью динамических свойств пространственных ритмов автор считает такой характер повторяемости элементов структуры, который меняется с течением времени (22).

Анализируя специфический характер проявления пространственных и временных ритмов, В.Е.Комаров подчеркивает их связь и взаимообусловленность. Временные ритмы действуют в порядке чередующейся последовательности, отражая структуру последовательности изменений. Пространственные ритмы как важная форма сосуществования материальных систем характеризуются устойчивой периодичностью в организации элементов этих систем.

Понятие ритмичности часто отождествляется с равномерным чередованием определенных элементов. Равномерностью характеризуется ритм при условии неизменности закона, лежащего в основе данного явления. В этом смысле ритмичность выступает как характеристика относительной стабильности и устойчивости процессов развития.

Уже в период своего возникновения идея ритма содержала мысль о его организующей роли: ритм объединяет отдельные элементы процесса развития в единое целое (23).

В рамках закона (22, с.72) можно рассматривать не только тип связи событий временного ритма в формах движения материи. В.Е.Комаров, например, разрабатывает вопрос о соотношении ритма вообще с основными законами и категориями

диалектики (22, 23). Тот факт, что ритм представляет собой устойчивое, закономерное повторение тех или иных связей и соотношений в пространственно-временной организации движущейся материи, автор уже считает основанием для признания определенной связи и соответствия ритма с законом. Отмечая противоречивый характер ритма, В.Е.Комаров рассматривает ритм как единство и борьбу двух противоположных тенденций. Первая тенденция, которая выражается в повторяемости периодов ритма, характеризуется сохранением свойств объекта, повторяющихся через определенные интервалы времени с той или иной степенью идентичности. Вторая тенденция в проявлении ритма заключается в направленности ритмически организованного процесса, выражающегося в приобретении каждым периодом ритма новых качественных связей в своей структуре, которые в совокупности создают необратимые изменения в процессе развития систем. "Единство и борьба вышеуказанных тенденций и составляют относительно самостоятельную форму существования ритма, являясь в то же время источником его эволюции" (23, с.8).

Акты взаимного воздействия противоположных тенденций, циклы их прямой и обратной связи "проявляются в законе отрицания отрицания (спиральность развития), указывающем на относительный характер идентичности в содержании периодов ритма (его циклов), и в законе перехода количественных изменений в качественные", - утверждает автор (23, с.11).

В.И.Смирнов (38) исследует ритм как объективную закономерность развития. Обобщая опыт истории философии и выявляя состояние проблемы в современной науке, он предпринимает попытку решить некоторые вопросы проявления ритма на философском уровне. Автор анализирует некоторые процессы, имеющие фундаментальное значение для современной науки. В частности, рассматривает явления колебания и волны, круговороты и циклы как наиболее распространенные формы проявления ритмичности в природе. Отмечая, что ритм характеризует процессы со стороны пространства и времени, автор предлагает в качестве пространственно-временной единицы ритма "хроногон" - комплекс, выражающий изменения в пространстве в течение законченного промежутка времени, кото-

рый называется периодом (38, с.17). В качестве наиболее характерных особенностей ритма анализируются понятия повторяемости, периодичности, преемственности, спиралевидности и др. Повторяемость автор считает одной из важнейших характеристик законосообразности. Ритмичность развития осуществляется как разворачивание противоречия, которое включает в себя ряд стадий. Смена стадий обусловлена единством основных законов диалектики. В силу того что ритм проявляется как смена этапов в развитии, он характеризуется повторяемостью (38).

Проблему категории повторяемости в материалистической диалектике исследует М.П.Полесовой (35). Это одна из важнейших проблем не только современной марксистской философии, но и всего естественнонаучного познания. Повторяемость в природе и обществе позволяет познать диалектическую взаимосвязанность явлений действительности, раскрыть формы проявления объективных законов в определенных исторических условиях. Под повторяемостью автор понимает воспроизведение, проявление в какой-либо вещи или процессе того, что уже было, а затем возникло вновь в трансформированном виде. Повторяемость является широко действующей закономерностью при всех изменениях форм материального мира. Она выражает признаки, общие для всех видов явлений материального мира. Автор подчеркивает, что с точки зрения философии именно повторяемость всегда выступает как существенный признак закона, так как любой закон выражает именно то, что повторяется постоянно. Диалектический материализм исходит из признания объективного характера повторяемости и ее познаваемости в самой материальной сущности. Повторяемость всегда выступает как процесс, в основе которого лежит тождество или сходство противоположностей. Повторяемость и движение неотделимы друг от друга. Органическая связь повторяемости с движением как способом существования материи с точки зрения диалектического материализма является абсолютной. Во всем остальном повторяемость проявляется в измененном виде на качественно иной основе. Это марксистское понимание повторяемости и отличается от всех метафизических представлений о "цикличности", "круговоротах" и т.п., в

которых повторяемость понимается как абсолютное повторение. Автор приходит к выводу, что "категория повторяемости, будучи диалектически связана со своей противоположностью — неповторяемостью, представляет собой парные категории и относится к числу основных законов диалектики" (35, с.10).

Анализируя явление ритма, необходимо отметить как сходство, так и различие между понятиями "ритм" и "повторяемость". Б.М.Кедров (19) подчеркивает, что с точки зрения актов взаимодействия и связи элементов систем повторяемость представляет собой более формальное и общее явление. При сопоставлении ритмичности и повторяемости выявляется, что не всякая повторяемость образует ритм; но всякий ритм, как правило, характеризуется свойством повторяемости. Ритмичность проявляется лишь при условии устойчивого, закономерно организованного повторения.

В настоящее время проблема ритма и связанная с ней — времени и пространства — считаются фундаментальными проблемами не только в области философии, но также для многих других наук.

Изучение ритмических явлений позволяет раскрыть ряд важных проблем в современной биологии и медицине. Исследуются ритмические процессы в социально-коммуникативных, производственных, психофизиологической и других областях. С давних пор ритм стал предметом изучения так называемых "временных" (музыка, танец, песня) и "пространственных" (архитектура) искусств. Много внимания уделяется вопросу ритма в поэтике и вообще в литературоведении (15, 27).

Загравывая проблему ритма и взаимосвязанные с ней проблемы времени и пространства в художественном творчестве, Б.С.Мейлах (26) отмечает, что для их комплексного изучения на материале различных видов искусства весьма существенно философское обоснование данных проблем. Кроме того, немаловажен для исследования анализ механизмов восприятия времени и пространства, включая их психофизиологическую и естественнонаучную основу.

С момента выделения искусства в особую форму общественного сознания проблема ритма в данной области не утрачивает интереса для исследователей из разных областей науки. Философским анализом ритма в художественном творчестве

занимался П.Ф.Смирнов (39). Одним из факторов, вызвавших к жизни такие виды искусства, как поэзия, песня, музыка, отмечает автор, является грудовой ритм человека. "Ритм любого вида искусства сможет полностью "выполнять" свою изобразительно-выразительную функцию, если будет соответствовать ритмам психофизиологических процессов субъекта, воспринимающего произведение любого вида искусства" (39, с.11).

Аналогичное мнение высказывает Е.В.Волкова, затрагивая методологические проблемы, связанные с проявлением ритма как объекта эстетического анализа. Автор отмечает, что ритм в искусстве ориентируется на ритмические закономерности, существующие в объективном мире, и вместе с тем соотносится с психофизиологической природой нашего восприятия. Автор утверждает: "В искусстве отражаются ритмы, наиболее привычные для человеческого организма, наиболее адекватные ему; одновременно художественные ритмы имеют специфическую структуру и ориентируются под влиянием самого искусства и факторов общественной жизни" (12, с.85).

Ритм в искусстве является составным элементом формы, а в форме всегда заключено определенное содержание. Искусство начинается не с выразительности какого-либо элемента формы, а с определенной организации изобразительно-выразительных средств в систему образа. Законченный художественный образ "предполагает закономерное сочетание мелодии и ритма в музыке; красочную игру света и тени – в живописи; гармонию форм и пропорций – в скульптуре" (39, с.14).

В силу того что музыкальные ритмы среди всех остальных видов искусства считаются наиболее близкими к языковым ритмам (музыка – звуковое искусство), мы позволим себе рассмотреть их более подробно.

Вопрос о формообразующей роли ритма в музыке ставится с давних пор, наиболее разработан, считается традиционным и вряд ли вызывает какие-либо сомнения. По мнению П.Ф.Смирнова, ритм сам по себе не создает музыкального произведения, но выразительность мелодии находится в тесной диалектической связи с ритмическими соотношениями звуков, которые ее составляют. Некоторые музыковеды склонны считать, что музыкальный ритм – это специфическое явление, он выражается через смену аккордов, мелодических вершин, тембров,

усилений и ослаблений громкости и т.п. Градация ритмических акцентов зависит не только от большей или меньшей громкости, но и от величины интервального шага в мелодии, а также многих других внутренних музыкальных явлений. По утверждению музыковеда В.Н.Холоповой, "музыкальный ритм – это временная и акцентная сторона мелодии, гармонии, тембра и всех других элементов музыки" (40, с.230). Взаимосвязь ритма с другими средствами музыки автор объясняет тем, что ритм является компонентом целого.

В соответствии с общей традицией рассматривать ритм в тесной взаимосвязи с понятием времени исследуется ритм и в музыке. Например, музыковед В.И.Мартынов отмечает, что ощущение течения времени обеспечивается музыкальными средствами путем непрерывного изменения музыкальной ткани. Человек получает ощущение течения объективного времени, измерительной единицей которого является длина музыкальной фразы. "По-разному изменяя фразу при повторении, мы будем получать различные ощущения течения времени. Таким образом, изменение – мера времени в музыке" (25, с.239).

Ритм теснейшим образом связан не только с компонентом времени, но и с другими компонентами музыки. Различные типы ритмики соответствуют различным типам высотной, фактурной и всякой другой организации музыки (40). Ритму принадлежит также важнейшая роль в определении национального характера музыки (39).

Как отмечалось выше, музыкальный ритм наиболее родственен речевым ритмам. Их родство естественно и логично в силу того, что музыка – звуковое искусство, а речь – материализуется в звуках. И те, и другие ритмы воспринимаются слушающим посредством колебаний воздушной (звуковой) волны и при восприятии, кроме тех или иных мыслительных реакций, вызывают также эмоциональные ощущения. Родство музыкальных и речевых ритмов подтверждает еще и то обстоятельство, что они имеют общую точку переченания – вокальную музыку¹⁾.

¹⁾ Речевые ритмы во взаимодействии с ритмом вокальной музыки активно изучаются Л.В.Злагоустовой и Н.В.Черемисиной. – Прим. авт.

Речевые ритмы представляют собой предмет многочисленных исследований в современной отечественной лингвистике. Ряд интересных и полезных фундаментальных трудов (6, 16, 17, 41 и др.) в данной области служит незаменимым руководством в изучении вопроса речевых ритмов. В настоящее время, однако, данная проблема относится к числу тех, дальнейшая разработка и совершенствование которых определяется необходимостью достижения уровня, соответствующего современному состоянию научно-технического прогресса ¹⁾.

Высказывая свои взгляды на сущность речевого ритма и характер его проявления, многие лингвисты приходят к более или менее согласованному мнению по данному вопросу.

Проявление ритма речи О.А.Норк объясняет физиологическими закономерностями (29). Наряду с общепринятыми понятиями "фонетическая" и "артикуляционная база" О.А.Норк и Н.Ф.Адамова в своем последнем совместном труде (30) вводят понятие "ритмическая база языка" (30, с.23). К особенностям ритмической базы языка авторы относят "характер выдоха, накопления и разрядки энергии при образовании фонетических единиц, больших, чем отдельный звук, т.е. при образовании слога, акцентной группы, речевого такта и целой фразы" (30, с.26). Как выдох, так и разрядка мускульной энергии, накапливаемой в момент выдержки артикуляционной установки, могут быть плавными или резкими. Характер нарастания и спада дыхательной и артикуляционной энергии в речевом потоке различен для разных языков (30).

Большинство лингвистов, рассматривая явление речевого ритма неразрывно от интонации или просодии речи, понимают его как закономерное чередование сильных (ударных) и слабых (безударных) слогов. Например, Л.В.Злагоустова отмечает: "Ритмические структуры организуются стержневым элементом, обязательно связанным со словесным ударением"

¹⁾ В настоящее время, как отмечалось в начале обзора, имеются существенные достижения по вопросу изучения ритмов в физиологии, медицине, физике, космической биологии. — Прим. авт.

(17, с.7). Данные структуры komponуются из последовательности слогов, объединенных одним словесным ударением. Ритмическая структура как единица плана реализации может включать в себя одну, две или несколько словарных единиц (обычно объединяются служебное слово со знаменательным; в отдельных случаях могут объединяться и знаменательные слова).

Для обозначения единицы речевого ритма И.В.Златоустова использует термин "ритмическая структура". По утверждению автора, "ритмическая структура - объективно существующая в речи единица ритма; типы структур существуют в памяти человека в некоей обобщенной форме" (17, с.82). В определении границ ритмических структур принципиально важное значение имеют место ударения, состав предударных и заударных слогов с учетом разной степени их редукции. В конкретной речевой реализации ритмическая структура имеет план содержания: лексико-семантическое значение словоформ или их последовательности. Данный подход позволяет описать содержание и просодическую организацию текста в их единстве (там же).

Н.В.Черемисина, внесшая существенный вклад в разработку проблемы ритмоинтонации русской речи (41), отмечает, что ритм русской речи, обусловленный физиологически и коррелируемый интеллектуально, наиболее четко соотносится с синтагменным ритмом, ибо объем речевого отрезка в одно-три слова, произносимого на одном выдохе, совпадает с естественным объемом русской синтагмы. В силу того, что синтагма представляет собой также и основную интонационную единицу, основная ритмическая единица оказывается одновременно и основной интонационной единицей. Автор утверждает, что "естественный речевой ритм, основанный на дыхательном ритме и организуемый (корректируемый) смыслом речи, интеллектуально связан с интонацией разговорной речи" (41, с.30). Явление ритма Н.В.Черемисина также рассматривает в тесной взаимосвязи со словесным ударением в пределах синтагмы и фразы. В силу того, что в процессе порождения речи ритм управляет интонацией и организует ее, интонационные единицы (как ком-

муникативно значимые) по объему совпадают с ритмическими единицами, и, таким образом, фонетическое слово, синтагма и предложение представляют собой ритмоинтонационные единицы. Однако многоаспектная (физиологическая, акустическая, синтаксическая и смысловая) значимость позволяет автору заключить, что "именно синтагменный ритм является во всех стилях русской речи основным. И потому синтагма оказывается основной ритмоинтонационной единицей, важнейшим строительным материалом ритмоинтонации предложения и даже текста" (41, с.195).

А.М.Ангипова, посвятившая ряд исследований проблеме речевого ритма на материале английского языка, существенное значение придает связи между биологическими и речевыми ритмами (7). Отмечая, что традиционное понимание речевого ритма как периодичности ударных слогов не позволяет увидеть системность речевого ритма, автор подходит к изучению данного явления как периодичности сходных и соизмеримых речевых явлений и рассматривает изучаемый объект как общезыковую систему, организующую язык в целом. Системный подход к исследуемому явлению предполагает не только наличие определенных единиц в системе, но также их функциональное единство. А.М.Ангипова отмечает, что ритм следует рассматривать не только как временное, но также как просодическое явление (7). Ритмическая система носит общезыковой характер и формируется всеми языковыми средствами – синтаксическими, лексическими и просодическими, просодический аспект ритма в данном исследовании рассматривается как один из функциональных слоев просодии, который предлагается называть ритмообразующим. "Просодический аспект ритма, – по утверждению автора, – это часть просодии и часть ритмической системы" (7, с.9). Ритмической единицей А.М.Ангипова считает ритмическую группу, которая может быть мелкой, средней и крупной. К мелким единицам автор относит сегментные звуки и слоги. Средней ритмической группой является ритмическая группа, совпадающая со словом или словосочетанием. Крупные ритмические единицы – синтагма, фраза, сверхфразовое единство, строка, строфа, абзац – помимо организующей функции выполняют в тексте смыслообразующую роль. Кроме того,

ритмические группы могут быть простыми, состоящими из одного ударного слога и примыкающих к нему безударных слогов, и сложными, состоящими из двух или более ударных слогов и примыкающих к ним безударных слогов (6). Ритм, основанный на чередовании простых ритмических групп, определяется как простой, а ритм, в основе которого лежит чередование сложных групп, как сложный. Оба типа ритмов могут встречаться как в "чистом" виде, так и в различных комбинациях. Варьирование простого и сложного ритмов образует структуру сложного ритма (6). Гибкость и подвижность речевого ритма обеспечиваются разнообразием ритмических единиц. Особенность речевого ритма, которая отличает его от других видов ритмов, заключается в его вариативности. Данная вариативность характеризуется многомерностью: первый тип вариативности обусловлен разновеликостью единиц ритма; второй – заложен внутри каждой единицы и создается лексико-семантическим и просодическим варьированием; третий тип вариативности заключается в способности ритмических единиц образовывать основной и второстепенный ритм, т.е. более регулярный (7).

Т.П.Задоенко, исследовавшая ритмическую организацию китайской речи (16), не отрицая определенной связи ритма с физиологией речеобразования, высказывает мнение, что "из трактовки ритма должен быть полностью исключен психологический элемент, мешающий правильно понять лингвистическую сущность данного явления" (16). Для обозначения элементарной ритмической единицы автор вводит термин "ритмическое слово". Данный термин, отражая сущность и функциональное значение соответствующей единицы в исследуемой области, дает возможность противопоставить два понятия – лексическое слово, соответствующее изолированно произнесенному слову, и ритмическое слово – слово в потоке речи. Взаимодействие ритма и интонации в китайском языке представляется более тесным в силу специфики данного языка. В выделении ритмических единиц в потоке речи существенную роль играет сама просодическая структура этих единиц, выражающаяся определенным сочетанием акустических характеристик (ЧОТ, интенсивности, длительности).

Под речевым ритмом Н.Д.Климов (20) понимает членение речи на элементы (слоги, фонетические слова, синтагмы, фразы) во времени. Речевой ритм автор относит к сложным типам звуковых ритмов, где происходит не только членение на элементы, но и их градация по силе выдоха, высоте тона, длительности и тембру. Важнейшим свойством речевого ритма является его нерегулярный характер. Речевой ритм обладает метрическими и неметрическими признаками. Количество и порядок следования ударных и безударных слогов в речевом отрезке говорит о характере метра в нем. "Повторение одного и того же метра в речи придает ей свойство регулярного ритма" (там же, с.26). К неметрическим признакам ритма относятся: 1) слоговая динамика, 2) способ выделения ударного слога, 3) характер примыкания безударных слогов к ударному.

Объем данного обзора не позволяет остановиться на отдельных работах отечественных исследователей (4,5,21,28, 36 и др.), в которых изучаются частные случаи проявления данного явления на материале различных языков. Лингвисты при исследовании понятия ритма связывают его с понятием времени, когда исследуют длительность слога, фонетического слова, синтагмы или другой, более крупной интонационной единицы, либо когда членят речевой континуум на ритмические единицы. В данном случае понятие времени определяется в естественнонаучном смысле.

Как отмечает Я.Ф.Аскин (11), указание на определенные свойства времени и на способы их измерения, на связь времени с периодическими процессами - "это также есть известный способ определить его в естественнонаучном смысле. Раскрытие же сущности времени как всеобщей формы бытия - дело философского исследования" (11, с.15).

Пространственно-временные отношения являются предметом изучения ряда частных наук. Однако, как нам представляется, и в данном случае возможно поставить изучаемый объект на философскую основу, если процессы во времени и пространстве, согласно мнению Я.Ф.Аскина, рассматривать в связи с характеристикой общих способов бытия вещей. Отношения между вещами в процессе их существования могут быть отношениями между сосуществующими вещами (простран-

ственные отношения) и между вещами, сменяющими друг друга в процессе существования (временные отношения) (11).

Исходя из сказанного выше, нам представляется возможным отметить следующее: разрабатывая понятие пространственно-временных отношений применительно к проблеме речевого ритма, рассматривая при этом ритм в связи с диалектическим повторением, т.е. принимая во внимание периодический характер материальных процессов, о временных отношениях в данном объекте можно говорить, когда дело касается смены устойчивости и изменчивости в системе или (как это принято традиционно) периодичности соизмеримых (не идентичных) единиц речи. Выражением пространственных отношений речевого ритма можно, на наш взгляд, считать чередование ритмических единиц на супraseгментном уровне, т.е. чередование и одновременное сосуществование ритмических единиц в потоке речи; но так как периодичность не может существовать вне времени, можно сказать, что речевой ритм является специфическим, характерным выражением целостности пространственно-временных отношений чередующихся в речевом потоке ритмических единиц,

Из содержания изложенного выше материала очевидно, что исследователи склонны относить речевой ритм к компонентам интонации, хотя по данному вопросу существуют и другие точки зрения¹⁾.

Для выявления приемлемости названной концепции мы считаем возможным рассмотреть проблему в плане ее исторического развития. Необходимо выяснить, хотя бы путем логических рассуждений, во-первых, какой из данных объектов изучения – речевой ритм или речевая интонация – является первичным по отношению к другому и, во-вторых, может ли в речи ритм реализоваться вне интонации, или интонация без ритма.

В человеческой речи в качестве носителей информации выступают как словесные, так и просодические средства (в том числе и интонация). Генетически наиболее древними из них "...несомненно, являются последние..." – отмечает В.З.Панфилов (32 с.101). Таким образом, в глубокой древности,

¹⁾ Противоречащие данному положению мнения в данном обзоре не рассматриваются. – Прим. авт.

когда акты коммуникации между индивидами или группами индивидов совершались не с помощью слов, а с помощью отдельных выкриков – звуков и слогов, несомненно, ритм этих выкриков был основан на физиологическом ритме дыхания. В свою очередь, раз эти знаки общения (отдельные звуки, слоги), т.е. исконные ритмические единицы, имели звуковую реализацию, то они обладали и супрасегментными характеристиками. Итак, если рассматривать интонацию как совокупность всех супрасегментных средств, то приходим к выводу, что исконная ритмическая единица через просодические средства уже реализовалась как компонент интонации. Вычленив же теоретически речевой ритм из числа компонентов интонации, его можно рассматривать как способ звуковой реализации, как материализатор (термин, наш. – Авт.) человеческой мысли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К. Капитал – Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.25, с.1–545.
2. Энгельс Ф. Диалектика природы. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.20, с.343–625.
3. Авегисян А.А. Античные философы / Сост., предисл. и общая ред. Авегисяна А.А. – Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1955. – 314 с.
4. Андреева Д.И. Слог и ритмическая группа как единица ритма английской речи. – Сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т иностр.яз.им.М.Тореза, 1982, №196, с.148–161.
5. Андреева Д.И. Фонетические признаки ритмической группы в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М.Тореза. – М., 1979. – 23 с.
6. Антипова А.М. Ритмическая организация английской речи: (Эксперим.-теорет. исслед. ритмообразующей функции просодии): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М.Тореза. – М., 1980. – 35 с.

7. Антипова А.М. Система английской речевой интонации. – М.: Высш. шк., 1979. – 131 с. – (Б-ка преподавателя). – Библиогр.: с.129–130.
8. Аристотель. Категории / Пер. Кубицкого А.В.; АН СССР. Ин-т философии, Моск. ин-т истории, философии и лит. – М.: Соцэкгиз, 1939. – XXXV1, 84 с.
9. Аристотель. Метафизика /Пер. и примеч. Кубицкого А.В.; Ин-т философии Ком. акад. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1934, – 348 с. – (Классики философии).
10. Аскин Я.Ф. О соотношении философских категорий и понятий частных наук. – В кн.: Ленинская теория познания и современная наука. Саратов, 1970, с.3–10.
11. Аскин Я.Ф. Направление времени и временная структура процессов. – В кн.: Пространство, время, движение. М., 1971, с.56–79.
12. Волкова Е.В. Ритм как объект эстетического анализа: (Методол. пробл.). – В кн.: Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1974, с.73–85.
13. Гегель Г.В.Ф. Сочинения в 13 т. /Под ред. и с вступ. ст. Максимова А.А.; Ин-т философии Ком. акад. при ЦИК СССР. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. – Т.2. Философия природы. 686 с.
14. Джохадзе Д.В. Диалектика Аристотеля / АН СССР. Ин-т философии. – М.: Наука, 1971. – 264 с.
15. Жирмунский В.М. Теория стиха. – Л.: Сов. писатель, 1975. – 664 с. – Библиогр.: с.589–595, 639–640.
16. Задоев Т.П. Ритмическая организация потока китайской речи / АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1980. – 268 с.
17. Злагоустова Л.В. Фонетические единицы русской речи / МГУ им. М.В.Ломоносова. Филол. фак. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 105 с. – Библиогр.; с.86–104 с.
18. История философии: В 4-х т. / Под ред. Дынина М.А.; АН СССР. Ин-т философии. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – Т. 1. 718 с.
19. Кедров Б.М. О повторяемости в процессе развития / АН СССР. Ин-т философии. – М.: Госполитиздат, 1961. – 147 с.

20. Климов Н.Д. Вводно-фонетический курс немецкого языка, — М.: Высш. шк., 1978. — 133 с.
21. Князева Н.И., Хомченко С.А. К проблеме сопоставительного изучения ритма английского и белорусского языков, — В кн.: Проблемы внутренней динамики речевых норм. Минск, 1982, с.145-222.
22. Комаров В.Е. Категория ритма и ее роль в научном исследовании. — В кн.: Ленинская теория познания и современная наука. Саратов, 1970, с.100-111.
23. Комаров В.Е. Ритм как выражение особенностей процессов развития: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Сарат. гос. ун-т. — Саратов, 1971. — 18 с.
24. Лурье С.Я. Демокрит: Тексты, переводы, исследования / АН СССР. Ин-т истории СССР. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1970. — 664 с.
25. Мартынов В.И. Время и пространство как формы музыкального формообразования. — В кн.: Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1974, с.238-248.
26. Мейлах Б.С. Проблемы ритма, пространства и времени в комплексном изучении творчества. — В кн.: Ритм, пространство и время в литературе и искусстве., Л., 1974, с.3-10.
27. Надеждин Н.И. Версификация. — В кн.: Энциклопедический лексиконъ. СПб., 1837, т.3, с.25-61.
28. Немченко Н.Ф. К проблеме ритмических единиц текста: (На материале англ. яз.) — Сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М.Тореза, 1982, № 196, с. 101-134.
29. Норк О.А. Интонация — В кн.: Крушельницкая К.Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языка. М., 1961, с. 75-101.
30. Норк О.А., Адамова Н.Ф. Фонетика современного немецкого языка. — М.: Высш. шк., 1976. — 212 с.
31. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / АН СССР. Ин-т философии. — М.; Л.: Мысль, 1979. — 620 с.
32. Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания/ АН СССР. Ин-т языкознания. — М.: Наука, 1977. — 288 с.

33. Платон. Законы и послесловия к законам. - В кн.: Платон. Полн. собр. соч. СПб.; М., 1923, т. 14, с.99-285.
34. Платон. Избранные диалоги: Пер. с древнегреч. / Сост., вступ. ст. и коммент. Асмуса В. - М.: Худож. лит., 1965. - 442 с.
35. Полесовой М.П. Категория повтораемости в материалистической диалектике: Автореф. дис. ... канд. филос. наук/ Моск. обл. пед. ин-т им. Н.К.Крупской. - М., 1971. - 29 с.
36. Примак П.И. К вопросу об акцентно-ритмической организации торжественной речи: (На материале фр. яз.). В кн.: Проблемы внутренней динамики речевых норм. Минск, 1982, с.35-50.
37. Рагозина З.И. Древняя история Востока. - СПб.: Маркс, 1905. - Т.4, История Индии времен Ригведы. 423 с.
38. Смирнов В.И. Ритм как объективная закономерность развития: Автореф. дис. канд. филос. наук / ЛГУ им. А.А.Жданова. Филос. фак. - Л., 1978. - 19 с.
39. Смирнов П.Ф. Философский анализ ритма в жизни и художественном творчестве : Автореф. дис. ... канд. филос. наук /Киев гос. ун-т им. Т.Г.Шевченко. - Киев, 1968,- 22 с.
40. Хлопова В.Н. Формообразующая роль ритма в музыкальном произведении. - В кн.: Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1974, с.229-238.
41. Черемисина Н.В. Русская интонация: Поэзия, проза, разговорная речь. - М.: Рус. яз., 1982. - 207 с.
42. Шербатский Ф.И. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. - СПб., 1903-1909. - Ч.1-2.
43. Brandt K. Ur-Anfänge der Kunst. - Herford : Die Arche, 1947. - 63 S.
44. Bücher K. Arbeit u. Rhythmus. - 6., erweit. Auf 1. - Leipzig: Reinicke, 1924. - XII, 497, XIV S.
45. Hirn Y. Der Ursprung der Kunst: Eine Unters. ihrer physischen u. soz. Ursachen. - Leipzig: Barth, 1904. - VII, 338 S. - Bibliogr. S.305-327.

АГЕЕВА Р.А.
ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

Понятие о развитии и закономерностях развития

Одной из важнейших философских проблем марксистско-ленинского языкознания является историческое развитие языка, взгляд на язык как на развивающуюся систему, изменение которой во времени подчинено определенным закономерностям. Методология частных наук предполагает применение диалектической логики, основанной на принципе противоречивого и взаимообусловленного развития всех явлений природы и общества. По словам В.И.Ленина, "...диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, "самодвижении" (как говорит иногда Гегель), изменении" (1, с.290).

Закономерности развития были впервые научно осознаны диалектическим материализмом, который сумел преодолеть как лапласовский механистический детерминизм, так и противоположные ему теории, абсолютизирующие роль случайности. Философские категории необходимости и случайности рассматриваются диалектическим материализмом как взаимно связанные диалектические противоположности, не существующие друг без друга. В развитии ряда объектов, в том числе такого объекта, как язык, причинно-следственные связи имеют не только необходимый, но и случайный характер.

Закономерность и причинность – различные типы связей

между явлениями, они лишь частично совпадают друг с другом (18, с.29). Закономерность не исчерпывается причинно-следственными отношениями, хотя она включает последние. Закономерность охватывает значительно более широкий круг существенных связей, в частности такие, которые не носят генетического характера.

Закономерности развития языка во многом определяются тем фактом, что язык представляет собой системно-структурное образование. Рассматривая в общепhilosophическом плане связь структуры с категорией закона, Л.А.Дружанов, в частности, указывает: "Вскрыть структуру (совокупность структур) данной системы — значит найти совокупность присущих ей законов. И наоборот, вскрыть совокупность законов функционирования развития системы — значит найти ее структуру (структуры). Таким образом, структуры, характеризующие определенный класс объектов, выражаются с помощью законов функционирования и строения этих объектов" (18, с.62-63).

При применении диалектического метода к описанию объекта (в том числе такого объекта, как язык) "... требуется не описание смены одних качественных состояний объекта другими, не фиксация всех изменений, происходивших с момента его возникновения до его зрелой формы, а раскрытие необходимой тенденции, которая пробивала себе путь через массу случайных отклонений в его функционировании и развитии; установление необходимых связей между этими сменяющимися состояниями, законов, обуславливающих переход от одного состояния к другому. Раскрыв необходимую тенденцию изменения объекта, законы, обуславливающие его развитие, мы, опираясь на них, сможем объяснить присущие объекту свойства и связи, уяснить его сущность" (35, с.93). При этом соотношение причинно-следственных связей и тенденций развития объекта выглядит следующим образом: "Элементарная причинная связь, составляющая лишь звено в развитии, сама по себе не выражает тенденции непрерывного изменения системы. Непрерывность развития как непрерывность порождения нового осуществляется в более сложных формах причинения — причинной цепи и причинной сети, где процесс развития представляется как непрерывная цепь перехода возможного в действительное" (35, с.203).

Терминология. Различное понимание терминов
"развитие языка", "эволюция", "изменение", "прогресс"
и г.п.

В лингвистических работах, посвященных закономерностям развития языка, наблюдается стремление упорядочить терминологию. В оценке самого понятия "языковое развитие", как справедливо указывает М.И. Исаев (24, с.132), существуют различные, часто диаметрально противоположные точки зрения. По большей части понятие "языковое развитие" не ограничивается от таких понятий, как "эволюция языка", "совершенствование языка", "прогресс языка", "языковое изменение" и г.д. Обычно развитие языка рассматривается в двух планах – внутриструктурном и функциональном. В первом случае речь идет чаще всего о тех изменениях, которые в разные исторические эпохи наблюдаются в грамматическом строе языка и в его лексике. В социологическом плане рассматриваются функциональное развитие языков и те процессы в языковом строе, которые обусловлены социальными факторами. М.И. Исаев придерживается того взгляда, что в качестве критерия при определении развитости языка нужно взять состояние самого общества. "Под "развитым языком" понимается язык, являющийся средством общения такой исторически сложившейся общности людей, которая соответствует наиболее высокому уровню производства, науки, техники, культуры и общественно-политической жизни, достигнутому человечеством в данный исторический отрезок времени" (24, с.134).

Анализируя понятие "развитый язык", М.И. Исаев приходит к выводу, что степень развитости языка непосредственно связана с широтой функций, которые он выполняет, т.е. с развитием нации или народности. Общество может осуществлять и активное вмешательство в развитие языка вплоть до воздействия на саму его структуру. Структурное развитие – процесс изменений в строе в целом или в отдельных его сторонах; такое развитие не всегда можно назвать "прогрессом". В то же время функциональное развитие языка представляет собой всегда прогресс, так как речь идет о совершенствовании языка, о расширении возможностей общения (24, с.137).

Р.А.Будагов также предлагает разграничивать понятия "развитие языка", "круговорот", "отдельные изменения", "совершенствование" и т.п. (7, с.70). Развитие предполагает направление движения языка на тех или иных его уровнях. Совершенствование языка – проблема чисто историческая. Р.А.Будагов указывает также на то, что нельзя противопоставлять систему языка его развитию: система существует в развитии. Этот взгляд согласуется с тем представлением о развитии, которое наблюдается в трудах ряда советских философов. Например, А.Н.Аверьянов пишет: "Развитие – не изменение вообще. Оно единство направленных изменений системы от ее менее упорядоченного состояния к более упорядоченному, и наоборот" (2, с.85).

Органическую связь между понятием развития языка и понятием его совершенствования показывает Р.А.Будагов на конкретном материале различных литературных языков: "Большие линии развития языка в конечном счете и как общее правило обычно приводят к совершенствованию языка. При этом в истории разных языков подобный процесс протекал и сейчас протекает неравномерно: от сравнительно резких изменений в определенные эпохи (причем сама "резкость" обычно подготавливается предшествующей эпохой) до медленных и постепенных накоплений новых возможностей языка" (8, с.253).

Н.С.Шумова считает наиболее приемлемой точку зрения на развитие как на необратимый процесс качественных изменений, который может быть прогрессивным, регрессивным, а также "движением в одной плоскости (без существенного повышения уровня сложности)" (здесь автор ссылается на работу В.В.Орлова, см. 43, с.61). Следует также иметь в виду, что прогрессивное развитие может быть связано как с усложнением, так и с упрощением. Например, совершенствование синтаксиса научного стиля английского языка шло по линии упрощения. Развитие языка отражает развитие мышления, познания, общества, природы. Вместе с тем языковое развитие обладает относительной самостоятельностью и влияет на мышление, процесс познания человеком окружающего мира и самого себя, на развитие человеческого общества (45, с.31–47 и др., 61, с.71)

Различные точки зрения на прогресс в изменениях языка в историко-лингвистическом плане недавно рассмотрела и подытожила Т.С.Шарадзенидзе (59, гл.6). В монографии этого автора анализируются концепции В.Гумбольдта о прогрессе в языковом строе (в связи с морфологической классификацией языков); А.Шлейхера о единстве исторического процесса и универсальных закономерностях в прогрессе, не связанных родством языков (критерий совершенства – отношение языка к мышлению, причем флективные языки наиболее адекватно выражают процесс мышления); О.Есперсена и Н.Я.Марра (рецидивы концепции неравноценности морфологических типов) и т.д. Т.С.Шарадзенидзе, критически рассматривая указанные взгляды, приходит к выводу, что отказ от концепции единого универсального процесса развития в языковых типах не означает игнорирования историзма, развитие может иметь место в пределах каждого типа.

Не всякие различия в структуре языков и не всякие их изменения можно интерпретировать с точки зрения прогресса. Но это не означает отказа от признания прогресса языкового развития от низших ступеней к высшим. Такое поступательное движение имеет место в определенных сферах языка. Этот процесс следует изучать на разных уровнях языка в связи с развитием общественной жизни, мышления, всей культуры народа, носителя этого языка (59, с.163).

К проблеме законов развития языка, к анализу "нового учения о языке" также обращается В.З.Панфилов (45). Подчеркивается, что в ходе лингвистической дискуссии 1950 г. был подвергнут справедливой критике тезис Н.Я.Марра о коренных ломках-взрывах языка в связи со сменой общественно-экономических формаций. Однако взамен критики Н.Я.Марра выдвинули не менее ошибочное положение о том, что язык якобы развивается лишь эволюционным путем и не переживает скачков в своем развитии. "При этом упускалось из виду, что закон перехода количественных изменений в качественные путем скачка – всеобщий, в равной мере действующий и в природе, и в обществе, и что отсутствие взрывов в ходе исторического развития в языке не свидетельствует об отсутствии скачков, т.е. переходов от одного качественного состояния к другому в развитии языка, так как взрыв – быстрая

смена одного качественного состояния другим – есть лишь одна из форм скачка, который в других случаях может осуществляться на протяжении столетий. Поэтому нельзя считать оправданным, что в ходе критики "нового учения о языке" была отброшена и сама идея стадияльного развития языков, а также положение о наличии общих закономерностей и этапов в развитии всех языков, т.е. положение о единстве глоттогонического (языкотворческого) процесса. Это, конечно, не означает, что могут быть приняты те конкретные схемы стадияльного развития языков, которые в свое время предлагались представителями "нового учения о языке" и которые ими неоднократно пересматривались. Здесь речь идет лишь о самом принципе" (45, с.8–9).

Рассматривая концепцию И.И.Мещанинова о развитии языка (40), редколлегия сборника его трудов отмечала, что идея наличия общих закономерностей в развитии языков пронизывает типологические исследования и на их современном этапе (40, с.8). Сам И.И.Мещанинов в статье "Проблема стадияльности в развитии языка" отмечал сложность диалектической обусловленности стадияльных состояний и сдвигов и необходимость сравнительного подхода к разносистемным языкам, анализа исторического хода развития языка на конкретных и точно проверенных материалах каждого отдельного языка (40, с.312).

Анализ и критика теории стадияльного развития содержится также в работе Б.А.Серебренникова "Вероятностные обоснования в компаративистике" (52, с.41–43).

В.3.Панфилов (45) затрагивает общие вопросы развития языка в связи с развитием мышления, а также более конкретные проблемы развития отдельных языков, выдвигая на первый план ряд вопросов методологического цикла: место языка среди общественных явлений; социальная обусловленность происхождения и развития языка; исторические типы общностей людей и язык; причины и характер количественных и качественных изменений в языке; качественные ступени (стадии) в развитии языка и закономерности его развития; совершенствование языка в процессе его исторического развития; диалектическое противоречие между функциональным назначением языка и системными факторами его организации как источник постоянного про-

цесса развития языка; соотношение лингвистических и экстралингвистических факторов в развитии языка и др. (45, с.9-10).

Особое значение для понимания развития языка имеет общемеетодологическая проблема социальной природы языка, которая важна как для выяснения происхождения языка в процессе формирования человека, так и для решения ряда вопросов функционального развития языка в связи с развитием общества. В отличие от тех направлений зарубежного языкознания, в которых язык рассматривается как продукт биологического развития и утверждается врожденный характер универсальных языковых структур, марксистско-ленинское языкознание выдвигает в качестве одного из фундаментальных положений принцип социальности языка (см. 46; 44).

По мысли В.З.Панфилова, социальная природа языка "состоит не только в том, что он является достоянием всего говорящего на нем коллектива и, функционируя как важнейшее средство общения его членов, обслуживает их общественные потребности, но и в том, что он возникает как продукт и вместе с тем условие и необходимый компонент социального развития человека в процессе его трудовой деятельности" (46, с.31). "... Возникновение языка в процессе антропогенеза представляет собой лишь один из компонентов того качественного скачка, который имел место при переходе от обезьяноподобных предков человека к человеку, т.е. при возникновении новой, более высокой, чем биологическая, социальной формы движения материи" (46, с.36).

Виды развития языка, Функциональное развитие

Таким образом, работы ряда советских лингвистов вносят ясность в понимание таких сложных для разграничения вопросов, как "развитие языка", "эволюция", "прогресс" и т.д. Плодотворной представляется и четкая дифференциация внутривидового и функционального развития языков, обоснованная в некоторых лингвистических трудах. Так, В.А.Аврорин

полагает, что функционирование языка обеспечивается наличием у него двух диалектически связанных, взаимообусловленных сторон: материальной структуры и общественного функционирования. Соответственно этому и развитие языка не представляет собой единого, однонаправленного процесса, а идет по двум относительно самостоятельным линиям: структурной и функциональной. Первая из сторон языка и линий его развития связана с ассортиментом материальных средств языка, их взаимной обусловленностью и взаимодействием, а также с процессом вызванных различными причинами изменений внутри структуры языка на всех ее уровнях. Вторая сторона связана с той ролью, которую язык играет в жизни общества, и с различными изменениями в характере и рамках функционирования языка (3, с.14). По мнению автора, структура языка не полностью, но в немалой степени зависит от уровня его функционального развития. Эти связи не обладают характером тотальности. Они однонаправлены, необратимы: нет доказательств зависимости функциональной стороны от структурной, функция языка не определяется его структурой (3, с.26-27). Последнее положение В.А.Аврорина вряд ли можно принять, поскольку функционирование любого объекта непосредственно зависит от уровня развития его структуры.

Функциональное развитие языка как одна из важных проблем социолингвистики впервые была поставлена советскими языковедами. Здесь, в частности, следует упомянуть труды Ю.Д.Дешериева (17). Функциональное развитие языка – процесс совершенствования языка, функционирования и расширения сфер его использования. Функциональное развитие не есть нечто присущее имманентно самому языку. Новые сферы употребления появляются как результат развития общества (24, с.138). В развитии языка тесно переплетаются внутренние и внешние факторы. При этом следует отметить важность понятий "внешнее" и "внутреннее" в категориальной системе диалектического материализма, их методологическую функцию.

По мысли М.И.Исаева, темпы языкового развития целиком зависят от внешних факторов, главным образом интенсивности общественной жизни народов. Само же направление языковых процессов в основном находится во власти внутренних законов

развития языка (24, с.139). Заметим, что оба эти положения несут спорный характер. Темпы языкового развития могут зависеть не только от внешних факторов, но в какой-то степени могут быть заданы особенностями структуры каждого данного языка. В свою очередь, направление языковых процессов может быть обусловлено и внешними факторами (ср., например, особенности процессов развития категории количества в языке связанных с развитием соответствующей категории мышления, см. 45, с.350-354).

Значительное внимание функциональному развитию языка уделил В.К.Журавлев (20), поставив также вопрос о соотношении внешних и внутренних факторов эволюции вообще и в частности языковой. Как указывает автор, общий ход "развития эволюционистских концепций характеризуется постоянным отхождением от абсолютизации внешних факторов (ламаркизм) и возрастающим интересом к внутренней причинности. Уже в гегелевской диалектике был выдвинут принцип самодвижения, саморазвития, источником которого является борьба внутренних противоречий, присущих каждому явлению, каждому процессу. Однако чрезмерное внимание к внутренней причинности может привести к абсолютизации внутренних факторов развития" (20, с.5). По мнению В.К.Журавлева, центральным при решении проблемы факторов развития языка должно быть понятие "социалема" (языковой, речевой коллектив).

"Положение о социальной детерминации социалема, а через нее и эволюции языка не исключает, а предполагает другое, кажущееся противоположным, положение о саморазвитии "языковой техники". Социалема – такая единица языковой эволюции, в которой перекрещиваются линии развития общества и языка. Через социалему осуществляется "социальное давление" на развитие языка. Социалема определяет многое, но далеко не все. Остается значительный простор для действия сил "давления системы", для внутренних законов развития языка" (20, с.8).

В работе В.К.Журавлева подробно рассматриваются внешние факторы развития языка, в том числе описываются понятия, связанные с социальным давлением на языковые процес-

сы, развитие производства и производственных отношений; развитие духовной культуры и т.д. Языковые процессы рассматриваются в связи с их социальным субстратом: затрагиваются вопросы языковых контактов и интерференции языковых элементов, различные аспекты формирования литературных языков. Специальная глава посвящена влиянию научно-технической революции на язык и вопросам языкового строительства.

Основная ценность работы В.К.Журавлева состоит в привлечении богатого материала, свидетельствующего о влиянии внешних факторов на функциональное развитие языка. Эта тема рассмотрена автором в рамках внешней лингвистики. В то же время не показано взаимодействие внутренних и внешних факторов развития языка и не показано влияние внешних факторов на развитие структуры языка.

Среди вопросов, связанных с функционированием языка в обществе, не последнее место занимают проблемы развития национального языка, двуязычия, литературного языка. Как указывает А.Б.Глозман, диалектика взаимодействия языков национального и межнационального впервые была раскрыта В.И.Лениным. "Противоречие" между беспрепятственным развитием языков национальных и укреплением позиций языка межнационального Ленин разрешал в рамках абсолютной свободы, предоставляемой всем без исключения языкам народов России. Только в результате свободного развития всех языков один из них выдвигается на роль средства межнационального общения (14, с.7).

Развитие национальных языков социалистических наций, по мысли А.Н.Баскакова и В.Ю.Михальченко, проходит следующие этапы: 1) выработка и установление новых норм на базе основных диалектов или говоров, нормализация орфографии, орфоэпии и грамматики большинства языков; 2) развитие словарного состава и терминологических систем путем активизации внутренних словообразовательных ресурсов национальных языков, калькирования и заимствования лексики из русского языка; 3) совершенствование старых и формирование новых стилей и жанров литературных языков, в том числе создание учебно-научных подстилей; 4) расширение обществен-

ных функций национальных языков в целом и в сфере техники и науки, в массовой информации (5, с.7).

Двуязычие, как и всякое общественное явление, развивается под воздействием объективных и субъективных факторов. Потребности общения разноязычных людей – это движущая сила развития двуязычия. Разнообразные сочетания социально-экономических, политических, социально-психологических и языковых ситуаций оказывают влияние на характер, темпы развития многоязычия. Социальная политика и, в частности, национальная политика, отношение государства к развитию тех или иных языков оказывают серьезное влияние на направление и темпы развития двуязычия (9, с.55). "Развитие языков народов СССР и двуязычие на базе русского языка – это две стороны единого процесса развития языковой жизни многонационального советского народа. Их нельзя противопоставлять, одно дополняет другое. В этом проявляется одна из граней диалектики языковой жизни народов нашей страны" (9, с.64).

В советской лингвистической науке всегда большое внимание уделялось проблемам формирования и развития национальных литературных языков. Исследовалась история различных литературных языков (как народов СССР, так и зарубежных стран) в связи с конкретно-историческими условиями их функционирования (44, с.6). Интересные проблемы возникают, в частности, в связи с формированием литературных микроязыков, которые, например, исследуются в монографии А.Д.Дуличенко (19). В этой работе рассматриваются вопросы нормы и кодификации и развитие графики и орфографии, лексики и словообразования, фонетики и грамматики, также рассматриваются экстралингвистические факторы, способствующие поддержанию и развитию славянских литературных микроязыков (19, с.24). А.Д.Дуличенко анализирует отличия славянских национальных литературных языков и литературных микроязыков, которые выражаются, в частности, в причинно-следственных связях вариантности, в действии внутренних и внешних факторов. Если в национальных литературных языках фонетико-грамматическая и прочая вариантность вызывается главным образом внутренними причинами, в то время как действие внеш-

них причин сделано на нет, то для славянских литературных микроязыков, помимо внутренних причин, сохраняют в полной мере свою силу и внешние – воздействие литературных языков предшествующих традиций и сосуществующих национальных литературных языков, индивидуально-творческое начало, местные говоры (19, с.275).

Внутриструктурное развитие языка. Соотношение внутренних и внешних факторов развития языка. Причины и тенденции изменений. Процессы конвергенции и дивергенции. Концепции истории языка

Вопросам внутриструктурного развития языка в советской литературе уделяется значительное внимание. Сравнительно-историческое языкознание основано на признании развития структуры языка, в частности развития от простого к сложному или, наоборот, от сложного к простому, от одного качественного состояния к другому. Иногда понятие развития толкуется расширительно. Так, по мнению Т.В.Гамкрелидзе, в основе всего сравнительно-исторического языкознания лежит положение о языковом развитии, понимаемом не как движение от простого к сложному или более совершенному, а как диахроническая изменчивость, вариабильность языка, способность его к преобразованиям на всех уровнях языковой структуры (13, с.54-55). Здесь под "развитием" подразумевается фактически всякое движение, изменение языка и необязательно подразумевается переход от одного качественного состояния к другому. Между тем понятие движения шире, чем понятие развития, так как движение включает, помимо закономерных, и внешние, случайные изменения.

К циклу вопросов внутриструктурного развития языка относятся историческое развитие какого-либо отдельного языка, историческое развитие группы родственных или типологически сходных языков, общие закономерности языкового развития, свойственные каждому языку. В настоящем обзоре преимущественное внимание уделяется последней проблеме.

Язык характеризуется как диалектическое единство противоречий. Язык представляет собой целостное единство устойчивого и подвижного, стабильного и меняющегося, статики и динамики (12, с.199).

По мысли Л.М.Скрепиной, парадокс языка состоит в том, что язык изменяется, оставаясь самим собою; в этом парадоксе — ключ к пониманию природы языка как одной из форм материи. "Диалектический подход к явлениям объективной действительности позволяет увидеть в указанном противоречии основу существования и развития языка" (54, с.9). С этой точки зрения, понятия динамики и статики являются понятиями взаимоисключающими, противоположными и в то же время тождественными в силу своей относительности (54, с.11).

Развитие языка протекает как борьба двух противоположных тенденций — за сохранение и стабилизацию существующей системы языка, с одной стороны, и за ее адаптацию, преобразование, совершенствование — с другой (42, с.200).

Р.А.Будагов, рассматривая источники движения языка, отмечает, что в языке это — противоречия между "растущими потребностями людей в более адекватном выражении их мыслей и чувств, в бессознательном, а иногда и сознательном (в литературной норме) стремлении создать более совершенное средство речевого общения и реальными возможностями языка в каждую историческую эпоху. Подобная общая предпосылка развития языка осуществляется с помощью различных противоречий, заложенных в самой его системе — в лексике, в грамматике, в фонетике" (7, с.33). Сходную точку зрения высказывает А.С.Мельничук (39, с.8.). Противоречие между состоянием языка и потребностями коммуникации признается в качестве основного стимула развития языка большинством советских языковедов (16, с.30; 57, с.40; 21, с.69-71; 49, с.12-13; 61, с.73 и др.). Преодоление же указанного противоречия Л.М.Скрепина называет "самым общим законом языкового развития" (54, с.120). При этом "частным законом языкового развития" Л.М.Скрепина считает преодоление противоречия между избыточностью речи и экономией языковой системы, "Принцип экономии обладает объяснительной силой для толкования внутрисистемных отношений и изменений; через свой аналог в речи (тенденция к наименьшему усилию) он связывает внутрисистемные причины изменений с экстралингвистическими влияниями (социальные, психофизиологические и др. факто-

ры) и тем самым становится основанием, на котором можно дать картину причинно-следственных связей в развитии языка как общественного явления и как целевой модели. Таким образом исключается опасность однозначного понимания причины и следствия, т.е. опасность увлечения детерминизмом системы" (54, с.120).

Т.А.Расторгуева, исследуя варьирование и исторические изменения морфологической системы английского языка, исходит из того методологического положения, что, как и всякое развитие, движение языка во времени осуществляется как борьба противоречий. Движущие силы и факторы развития языка при всем своем разнообразии располагаются в определенной иерархии: на высшем ярусе как постоянная движущая сила развития действует главное противоречие – между наличными средствами языка и изменяющимися потребностями общения, которое проявляется в языке как противоречие между формой и содержанием. Далее действуют противоречия следующего яруса – между единством и многообразием языка, между системой языка и ее реализацией в речи. Эти последние противоречия создают условия для возникновения варьирования: функциональное многообразие языка и разнообразные условия речевой деятельности выражаются в синхронных различиях; единство языка обеспечивает взаимопроницаемость функциональных типов, и единицы варьирования, возникающие в отдельных частях языкового пространства, становятся потенциальным запасом для возможных изменений в пределах всего языка. В рамках этих противоречий действуют факторы нижних ярусов – внутренние и внешние источники, стимулы и условия, которые обычно и называют причинами изменений (49, с.12-13).

Отмечая как одну из внутренних движущих сил языкового развития противоречие между ограниченностью материальных ресурсов языка и быстрым ростом понятийной сферы общественного сознания, требующей языкового воплощения, Н.С.Иллюмова иллюстрирует это положение на материале лексики английского языка, в которой существует широко развитая синонимия, избыточность (под влиянием французского и латинского языков). Преодоление этого противоречия сопровождалось не только количественными изменениями (выпадение лишних

слов), но и качественными преобразованиями системы словаря (61, с.73).

О внутренних и внешних факторах (импульсах, стимулах) развития языка уже говорилось выше. Этой проблеме посвящена значительная литература, которая в отношении внутрискруктурного развития выделяет целый комплекс вопросов, связанных с так называемым "давлением системы". Это понятие было впервые введено в советское языкознание Э.А.Макаевым (34). Под давлением системы понимается влияние системы языка на структуру языка, выражающуюся в возникновении, изменении и исчезновении ее отдельных элементов (3, с.18). Давление системы охватывает формально-структурный аспект не всего языка в целом, а именно определенные его участки (15, с.246). Ср. пример давления системы, приводимый В.Е.Шегинкиным (62, с.31-32): исчезновение старофранцузского артикля *uns* в новой сложившейся системе артиклей французского языка благодаря несовместимости его структуры со структурой последней.

Внутренние причины изменений и развития языка могут быть также связаны с давлением других языковых систем, с которыми данная система находится в контакте: это давление приводит к различным структурным сдвигам в разных подсистемах данной языковой системы (51, с.169). Среди собственно языковых причин поэтому следует различать внутриз языковые и внешнеязыковые стимулы. "При этом масштабы происходящих изменений зависят, вопреки существующему мнению, прежде всего не от социальных или политических условий осуществления языкового контакта (хотя подобной зависимостью нельзя пренебрегать), но от степени его интенсивности" (51, с.169).

Внутренние факторы (стимулы) развития языка разными исследователями понимаются по-разному. Например, А.С.Чикобава под внутренними стимулами подразумевает: а) общественное (коллективное) назначение языка как средства общения и индивидуальный характер его использования в речевых актах; б) отношения, в которых находится развитие языка к процессам развития мышления (58, с.154).

Р.А.Будагов устанавливает тройной ряд отношений: от собственно внутренней причинности (противоречия в системе языка на всех ее уровнях) к причинности "внешне-внутренней" (противоречия между потребностями говорящих к адекватному выражению и состоянием языка), а от этой последней к внешним факторам (общая зависимость состояния языка от уровня развития общества и мышления человека) (7, с.37). Несколько иначе формулирует этот тройной ряд отношений В.Г.Гак, который различает факторы: 1) внутренние по отношению к системе, 2) внешние по отношению к системе языка и языку в целом (развитие цивилизации), 3) внешние по отношению к системе языка, но внутренние по отношению к языку в целом и к его функционированию: логические и психологические факторы (11, с.29).

Конкретным причинам языковых изменений на разных уровнях языка посвящены многие работы советских исследователей.

Кстати, следует заметить, что различные уровни языка по-разному реагируют на действие внутренних и внешних стимулов развития, что дает основание некоторым исследователям разграничивать и соответствующие разделы истории языка. Так, Л.М.Скрелина, учитывая иерархию уровней языка, в разной степени подверженных изменению и действию внешних и внутренних факторов, а также учитывая различие между языком и речью, считает целесообразным принять деление истории языка на внутреннюю и внешнюю. Изучению словаря, в частности, включается во внешнюю историю, поскольку, обладая своими собственными закономерностями функционирования и изменения, система в лексике в то же время наиболее открыта непосредственным влияниям "извне"; подвижность лексики связана прежде всего с тем, что лексическое значение относится к содержательной стороне языкового акта. Внутренняя история языка, таким образом, будет определяться как история изменений фонетической и грамматической систем (54, с.87).

О внутренних факторах развития языковых систем, а именно причинно-следственном механизме динамики фонологических систем говорит В.Я.Плоткин (48). Определяющим моментом в динамике языковых систем он считает "сложное взаимодей-

ствие их разнонаправленных сторон – функциональной, структурной и субстантной. Применительно к фонологическим системам функциональные факторы стимулируют конструирование достаточного количества четко различимых звуковых оболочек для значимых единиц – морфем, слов. Факторы субстантные ограничивают такое конструирование реальными физиологическими возможностями антропофонического (артикуляционно-перцептивного) аппарата речи. Факторы структурные обеспечивают оптимальную упорядоченность системы, в частности достаточную степень ее симметричности” (48, с.6).

Т.А.Рассторгуева в своей концепции эволюции языка исходит из того положения, что эволюция складывается из трех аспектов: внешнего, который представлен изменяющейся языковой ситуацией и непосредственно обусловлен развитием общества – носителя языка, и двух внутренних: эволюции системы и эволюции ее функционирования или функциональных реализаций. Варьирование принадлежит в основном к последнему аспекту, составляя как бы промежуточное звено между языковой ситуацией и языковой системой, через которую осуществляется их связь. В понятие эволюции языка включается как динамика, так и статика (49, с.6). Внутренние причины развития языка (см. также выше, с.15), по мысли автора, включают общие закономерности развития языковых систем и конкретные направления развития данного языка или его уровней – отдельно и во взаимодействии (49, с.13). Концепцию Т.А.Рассторгуевой отличает признание не только плюрализма, но и иерархической организации причинных факторов и, главное, рассмотрение сочетаний внешних и внутренних факторов на нескольких этапах изменения, представляющих период варьирования и конкуренции новых и старых признаков (49, с.20).

Взаимодействие внутренних и внешних факторов также учтено в концепции истории языка, выдвинутой В.А.Виноградовым. В.А.Виноградов указывает три онтологических характеристики языка: генотип (принадлежность к определенной языковой семье), текстотип (особенности структуры) и эрготип (функциональный тип) и рассматривает историю языка в целом как сложное взаимодействие трех этих начал (56, с.311).

В.В.Левицкий, говоря о причинах семантических изменений, считает, что принцип экономии не может быть принят в качестве причины языковых изменений; (вслед за Э.Косериу) он называет подлинной и конечной причиной всякого языкового развития "оптимизацию", приспособление языка к выполнению своих основных функций. Внешние факторы семантических изменений автор считает первичными, внутренние – вторичными. Что касается их соотношения, то, по мысли автора, всякое одностороннее преувеличение роли тех или иных факторов было бы безуспешным с точки зрения теории и бесплодным с точки зрения практики (32, с.159–160).

Н.Н.Куканова, анализируя экстралингвистический фактор – оценку – в семантических изменениях, на примере развития оценочных значений у прилагательных русского языка, подчеркивает динамический характер действия этого фактора, влияющего на семантические изменения во все периоды развития языка (31, с.125). А.А.Мицык выясняет причины некоторых семантических изменений слов праславянского происхождения в русском языке, отмечая, что развитие лексической семантики обнаруживает явную связь с развитием мышления. В семантике слов отражаются: 1) образование более общих понятий, 2) более четкое логическое разграничение понятий. Оба осуществляются через изменения значения слов. Так, более абстрактными стали значения слов право, время, ход, раз и др. (1, с.27).

В.А.Виноградов указывает, что семантическое движение языка во времени "не исчерпывается изменением значения отдельных слов, но включает также семантическое сближение и расхождение групп слов, и в этом процессе нередко проявляется совокупное действие внешних и внутренних факторов..." (56, с.291). На примере одного из языков Африки автор показывает сдерживающее воздействие внешних факторов, ограничивающих спонтанную дивергенцию языков и диалектов. Но взаимодействие внутренних и внешних факторов развития языка бывает и сложнее, и разнообразнее. Однако даже те изменения, которые можно определить как спонтанные для данной системы, обладают некоторым порогом, источник которого лежит вне системы. "Иначе говоря, структурно мотивированные изменения в конечном счете контролируются внешней для струк-

туры коммуникативной функцией языка; к структурно мотивированным относятся при этом как изменения, обусловленные парадигматическими факторами (например, заполнение пустых клеток системы), так и изменения, обусловленные структурой речевых единиц (ассимиляция, протезы и т.п.)" (56, с.295-296).

О соотношении внутренних и внешних стимулов в развитии языка говорят и другие авторы. Так, С.В.Семчинский отмечает отсутствие равновесия или нестабильное равновесие между внутренними и внешними стимулами развития языка (51, с.171). Н.З.Гаджиева указывает, что нередко внутренние и внешние факторы действуют совокупно. Так, в тюркских языках Прикаспия внутренняя тенденция к аспирации могла быть вторично усилена при контактировании с кавказскими языками (10, с.133).

Другие связанные с внутренними стимулами развития языка проблемы включают: изменение языка как системы (22, с.11; 26, с.20; 55, с.230; 63, с.139); усиление или ослабление связей между отдельными частями системы (38); относительная независимость отдельных участков системы языка (61, с.76); тенденция к поддержанию слабых звеньев системы (4, с.24) и т.п.

Развитие системы языка во времени интересует многих лингвистов. Уже упоминалась работа В.Я.Плоткина (48), в которой, в частности, постулируется циклический характер динамики фонологических систем; узловыми точками в их истории являются крупные перестройки (48, с.9). С точки зрения этой концепции обсуждение отдельно взятых звуковых изменений не может быть плодотворным; успешным может быть лишь рассмотрение целостных процессов эволюции фонологических систем в как можно более широких хронологических рамках. Поскольку причинно-следственные цепи, обусловившие ход фонологической эволюции в каждом данном языке, имеют свое начало в его предыстории, пути фонологической эволюции в языках, восходящих к общему предку, представляют собой продукты дивергенции первоначально единого эволюционного процесса. Их сопоставление позволяет выявить как общие закономерности фонологической эволюции во всех языках генеалогической

группировки, так и специфические факторы, обусловившие фонологическую дивергенцию родственных языков (48, с.10). Автор предполагает жесткую детерминированность крупных перестроек в фонологической системе, однако результат перестройки может быть достигнут различными путями, что создает возможность дивергентной фонологической эволюции в родственных языках; различны и темпы эволюции (48, с.121).

Принцип саморазвития языка, детерминированности его системы характеризует и концепции некоторых других фонологов, см., например, статьи Г.С.Клычкова (29) и В.К.Журавлева (23), в которых также содержатся аналитические обзоры предшествующих работ. Вместе с тем следует подчеркнуть, что причины языкового развития вскрываются лишь в диахронии, в движении системы языка. Так, Г.С.Клычков отмечает: "Описывая переход от раннего протоиндоевропейского к позднему общеиндоевропейскому периоду, мы нигде не можем получить относительно стабильную картину, синхронный срез с детерминированной системой. Перед нами динамическая система, система процессов, в которой восстанавливаются лишь тенденции, механизмы и направления изменений" (28, с.34).

Укажем также, что хороший обзор литературы, посвященной причинам языковых изменений, содержится в книге Б.А.Серебрянникова (52). В этой же работе подробно и на большом сравнительно-историческом материале языков различных групп рассмотрены закономерности изменений, диахронические универсалии и фреквенталии, тенденции развития языка, причинно связанные процессы и т.п. Автор, в частности, признает плюрализм причин и тенденций внутриязыкового развития: "В языке одновременно действует большое количество различных причин, перекрещивающихся тенденций, которые могут быть совершенно противоположными по направленности, одна тенденция может нейтрализовать действие другой, и наоборот" (52, с.3).

На материале германских языков многообразие действующих тенденций показывает и Э.А.Макаев (33, с.146), причем подчеркивается роль основных тенденций, характерных для развития именно данной группы языков, которые доминируют, подавляют противоположно направленные тенденции. В.Я.Плогкин, рассматривая тенденцию германских языков к аналитизму, ука-

зывает, что на своем начальном этапе аналитические сочетания были внутренние диалектичны, противоречивы и сочетали возможность морфологизации с возможностью сохранения их первоначальной синтаксической природы. Победа первой из этих двух тенденций означает укрепление синтетических элементов в строе языка и тем самым ослабление процесса аналитизации строя языка. Победа же второй тенденции, наблюдаемая в ряде германских языков, открывает перспективу усиления процесса аналитизации строя языка. Но при этом неизбежно расшатывается аналитическая морфология, которая в исторической перспективе представляется необходимым, но переходящим этапом в эволюции языка на пути аналитизации (47, с.63–64).

Ссылаясь на положение Б.А.Серебренникова о внутренних противоречиях и противоположных тенденциях, лежащих в основе развития языка (53, с.105), В.Г.Кондрачев считает существование антагонизма тенденций вполне естественным. Например, в языке действуют две противоположные тенденции – тенденция выражения различных значений и функций разными формами и тенденция выражения одних и тех же или близких значений и функций одинаковыми средствами. Эти универсальные тенденции в тюркских языках проявляются в ряде частных закономерностей. Например, первая тенденция выражается в стремлении к формальной дифференциации субстантивных и адъективных значений (др. тюрк. ас "голодный", "голод", соврем. тур. ас "голодный" – аслук "голод"). Вторая тенденция проявилась, например, в том, что древнетюркская форма – туш и форма – г могли передавать и значение процесса, и значение признака действия, в то время как в современном турецком языке эти формы имеют только значение признака действия (30, с.33).

Различного рода общие и частные тенденции в развитии отдельных языков выявляют на материале ономастологии Е.В.Мельникова (36, с.23), семантики – Н.И.Батоксок (6), поэтической речи – Л.Г.Кишинская и С.Б.Кишинский (27).

Х.Рятсеп, прослеживая тенденции развития эстонского языка (в особенности укрепление агглютинативно-флективного смешанного типа), анализирует идею циклического развития языков, которая, по его мнению, остается недоказанной гипотезой.

тезой. Автор принимает концепцию осуществляющегося в течение длительного времени спирального развития и изменения языковых типов (64).

А.Ю.Русаков считает важным при диахронических исследованиях различать исторически ограниченные звуковые законы (в младограмматическом смысле) и тенденции фонетического развития, определяющие изменения звукового строя языка на протяжении его истории. Взятый изолированно звуковой закон часто является лишь проявлением той или иной фонетической тенденции, характерной для данного языка, или продуктом взаимодействия нескольких тенденций. Звуковые законы выводятся на основании сравнения двух синхронных срезов языка; только таким образом может быть понят известный младограмматический тезис о том, что звуковые законы не имеют исключений. Фонетическая тенденция, напротив, может быть прослежена как в чисто диахроническом (постепенное вытеснение одних звуковых форм другими), так и в синхронном плане (вариативность в языке и речи). Наряду с регулярными звуковыми переходами, проявлениями фонетической тенденции являются спорадические звуковые переходы, а также вариативность, ограниченная определенными диалектными или функциональными рамками. Столкнувшись с проявлением других звуковых тенденций, а также с ограничениями, накладываемыми морфонологическими условиями, эти изменения создают сложную и запутанную картину развития звукового строя языка (50, с.191).

М.М.Гухман с помощью понятия "диахронические константы" (построения, модели, обобщающие объективно существующие и действующие закономерности языковых преобразований) исследует универсальные закономерности развития языков в историко-типологическом плане. Автор указывает на отличие диахронических констант от полных диахронических универсалий: последние представляют собой "основные положения историко-материалистической теории развития языка" (15, с.45). Выявляя ряд общих закономерностей в развитии различных групп языков, М.М.Гухман вместе с тем отмечает, что в действительности общие закономерности нередко видоизменяются, тормозятся, нарушаются или, наоборот, стимулируются в результате влияния множества внутренних и внешних факторов,

которые весьма часто не могут быть в настоящее время учтены (15, с.244).

Продолжают изучаться также процессы конвергенции и дивергенции, действующие как в одном отдельно взятом языке на его разных уровнях, так и в истории языковых семей и языковых союзов. В.К.Журавлев на материале фонологии восточнославянских языков рассматривает роль конвергентных и дивергентных процессов и связывает их с позиционной обусловленностью (теория нейтрализации фонологических оппозиций) (22, с.35).

Значительную роль конвергентного развития в истории языков мира подчеркивают Т.С.Шарадзснидзе (59; 56, с.63-107) и В.А.Виноградов (56, с.278).

По поводу типов языкового развития интересно также понятие "волнового развития языков", принимаемое в работе И.С.Галкина о развитии местных падежей в финно-угорских языках. Автор указывает, что марийский язык территориально занимает промежуточное положение между прибалтийско-финскими и пермскими языками, поэтому, видимо, стройность серий сложных местных падежей идет по убывающей линии от прибалтийско-финских языков к мордовским, затем к марийскому и через него к пермским. По мнению автора, здесь сказалось волновое развитие языковых явлений в то время еще достаточно близких родственных диалектов финно-пермского языка-основы (12, с.26-27). Следует, однако, отметить, что речь идет здесь, видимо, о тенденции развития местных падежей, существовавшей в финно-угорских языках в целом, тенденции, которая по-разному осуществилась в отдельных финно-угорских языках; не последнюю роль здесь сыграл пространственный фактор локализации носителей отдельных языков; что касается "волнового развития", тот этот термин, на наш взгляд, неудачен, так как ассоциируется с "волновой теорией" распространения инноваций, о которой здесь вряд ли идет речь.

Вопросы конвергентного и дивергентного развития языков затрагивают также Ю.Н.Караулов и В.П.Нерознак при выяснении генетических и ареальных типов языковых общностей. Авторы представляют себе историческое развитие языковых

общностей как членение изначально полигенетического языкового пространства на переходные и моногенетические макротипы, семьи и группы языков с последующим их дроблением на подгруппы и отдельные языки. Полигенетическое языковое пространство развилось в ряд переходных протоязыковых состояний, протосемей (25, с.165). При этом авторы считают конвергентное развитие, ведущее к образованию языковых союзов, тупиковой линией в эволюции, поскольку оно не приводит к новой форме межъязыковой общности. "В то же время тенденция моногенетического дивергентного развития диалектически уравнивается тенденцией сходного развития структур взаимодействующих языков вне зависимости от их генетической принадлежности. Это в свою очередь ведет к возникновению исторического нового социального типа языковой общности, основанного на длительном симбиозе, общем социальном устройстве, единой государственности, общем типе культуры" (25, с.168).

Завершая обзор работ по закономерностям развития языка, следует отметить, что в настоящее время наблюдается тенденция к созданию таких концепций истории языка в целом (ср. упоминавшиеся выше работы М.М.Гухман, В.К.Журавлева, Р.А.Будагова, Т.А.Расторгуевой, Л.М.Скрепиной и др.), в которых либо постулируется примат диалектического принципа саморазвития, либо наблюдается стремление к органическому учету внешних и внутренних факторов развития языка.

Диалектический принцип постоянного движения, изменения и развития является основой диахронических исследований языка. С этим принципом тесно связаны другие категории и законы диалектики: категории причины и следствия (детерминированность языковой системы); качества и количества (переход количественных изменений в качественные путем скачка и качественных изменений в количественные); закон отрицания отрицания (см.60), закон единства и борьбы противоположностей (противоречия в языке как внутренний источник его развития) (см.37, с.10) и др. Эту взаимосвязь категорий и законов диалектического материализма наглядно демонстрируют материалы, приведенные в настоящем обзоре.

1. Ленин В.И. Диалектика и эклектицизм: "Школа" и "аппарат". - Полн. собр. соч., т.42, с.286-296.
2. Аверьянов А.Н. Система: философская категория и реальность. - М.: Мысль, 1976. - 188 с.
3. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: (К вопросу о предмете социолингвистики) /АН СССР. Ин-т языкознания. - Л.: Наука, 1975. - 276 с.
4. Архипов И.К. Становление словообразовательной парадигмы основ английских прилагательных. - В кн.: Диахронические исследования германских языков. Калинин, 1982, с.18-25.
5. Баскаков А.Н., Михальченко В.Ю. Проблема функционального и внутрискруктурного развития языка в связи с его функционированием в сферы высшего образования. - В кн.: Развитие национальных языков в связи с их функционированием в сфере высшего образования. М., 1982, с.6-28.
6. Багожок Н.И. К реконструкции процессов семантического развития в этимологическом гнезде. - В кн.: Лингвистические исследования, 1980. М., 1980, с.34-46.
7. Будагов Р.А. Проблемы развития языка / АН СССР. Науч. совет по теории сов. языкознания при Отд-нии лит. и яз.-М.; Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1965. - 73 с.
8. Будагов Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка? / АН СССР. Ин-т языкознания. - М.: Наука, 1977. - 264 с.
9. Взаимоотношение развития национальных языков и национальных культур / Дешериев Ю.Д., Джунусов М.С., Исаев М.И и др.; Отв. ред. Дешериев Ю.Д., Туманян Э.Г.; АН СССР. Ин-т языкознания, Науч. совет по комплекс. пробл. "Закономерности развития нац. яз. в связи с развитием соц. наций". - М.: Наука, 1980. - 320 с.
10. Гаджиева Н.З. Внешние и внутренние причины языковых изменений. - В кн.: П Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания "Диалектика развития языка": Тез. докл. М., 1980, с.122-135.

11. Гак В.Г. Эволюция способов номинации в свете соотношения внешних и внутренних стимулов в развитии языка. — В кн.: II Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания "Диалектика развития языка": Тез. докл. М., 1980, с.19-29.
12. Галкин И.С. Об относительной хронологии в развитии местных падежей. — В кн.: Вопросы грамматики и лексикологии. Йошкар-Ола, 1980, с.22-28.
13. Гамкрелидзе Т.В. Языковое развитие и праязыковая реконструкция. — В кн.: II Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания "Диалектика развития языка": Тез. докл. М., 1980, с.54-66.
14. Глозман А.Б. Ленинизм о равноправии языков и диалектика этнолингвистических процессов в СССР.: Автореф. дис. ... канд. филос. наук / Специализир. совет (К 053.05.64) по филос. наукам. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. — 21 с.
15. Гухман М.М. Историческая типология и проблема диахронических констант /АН СССР. Ин-т языкознания. — М.: Наука, 1981. — 249 с.
16. Гухман М.М. К вопросу о разграничении процессов изменения и развития языка. — В кн.: II Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания "Диалектика развития языка": Тез. докл. М., 1980, с.30-33.
17. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика: К основам общей теории /АН СССР. Ин-т языкознания. — М.: Наука, 1977. — 382 с.
18. Дружнов Л.А. Место закона в системе категорий материалистической диалектики. — М.: Высш. шк., 1981. — 144 с.
19. Дуличенко А.Д. Славянские литературные микроязыки: Вопр. формирования и развития. — Таллин: Валгус, 1981. — 323 с. — Рез. на фр. яз. Библиогр.: с.280-310.
20. Журавлев В.К. Внутренние и внешние факторы языковой эволюции/ АН СССР. Ин-т языкознания. — М.: Наука, 1983. — 328 с.
21. Журавлев В.К. Диалектика внешнего и внутреннего в языке. — В кн.: II Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания "Диалектика развития языка": Тез. докл. М., 1980, с.69-72.

22. Журавлев В.К. Нейтрализация фонологических оппозиций в диахронии и синхронии. – В кн.: Теория нейтрализации. Тамбов, 1980, с.11–36.
23. Журавлев В.К. Причины, пути и способы языковых изменений. – В кн.: Язык как процесс и система. М., 1975, с.100–124.
24. Исаев М.И. К вопросу о понятии "развитие языка". – В кн.: Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981, с.131–140.
25. Караулов Ю.Н., Нерознак В.П. Генетические и ареальные типы языковых общностей и их историческое развитие. – В кн.: 11 Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания "Диалектика развития языка": Тез. докл. М., 1980, с.164–168.
26. Кириллова Т.В. Динамика диалектного вокализма в советский период: (На материале говоров Калинин. обл.): Автореф. дис. д-ра филол. наук. / МГУ им. М.В.Ломоносова. Филол. фак. – М., 1980. – 32 с.
27. Кишинская Л.Г., Кишинский С.Б. Выявление опережающей роли поэтической речи в развитии языка с помощью корреляционного анализа. – Учен. зап. Тарт. ун-та, 1980, вып. 549. Тр. по лингвостатистике, № 5, с.47–58.
28. Клычков Г.С. Генезис и вариативность в падежных флексиях. – В кн.: Проблемы динамики и статики в английском языке. М., 1980, с.30–34.
29. Клычков Г.С. Язык как процесс и система. – В кн.: Язык как процесс и система. М., 1975, с.9–28.
30. Кондратьев В.Г. Основные тенденции развития в морфологическом строе тюркских языков. – Сов. тюркология, Баку, 1980, № 5, с.31–36.
31. Куканова Н.Н. К вопросу о типах семантических изменений: (Развитие оценочных значений у прилагательных). – В кн.: Лингвистические исследования, 1981, М., 1981, с.115–127.
32. Левицкий В.В. О внешних и внутренних факторах семантических изменений. – В кн.: П Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания "Диалектика развития языка": Тез. докл. М., 1980, с.159–162.

33. Макаев Э.А. Общая теория сравнительного языкознания /АН СССР. Ин-г языкознания. – М.: Наука, 1977. – 206 с.
34. Макаев Э.А. Понятие давления системы и иерархия языковых единиц. – Вopr. языкознания, М., 1962, № 5, с.47–52.
35. Материалистическая диалектика: Законы и категории /Митин М.Б., Шептулин А.П., Ляхова Л.Н. и др.; Редкол.: Шептулин А.П. (отв. ред.) и др.; АН СССР. Ин-г философии, АН УССР. Ин-г философии и права им. М.М.Мушмина. – Ташкент: Фан, 1982. – 343 с.
36. Мельникова Е.В. Лексическая динамика английского языка в аспекте диахронической ономастологии. – Сб. науч. тр. /Моск. гос. пед. ин-г иностр. яз. им. М.Тореза, 1981, № 171, с.17–28.
37. Мельничук О.С. К.Маркс і розвиток сучасного мовознавства. – Мовознавство, Київ, 1983, № 3, с.3–12.
38. Мельничук О.С. Розвиток мови як реальної системи. – Мовознавство, Київ, 1981, № 2, с.22–34.
39. Мельничук А.С. Язык как развивающаяся реальная система. – В кн.: 11 Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания "Диалектика развития языка": Тез. докл. М., 1980, с.4–18.
40. Мещанинов И.И. Проблемы развития языка / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. – Л.: Наука, 1975. – 352 с.
41. Мицък А.А. Развитие значений слов праславянского происхождения в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук /Рост. н/Д гос. ун-г. – Ростов н/Д, 1981. – 29 с.
42. Общее языкознание: Формы существования, функции, история яз. / Отв. ред. Серебrenников Б.А.; АН СССР. Ин-г языкознания. – М.: Наука, 1970. – 604 с. – Библиогр. в конце глав.
43. Орлов В.В. К понятию развития. – Науч. докл. высш. шк. Филос. науки, М., 1980, № 1, с.5–19.
44. Основные проблемы марксистского языкознания: Докл., на Всесоюз. науч. конф. по теорет. вопр. языкознания. /АН СССР. Отд-ние лит. и яз., Науч. совет по теории сов. языкознания. – М., 1974. – 22 с.

45. Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания /АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1982. – 357 с. – (Пробл. марксистско-ленинского языкознания).
46. Панфилов В.З. О некоторых аспектах социальной природы языка. – Вопр. языкознания, М., 1982, № 6, с.28–44.
47. Плоткин В.Я. О путях эволюции аналитизма в германских языках. – В кн.: Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Л., 1980, вып. 4, с.58–64.
48. Плоткин В.Я. Эволюция фонологических систем: На материале герм. яз. /АН СССР. Науч. совет по теории сов. языкознания, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1982. – 129 с. – Библиогр.: с.123–128.
49. Расторгуева Т.А. Варьирование и исторические изменения морфологической системы английского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М.Тореза. – М., 1980. – 51 с.
50. Русаков А.Ю. Звуковые законы и фонетические тенденции: (На материале албан. яз.). – В кн.: Лингвистические исследования, 1981. М., 1981, с.191–194.
51. Семчинский С.В. Динамика воздействия внешних и внутренних стимулов в развитии языка. – В кн.: 11 Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания "Диалектика развития языка": Тез. докл. М., 1980, с.168–171.
52. Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1974. – 352 с.
53. Серебренников Б.А. Об относительной самостоятельности развития системы языка / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1968. – 127 с.
54. Скрелина Л.М. Некоторые вопросы развития языка: (Пробл. и методы диахрон. исслед.). – Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1973. – 144 с.
55. Сузанович В.Б. К проблеме изучения диахронического словообразования. – Этимол. исслед. по рус. яз., М., 1981, № 9, с.228–235.

56. Теоретические основы классификации языков мира: Пробл. родства /Отв. ред. Серебренников Б.А.; АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1982. – 312 с.
57. Филин Ф.П. Противоречия и развитие языка. – В кн.: 11 Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания "Диалектика развития языка": Тез. докл. М., 1980, с.36–54.
58. Чикобава А.С. О философских вопросах языкознания. – В кн.: Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания (11–16. 11 1974): Тез. докл. и сообщ. пленарных заседаний. М., 1974, с.144–158.
59. Шарадзенидзе Т.С. Типология языков в синхроническом и диахроническом плане /АН СССР. Ин-т языкознания. – Тбилиси: Мещниереба, 1982. – 181 с. – Рез. на нем. яз.
60. Шванц А.В. О диалектике развития именных и адъективных лексем в английском языке. – Вестн. Киев. ун-та. Ром.-герм.филология, 1980, вып. 14, с.44–45.
61. Шумова Н.С. Некоторые аспекты проблемы развития английского языка в связи с межъязыковыми контактами. – В кн.: Диахронические исследования германских языков. Калинин, 1982, с.71–76.
62. Шегинкин В.Е. Причинность языковых изменений: (На прим. старофр. аргикля uns) . – В кн.: Грамматическая семантика. Горький, 1979, с.29–33.
63. Ключков Г.С. Teoria rozwoju języka i językoznawstwo historyczno-porównawcze /Ključkow G.S., Przeł. Jurkowski M. – W-wa: Państw. wyd-wo nauk., 1975. – 284 s.
64. Rätsep H. Some tendencies in the development of Estonian. – Сов. финно-угроведение, Таллин, 1981, № 3, с.202–211.